

НАРОДНАЯ
ФАНТАСТИКА

НАРОДНАЯ
ФАНТАСТИКА

ЮРИЙ МАНОВ

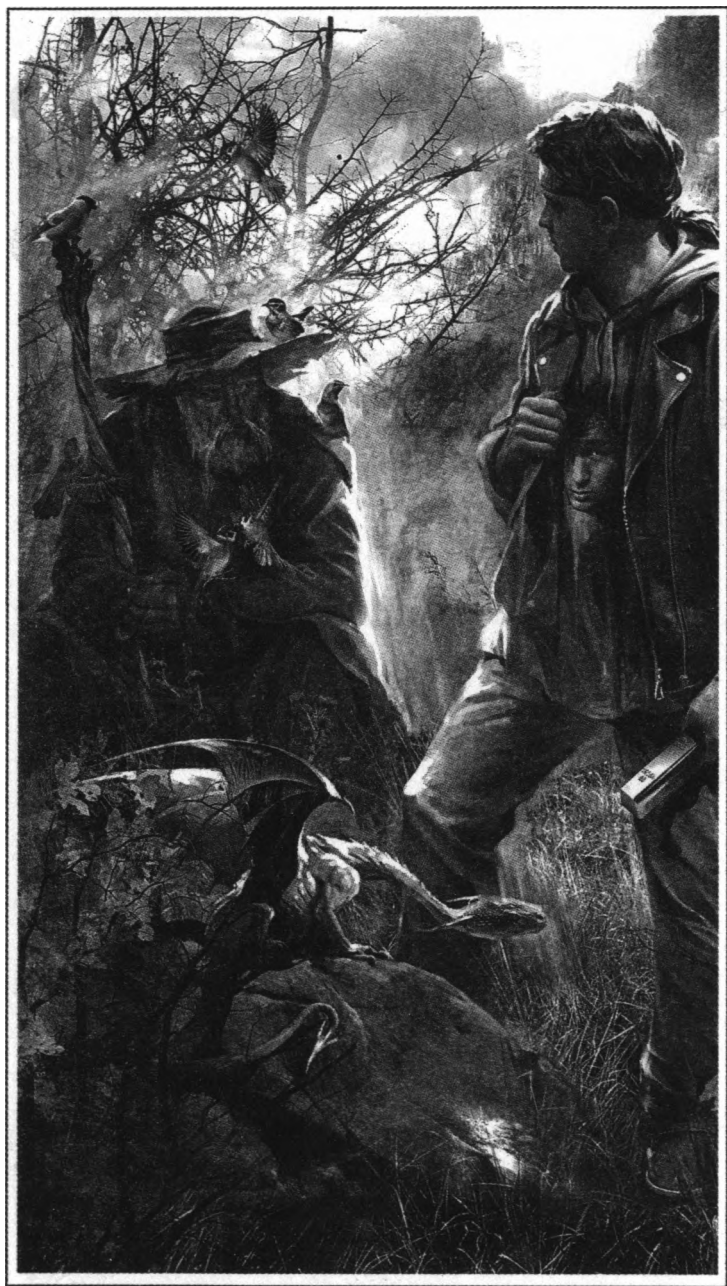
ЭЛЬФЫ
СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ

ЭКСМО

Юрий Манов ЭЛЬФЫ
СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ

Юрий Манов

**ЭЛЬФЫ
СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ**

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 23

Разработка серийного оформления
художника *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована работа
художника *И. Хивренко*

Манов Ю. Л.

М 23 Эльфы средней полосы : фантастический роман / Юрий Манов. — М. : Эксмо, 2013. — 352 с. — (Народная фантастика).

ISBN 978-5-699-68047-4

Хотите быстро разбогатеть? Нет проблем! Достаньте свинец из старого аккумулятора, в полнолуние положите его в змеиную кровь, а утром заберите золото. Много! Правда, чтобы сработало, нужно еще добавить чуточку философского камня. Но и это вполне решаемо! Смело идите в лес, ищите дупло с порталом и через него отправляйтесь в Запределье. А уж там любой маг предоставит вам искомое за не слишком навороченный мобильник или простой фонарик...

Но будьте осторожны! Вблизи порталов часто бродят боевые эльфы, им очень нужны рабы хотя бы со средним образованием. И опасайтесь гномов, в их шахтах постоянно не хватает рабочих рук. Особо не советуем попадаться оркам. В лучшем случае они вас просто съедят! Не боятесь? Тогда вперед! Удача любит смелых! Но выживают умные...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-68047-4

© Манов Ю., 2013
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Есть ведомое и неведомое, а между ними — двери.

У. Блейк

Вопреки официальной версии Джим Моррисон не сразу нашел название для группы «Doors», ставшей впоследствии легендарной. Его биографы в один голос утверждают, что название «Двери» взято Джимом из древней легенды племени Сиу о дверях между миром живых и мертвых, в которые можно войти лишь посвященным. Смущает лишь то, что у индейцев Сиу до контактов с европейцами и долгое время после оно вообще не было такого понятия, как двери...

В. Янг. «Эльфийский эпос.

Миф или реальность?»

Пролог

Боб, Крапива и Лохматый

Боб ухватился за толстый сук, осторожно поставил ногу на ветку, дождался, пока та прогнется под тяжестью его тела, и ловко спрыгнул на землю. Приземлился удачно — на обе ноги. Поправил охотничью сумку, подошел к стволу древнего дуба и протянул руку Крапиве. Крапива презрительно глянула на протянутую ладонь, вдруг резко оттолкнулась ногами и спрыгнула с дерева, сделав в воздухе кульбит.

— Ловко, — не стал скрывать своего восхищения Боб, — эмансипация наступает.

— Что? — сразу нахмурилась Крапива, поправляя короткий зеленый плащ.

— Да так, ничего, это я о своем, об озерном, — сказал Боб и кивком головы указал направление. — Тут тропинка есть, минут через десять будем на месте. Если дама желает, может пройти первой.

— Спасибо, мы как-нибудь за хозяевами, — буркнула Крапива, отмахиваясь от наглой осенней мухи.

Боб снова кивнул и направился по едва заметной тропке вдоль густых зарослей кустарника. Крапива молча двинулась за ним, то

и дело оглядываясь, словно впервые в лес попала. Однажды она замерла, затем молнией метнулась за сосну и застыла с зажатым в руке ножом. Но тревога оказалась ложной — крупный матерый еж, потревоженный вторжением на его территорию, соизмерил свои размеры с габаритами «вторженцев» и ломанулся с тропинки в кусты.

Боб глянул вслед колючему, потом на девушку, все еще прижимавшуюся к стволу, и тяжело вздохнул:

— Да нет здесь ничего опасного, я ж говорил уже. Расслабьтесь, уважаемая. Скоро будем на месте.

Боб оказался прав, действительно, минут через десять впереди посветлело, сосны с вкраплениями берез расступились, и спутники вышли на крохотный, очень милый пляжик.

— Пожалуйста, озеро Беленькое, — широким театральным жестом Боб представил Крапиве озерную гладь, покрытую густой дымкой. — Прошу любить и жаловать.

Озеро было не особо большое — метров триста в диаметре. Идеально круглое, оно обильно заросло с одного берега камышом и прочей болотной травой. Со всех сторон его окружали сосны, осины и березы. Летом эта зеленая стена просто радовала глаз, но сейчас, осенью, соцветье зеленого, красного, желтого, оранжевого и прочих цветов радуги выглядело просто фантастически. А добавьте сюда зер-

кальное отображение этой красы на озерной глади...

— Красиво, — после недолгой паузы сказала Крапива, — очень красиво. Не ожидала... Но к делу... И где же ваш этот... как его...

— Сейчас, сейчас, — заверил Боб, оглядываясь по сторонам, — непременно должен быть где-то здесь. Место оговоренное, и вон его лодка в камышах... А вот, собственно, и он сам.

Действительно, чуть поодаль, за большим можжевельным кустом обнаружилось едва дымящееся костровище, около которого, возложив бритую голову на прозрачную пятилитровую бутыль, мирно дрых в обнимку с двухстволкой бородастый мужичок в камуфляже с нашивками лесничего. Одеядо спящему заменяла старая брезентовая плащ-палатка еще советского образца.

— Вот, полюбуйтесь, — улыбнулся Боб, — золотой фонд местного охотхозяйства, краса и гордость лесничества «Мещера», господин Лохматый. По совместительству — егерь.

— А чем здесь так пахнет? — сморщилась Крапива, трогая носком мягкого сапожка еще одну пятилитровую бутыль, но почти пустую.

— «Жидкость для мытья стекол», — прочел Боб надпись на этикетке и пояснил: — А попросту — спирт. Эффективное средство, чтобы свалить с ног даже очень крепкого мужчину.

— И они это... пьют? — снова сморщилась Крапива.

— Пьют, и еще как пьют! Уж можете мне поверить! — заверил Боб и толкнул спящего сапогом. — Эй, Лохматый, проснись! Дембель проспишь!

Лесничий что-то забормотал и попытался перевернуться на другой бок. Но Боб выбрал момент и ловко выдернул бутылку из-под его головы. Ткнувшись ухом во влажную траву, лесничий сначала замер, потом вскочил на карачки и аки зверь лесной начал озираться по сторонам. Наконец его ословелый взгляд сфокусировался на Бобе. Тут же бородатое лицо его расплылось в широчайшей улыбке.

— А-а-аа, господин Боб. А че так рано? Я вас только завтра ждал, в воскресенье.

— В воскресенье, — передразнил лесничего Боб. — Сегодня и есть завтра, то есть воскресенье, идиот. Пить меньше надо!

Лесничий на «идиота» совершенно не обиделся, поднялся с карачек на ноги и снова широко улыбнулся, заметив Крапиву.

— О! Да к нам в гости мадам! Счастлив видеть, сударыня. Велкам! Позвольте ручку лобызнуть.

Крапива тут же спрятала руку за спину, словно опасалась, что лесничий начнет силком ее целовать, а Боб тем временем представил гостью:

— Да, Лохматый, вот госпожа Крапива к нам. По обмену и с инспекцией. Прошу любить и жаловать.

— По обмену... — мечтательно протянул лесник, — вот бы и мне к ним по обмену...

— Да куда тебе по обмену, Лохматый, — хохотнул Боб, — ты тут-то, у себя дома порядка навести не можешь, а еще куда-то собрался.

— А че не могу, че не могу?! — обиделся лесник, озираясь по сторонам. — Все у меня в порядке, все у меня готово: вот костерок, дровишки, вон рыбка в садке: окушки, щучка. Сейчас такую ушицу сварганим! Спиртик опять же очень хороший, сам проверял.

— Я уж вижу, что проверял, — усмехнулся Боб, ковыряя пустую бутылку ногой.

— Да ладно, господин Боб, вы же меня не один десяток лет знаете, — засуетился Лохматый, выкладывая в центре костровища сухие полешки «колодцем» и засовывая в середину березовой коры. — Ну притомился вчера, вас ожидаючи, и погода не заладилась. Дождь с утра — противный такой, холодный, моросил все. И никакого клева. Ну, как тут не принять для сугреву? Как согрелся, сетишки поставил, так что уха-то будет. И вы, сударыня, давайте-ка своих зайчиков, уточек сюда, я их мигом...

Крапива презрительно глянула на лесника, молча сняла с ремня свою утреннюю добычу — двух зайцев и трех уток. Молча сняла тонкие замшевые перчатки и принялась разде-

лывать ушастых. Боб только диву давался, как у нее все ловко получается. В пару минут зайцы были лишены шкурок, освежеваны и нанизаны на вертела. А вот уток Крапива бросила Лохматому. Видно, считала, что ощипывать птицу ниже ее достоинства.

Боб снова усмехнулся, помянул про себя недобрым словом эмансипацию и присел на поваленный ствол старой сосны, наблюдая, как разгорается костер.

— Послушай, Боб, а почему ты называешь его лохматым? — спросила Крапива, устраиваясь рядом и отряхивая руки. — Он ведь... как это... совсем лысый.

Боб отвечать не торопился, разглядывая руки инспекторши. Ничего не скажешь, красивые руки: матовая кожа, голубые жилочки под ней, тонкие пальцы с идеальной формы ногтями, покрашенными золотым лаком. Только вот затвердевшие мозоли на большом и указательном пальцах правой руки несколько портили вид.

— Так от фамилии это, — пояснил за Боба лесник, устраивая котелок над огнем. — Фамилия наша Лохматов, вот и пошло: «Лохматый, Лохматый». А я ничего, я привык.

Крапива выслушала объяснения лесника вполуха, заметила взгляд Боба, усмехнулась и надела на большой палец правой руки золотой перстень с крупным изумрудом.

— Здесь по-другому носят, — сообщил Боб, — обычно на среднем или безымянном пальце.

— Ничего, мы как-нибудь так, по старинке. А почему озеро называется Беленькое? Из-за тумана?

— Наверное, — пожал плечами Боб, плотнее закутываясь в плащ, хотя из-за туч выглянуло солнышко, — тут часто туман, особо после дождя. А километров в пяти отсюда есть озеро Красненькое — там вода красная, торфяная. На закате — красота невероятная! Чуть севернее озеро Черненькое — мое любимое. А еще Сегденское, Уржинское, Ласковское, но это дальше, за болотами. Хотя, если честно, летом мне там не нравится, народу много, лагеря пионерские, дачи, туристы, машины. Это такие механические телеги. Шум, гам, песни ночами орут под гитары, водку пьют. А здесь красота, особенно осенью: никаких туристов, девственная природа — заповедник, одним словом.

— Да? А вон тот монстр на противоположном берегу — это тоже часть девственной природы? — не без ехидства спросила Крапива.

— Что? — Боб встал и начал пристально вглядываться в сторону, куда указывала Крапива. — Ну и глаз у тебя. Эй, господин лесничий, подь-ка сюда. Ты что же это, специально к нашему визиту еще каких гостей пригласил?

Лохматый удивленно обернулся, подошел к самому берегу и поднес бинокль к глазам.

Выругался вслух. И было с чего. На противоположном берегу действительно стоял монстр. Большой, красивый, блестящий серебряными боками, на мощных, широких колесах. Из монстра выбиралась на берег шумная компания, ознаменовав свой выход хохотом, визгом и раскатами «Владимирского централа» из мощных колонок.

— Внедорожник. Японский. «Хонда», кажись, а может, и «Тойота», — сообщил лесничий. — Как сюда проехал — ума не приложу. Там есть такое место — сплошь болото. Эка, так у него над бампером лебедка. Тогда понятно. Компания — три мужика и девки две. Голые... Купаться, кажись, полезли.

Факт, что девки на самом деле полезли купаться, тут же нашел подтверждение в виде отчаянных девичьих визгов с воды и хриплого хохота с берега.

— Мне это не нравится, — сказала Крапива и встала. — Пойду, прогоню их.

— Постой, Крапива, — Боб тоже встал и мягко придержал ее за локоть. — У нас для этого есть господин лесничий. Лохматый, я верно понимаю, что здесь заповедник и эти люди нарушают закон?

— Вернее некуда, — согласился лесничий, закидывая за спину ружье и подтягивая к берегу лодку. — Вы уж, уважаемые, за ушицей-то присмотрите, ну и за остальным, а я мигом им рога пообломаю. Надо же, до чего обнаглели,

в заповедник среди бела дня... Ну я им сейчас покажу...

Последнюю фразу он договаривал, уже забравшись в резиновую лодку и берясь за весла.

Боб с Крапивой снова остались одни. Крапива подошла к костру, порылась в сумке и полила заячьи тушки, начавшие румяниться, из небольшой походной соусницы. Потом снова вернулась к воде, присела, тронула ее рукой, сказала задумчиво:

— Тепленькая, даром что осень. Красиво тут у них, не ожидала. Я-то думала, здесь давно уже... пеньки одни.

Боб, не отрывая глаз от гибкой фигуры Крапивы, пояснил:

— Да нет, за природой они следят... начали следить. Вырубки контролируют, деревья сажают, пожары лесные тушат, заповедники опять же...

— Защищаешь их? — прищурилась Крапива.

— Нет, просто констатирую факт. Впрочем, смотри сама, ты ж у нас инспектор.

— Что тут смотреть? Красота да и только. Тишь да гладь. И безопасно, рай да и только. Не то что там, — и она кивнула в сторону, откуда они пришли. — Вы, озерные, всегда устраниваться умели. Живете уютно, богато.

— Кто бы говорил, — усмехнулся Боб. — А не вы ли в своих песнях, извиняюсь, балладах только и знаете, что распинаетесь о

любви к вековым дубам, молоденьким березкам и прочим деревцам? В смысле, что нет ничего милее, чем девственный лес и ночлег под звездным небом. А мы как-то к воде ближе любим. — Боб шумно втянул носом воздух. — Кстати, зайчики не подгорят?

Крапива глянула в сторону костра, подошла к огню, перевернула тушки, выпрямилась, откинула рукой пепельного цвета челку. Боб снова невольно залюбовался девушкой. И было чем. Крапива была хороша, держалась прямо, походка спокойная, размеренная. На взгляд Боба, по сравнению с Крапивой всякие манекенщицы отдыхают. Опять же, соблазнительных размеров упругая грудь...

— Эх, хороши зайчики осенью, — причмокнула Крапива. — Жирненькие. Клюквенного соуса бы к ним да винца сливового.

— Пожалуйста, — Боб поспешно раскрыл сумку, выложил на расстеленную газету «Местная правда» ярко разрисованную коробку и две маленькие бутылочки.

— Что это? — удивилась Крапива, разглядывая коробку и трогая ее пальцем.

— Вино. Виноградное, сухое, «Мускат». Два литра.

— Вино? Вино в коробке? И оно не размочило бумаги?

— Там внутри... фляга такая с клапаном. Сейчас, — Боб умело вскрыл коробку и, нажав на клапан, быстро наполнил два пластиковых

стаканчика. Протянул один Крапиве. — Выпей, они научились делать довольно приличные вина.

Крапива подозрительно понюхала жидкость, но все-таки сделала глоток.

— Да, неплохо... А вот в этих маленьких бутылочках что?

— Соусы. Ткемали и твой любимый — клюквенный. Советую попробовать, весьма прилично на вкус.

— Прилично? — усмехнулась Крапива. — Да что они понимают в соусах? Вот у нас дома соусы так соусы. Матушка недавно к кабану приготовила, вот это соус! Рецепт не меньше тысячи лет...

Но все-таки сняла с бутылочки крышку и попробовала соус на язык. Ничего не сказала, но по глазам было видно, что вкус ее приятно удивил.

— Тут еще много приятных сюрпризов, — заверил Боб. — Если сегодня успеем, я покажу...

Он не договорил, потому что в кустах поблизости что-то хрустнуло. Крапива вскочила на ноги, резко обернулась, нож снова блеснул в ее ладони.

— Крапива, да не хватайся ты за нож при каждом шорохе. Я же тебе говорил, тут совершенно безопасно. Дикого зверя нет и вообще...

— Кто-то идет...

— Да кому тут ходить, разве что Лохматому. А вот, кстати, и он. Странно, а почему пешком?

Лохматый, действительно, вернулся пешком и в виде весьма плачевном. Ноги — по колено в грязи, один из нагрудных карманов камуфляжа надорван, фуражка куда-то потерялась. Под левым глазом природоохранника отливала редкостной расцветки свеженабитый фонарь.

— Чего это ты пешком, без лодки? — участливо спросил Боб. — И где ружье потерял?

Лохматый молча подошел к костру, стянул сапоги, вылил из них грязную воду. Бросил сапоги тут же, в одних носках вошел в озеро, брызгаясь и матерясь, стал стирать с брюк грязь.

— Эй, Лохматый, случилось что? — уже без всякой иронии спросил Боб.

— Да ниче, — сквозь зубы процедил Лохматый, — свяжешься с вами... Это Витька Манохин — сын местного начальника ГАИ. И друг его, Пашка Сергеев — боксер, мать его, морда бандитская. Приехали на природу с девками отдохнуть, рыбку половить. Я им, мол, не положено в заповеднике, а Пашка как мне в глаз зарядит... Боксер гребаный. Ружье отняли, Витька сказал, что в ровэдэ вернут, если хорошо вести себя буду. И бинокль разбили. Че теперь делать-то?

Крапива прыснула в кулак. В этот момент на противоположном берегу что-то гулко грохнуло, и на озерной глади образовался фонтанчик воды.

— Мать их за ногу! — схватился за голову Лохматый, оставаясь по колено в воде. — Так они динамитом рыбу глушат.

Боб помрачнел, сурово глянул на Лохматого, потом на Крапиву:

— Уважаемая Крапива, у вас сентябрьская квота на сколько?

— На две особи, — нарочито равнодушно ответила Крапива и с интересом посмотрела в сторону гуляющей компании. Боб проследил за ее взглядом, повернулся к Лохматому и твердо сказал:

— А ну, пойдем за мной!

Дорогу вокруг озера вряд ли можно было назвать легкой. Да, собственно, дороги не было — спутникам то и дело приходилось продирались сквозь кусты, шлепать по заросшей болотной травой трясине, спотыкаться о торчащие из торфяника корни. Боб шел первым, порою ломился сквозь можжевельник и орешник, напоминая собой небольшой бульдозер, за ним легко перепрыгивала с кочки на кочку Крапива, замыкал шествие Лохматый, без конца что-то бубня себе под нос. К концу пути Боб совершенно разозлился — он зацепился плащом за корягу, резко дернул и вырвал из него кусок.

— Ну я им сейчас покажу, — рявкнул Боб и погрозил кулаком почему-то в сторону озера. Через пару минут они все-таки добрались до поляны.

* * *

Компания на берегу устроилась с комфортом: складной столик, заставленный красивыми бутылками и деликатесами, шезлонги, гамак, мангал. Даже зонт складной имелся, видимо, позаимствованный в каком-то кафе. И отрывались «отдыхающие» вовсю: гремели колонки «Тойоты» в открытом багажнике, трещал костер, шипело мясо на шампурах, булькала вода в котелке. Около костра суетился невысокий крепыш в спортивном костюме с закатанными рукавами. Остальные просто отдыхали. Покрытый подростковыми прыщами выюнош в явно не дешевом «Адидасе» качался в гамаке, лениво потягивая через соломинку коктейль из красивого бокала. На сучке около него болталось ружье Лохматого. Мускулистый, обнаженный по пояс бугай лет двадцати сидел у стола в шезлонге со стаканом вискаря в руке и, щерясь, наблюдал, как две почти обнаженные блондинки, похожие друг на друга как две капли перцовки, извиваются в страстном эротичном танце с явным намеком на лесбос.

— У их самок теперь мода такая, ходить голыми? — предположила Крапива, выходя вслед за Бобом на поляну.

— Это называется топлес, — буркнул Боб, — голый верх.

— А вот эти веревочки на бедрах? — как-то очень по-женски поинтересовалась Крапива, разглядывая девушек.

— Стринги! Трусики такие модные!

— Странно, они же почти ничего не закрывают.

— Для этого и придуманы, — авторитетно заявил Боб.

Лохматый наконец выбрался из кустов, встал чуть сзади Боба:

— Вот тот, в гамаке — Витька Манохин, а здоровяк — Пашка Сергеев. Он-то мне в глаз и засветил, — наябедничал Лохматый. — А который у костра — Сашка, водитель Витькин. Но он вроде мужик нормальный, он меня и пальцем ни-ни...

— Эй, вы! Как вас там! — громко крикнул Боб.

Пришельцев, наконец, заметили. Юнец приподнялся в гамаке, ухмыльнулся, ткнул пальцем в сторону водителя и сделал пальцем вращательное движение. Шофер немедленно метнулся к машине, забрался в салон — музыка смолкла. Здоровяк продолжал сидеть в шезлонге, только отставил стакан с виски и теперь разминал пальцы, словно готовясь к бою. Девки же закончили извиваться и, не думая прикрываться одеждой, уселись в шезлонги рядом с боксером, словно собрались стать зрителями забавного представления.

— Гляди-ка, Павлуха, — хохотнул юнец, — наш терпца Лохматый — морда гоблинская братву заступаться привел. Да бабу еще! Ой, я щас от страху описаюсь.

— А они ничего, — сказала Крапива, с интересом рассматривая боксера. — Особенно

этот самец. Сильный, молодой, зубы хорошие. Самки тоже приличные, тощеваты только. Но не беда, главное, что молодые. А вот дохляка придется долго откармливать. Не нравится он мне.

— О самках забудь! — сказал Боб как отрезал. — Договор забыла? А сморчка, действительно, замучаешься кормить. Может, ограничишься бугаем? Такой запросто бревна в одиночку таскать сможет.

— Эй, ты! Че сказал? Ты че? Ты кого в натуре самцом назвал? Те ваще, братан, че нада? — с растяжкой процедил сквозь зубы здоровяк, поднимаясь на ноги. — Хочешь такой же фонарь, как у Лохматого? Так я тебе мигом органирую.

И боксер лениво, вразвалочку двинулся к пришедшим, поигрывая на ходу мышцами. Лохматый немедленно спрятался за спину Боба. Но Пашка, не дойдя трех шагов до компании, остановился. Рядом с Бобом он как-то сразу перестал выглядеть здоровяком. Да, может быть, в плечах боксер был чуть шире, но вот рост... Боб был выше Пашки не меньше чем на две головы. Да и Крапиву бог тоже ростом не обидел. И в глазах боксера мелькнуло что-то вроде неуверенности.

— Ой, да это ролевики, — вдруг подала голос одна из девиц, — я про них по телевизору видела. Они уходят в леса и изображают из себя... ну этих, из «Властелина колец»...

— Хоботы? — попробовала подсказать вторая девица.

— Сама ты хоботы, — отмахнулась от нее первая. — Это... как их... эльфы! Вот! Видите, плащи на них зеленые, луки. У этих даже уши острые, как в кино. Приклеенные, наверное...

— Точно, Пашк, — гоготнул Витька, — это придурки ряженные. И ушки у них приклеенные. На бээфе.

— Ушки? На бээфе? — ухмыльнулся ободренный боксер и, шагнув вперед, протянул руку к голове Крапивы, словно собирался проверить, насколько крепко «ушки» приклеены. Крапива сделала полшага вперед, легонько повела плечом, и боксер... кубарем полетел в траву. Лохматый аж ойкнул.

Боксер сидел в пожухлой траве и очумело оглядывался по сторонам. По всему было видно, что он совершенно не понимал, как и каким образом оказался так близко к земле. Наконец его взгляд сфокусировался на Бобе. Тот стоял, как прежде, спокойно, со скрещенными на груди руками. Вот он враг! Видимо, Пашка представить себе не мог, что с ног его сбила хрупкая с виду девушка.

— Да ты... ты знаешь, кто я?! — зловеще прошипел боксер, поднимаясь на ноги и принимая боксерскую стойку. — Да я тебя...

Боксерская стойка не помогла чемпиону области. Крапива ударила ногой. Ударила резко, хлестко, точно в подбородок, только

полы короткого зеленого плаща взметнулись. Боксер покачнулся и, как был — с поднятыми на уровне челюсти руками, медленно завалился на спину. Девки разом завизжали.

— Блин, я такое только по телику видел, — сообщил Лохматый, выглядывая из-за спины Боба.

— Эй, вы, придурки! — уже совсем без смеха крикнул Витька, пытаясь вскочить с гамака на ноги и достать что-то из кармана брюк. — Да вы знаете, кто он?! Кто я?! Да я щас звякну, братва подвалит, они вас здесь зарюют!

— Здесь мобилка не берет, — мерзко хихикнул совсем уж осмелевший Лохматый.

А Боб перешагнул через неподвижно лежащего боксера и двинулся к стоянке. Тем временем Витьке наконец удалось подняться с гамака. Вскочив на ноги, он судорожно начал тыкать пальцем в клавиши мобилки, поняв, что связи здесь нет, сунул телефон обратно в карман и под дружный визг девок схватил в руки ружье.

— Не подходи! Убью! — истерично крикнул Витька, пытаясь взвести курки.

— Послушайте, юноша, не стоит играть с огнестрельным оружием, это опасно, — очень спокойно сказал Боб, останавливаясь.

— Тебя не спросил! — крикнул Витька. — Не подходи, говорю! Сашка, заводи машину!

Боб усмехнулся и шагнул вперед, Витька вскинул ружье, но выстрелить не успел. Даже

если бы и успел, вряд ли из этого получилось что-либо путное, потому что ружье он держал совершенно неправильно, по-киношному. Скорее всего, отдачей ему просто выбило бы плечо. Но выстрела не было, зато резко свистнула стрела. Витька покачнулся, выронил ружье и, держась правой рукой за плечо, медленно сполз по стволу сосны на землю. Девки завизжали еще громче, разом вскочили с шезлонгов и бросились в чашу.

— Проклятье! — буркнул Боб. — Ищи их теперь по всему лесу.

Лохматый пнул лежащего без чувств боксера ногой, подбежал к гамаку и схватил оброненное Витькой ружье. Прижал его к груди, как мать младенца.

— Что, урод, съел?! — сказал он, награждая пинком и Витьку.

— Врача... — простонал Витька.

— Перебьешься, — хихикнул Лохматый. — Да и че у тебя лечить-то?

Действительно, никаких ран и повреждений на теле Витьки заметно не было. Только легкая голубоватая дымка над левым плечом.

— Врача, Сашка, вра... — Витька не договорил, рука его бессильно упала в траву, глаза закрылись.

— Глянь, Боб, он готов, — радостно сообщил Лохматый. — Теперь не меньше часа в отключке будет валяться.

Но Боб на Витьку не глядел. Он наблюдал, как из «Тойоты» выбирается водитель и нерешительно мнет в руках фирменную бейсбольную биту.

— Брось эту деревяшку и иди за девушками, — сказал Боб голосом, не терпящим возражения. — Приведешь их сюда!

Водила глянул в сторону тоненько сопящего у сосны Витьки, на боксера, продолжающего валяться в траве, на лук в руках Крапивы. Внезапно он бросил биту в траву, развернулся и ломанулся в чащу.

— Вернется? — спросила Крапива, отправляя лук обратно за спину.

— А куда он денется? — ответил за Боба Лохматый, сгребая со складного стола бутылку с вискарем. — И девки вернутся. Тут сейчас голышом-то особо не побегаешь, не май месяц, а до трассы километров двадцать будет, не меньше. Так что... А вы с какой целью интересуетесь, дамочка?

Крапива не ответила, подошла к Витьке, внимательно его рассмотрела.

— Послушай, Боб, я бы лучше того, который за самками побежал, взяла.

— Извини, Крапива, но ты знаешь правила. Квота — две персоны в месяц. Тем более ты сама поразила его магической стрелой. Что прикажешь теперь с ним делать? Так что извини, придется тебе взять дохляка.

— Ну и ладно, — неожиданно легко согласилась Крапива, — может, даже лучше. У меня прямо руки чешутся поучить этого хама хорошим манерам.

— Смотри не переусердствуй, — посоветовал Боб, — а то вон твой крестник до сих пор в отключке. Нет, гляди-ка, зашевелился, давай-ка их свяжем на всякий случай.

— А зачем? — удивилась Крапива, доставая из колчана полупрозрачную, чуть голубоватую стрелу. — Я его сейчас стрелкой кольну.

— Магическая стрела? Первый раз вижу, — ахнул Лохматый и протянул руку. — Разрешите, уважаемая, полюбопытствовать...

Крапива презрительно глянула на лесника, вернула стрелу в колчан и сказала:

— Брось пустую болтовню и займись делом. Подтащи здоровяка к дохляку, чтобы на глазах были, и руки им свяжи. Потом иди в лес и приведи беглецов.

* * *

Пленники сидели на траве у дерева. Боксер ошарашенно пялился по сторонам и порою тер подбородок со свежей ссадиной. Витька еще не до конца отошел от укола магической стрелы и бормотал что-то бессвязное, иногда всхлипывал и вспоминал маму. Но Боб с Крапивой, удобно разместившиеся в шезлонгах, особого внимания на стенания не обращали, наслаждаясь видом озера и законными трофеями.

— Скажи, Крапива, а вот эта внезапная, внеплановая инспекция, она ведь неспроста? Особо учитывая предстоящий Большой Круг всех эльфов, — спросил Боб, протягивая даме бокал с трофейным коктейлем. Крапива бокал приняла, но отвечать не торопилась, словно тщательно обдумывала ответ. Наконец сделала глоток и сказала:

— Большой Круг тут ни при чем, Боб. Точнее, Большой Круг должен лишь узаконить некоторые изменения Большого Эльфийского Договора.

— Погоди, дай угадаю. Изменения касаются квот?

— Не только. Но в основном ты прав — квоты будут изменены.

— Ты говоришь это так уверенно, как о свершившемся факте.

— А что тебя удивляет? Ведь изменение квот — не прихоть, к сожалению, это — необходимость для народа Лесных эльфов.

— Ну да, вы, Лесные, пользуясь своим большинством, уже все за всех решили, — усмехнулся Боб.

— Не буду скрывать, решили. Большой Круг Лесных эльфов принял решение о повышении квот.

— И на сколько же, если не секрет?

— Не «на сколько», а «во сколько». В десять раз...

— Вы сошли с ума!

— ...хотя я лично голосовала за увеличение квот в двадцать раз.

— Ты всегда была максималисткой, Крапива. И ты вдвойне сумасшедшая. Ты хотя бы представляешь себе, что это значит — увеличить в десять раз? Двадцать без вести пропавших людей в месяц в одной отдельно взятой курортной зоне! И ведь вы наверняка не собираетесь ограничиваться бомжами? Наверняка будете настаивать на праве выбора при отлове.

— Конечно, будем, Боб! Или, по-твоему, мы должны ограничиться спившимися... как их... кол-хоз-никами, старичками-грибниками и бездомными, ночующими в посадках?

Боб усмехнулся:

— Колхозников давно нет, но не в этом дело. Просто представляю, как это будет выглядеть в газетах уже через месяц. «Мещерский треугольник!», «Двадцать молодых мужчин бесследно исчезли в районе Мещерских озер!» «Отряды спасателей прочесывают леса и болота, к поискам подключена армия!» «Шойгу лично руководит операцией!» Ты представляешь себе, Крапива, что здесь начнется уже через месяц?

— Шойгу? Кто такой Шойгу? Маг? Не знаю никакой Шойги. И, на мой взгляд, ты все излишне драматизируешь, Боб. Помнишь, когда в прошлый раз повышали квоты, ничего такого не было.

— Тогда была война, Крапива, — резко ответил Боб. — Тогда люди пропадали тысячами, десятками тысяч, и их никто не искал. Но война давно закончилась! И с тех пор здесь много чего изменилось, и они много чего придумали, поверь мне. Телевидение, мобильные телефоны, джипы-внедорожники, паспортный учет. Недавно, пару недель назад, две девчонки заблудились где-то на Урале, так про них каждый день по десять раз в новостях передавали, пока не нашли.

— Ха, нашли! Кто бы их там нашел?! Просто моему папаше пришлось вмешаться и напомнить Горным эльфам о квоте на молодых самок. А ты говоришь, нашли...

— Слушай, Крапива, — внезапно перебил Боб, — вот скажи мне честно, зачем вам это? Нет, я-то понимаю, что не просто так. Что, готовитесь к большой войне?

Крапива снова сделала большую паузу, потом ответила:

— Возможно.

— И, скорее всего, за Изумрудные горы?

— Экий ты прозорливый.

— Ну зачем вам Изумрудные горы? Ведь вы, Лесные, по вашему же собственному признанию, терпеть не можете гор.

— Знаешь, Боб, порою мне кажется, что я переоцениваю твои умственные способности. Конечно, Лесные эльфы не собираются жить в Изумрудных горах. Мы лишь хотим, чтобы там

не жили орки. А еще лучше, чтобы там вообще никто не жил. Гномы, как ты понимаешь, — не в счет. Значит, придется воевать, штурмовать крепости. А кому прикажешь обслуживать осадные орудия? Ухаживать за лошадьми? Отсюда и новые квоты.

— Очень хочу тебе верить, Крапива, но не получается. Для обслуживания ваших камней и стенобоев вполне хватает тех слуг из смертных, что есть сейчас. Да и нанять можно в том же Аррохоне. Но вам ведь не нужны обычные крестьяне, вам нужны грамотные специалисты. Молодые и сильные. Спрашивается — зачем? А не большую ли стройку задумали уважаемые Лесные эльфы?

Крапива как раз делала очередной глоток и едва не поперхнулась. Резко повернула голову и в упор посмотрела на Боба, а тот, словно не заметив разгневанного взгляда гостьи, продолжил:

— Ходят слухи, что вы действительно задумали большое строительство, поэтому вам и понадобилось столько рабочих рук. Город эльфов? Я прав, уважаемая Крапива?

— Ну, допустим, — сказала она после довольно долгой паузы.

— А как же ваши принципы? — усмехнулся Боб. — Что, Лесным эльфам надоело спать в кронах горячо любимых деревьев? Вас уже не устраивают шалаши? Вы готовы уподобиться презренным смертным и пожертвовать на-

шими лучшими друзьями — деревьями ради уюта и комфорта?

— Мы будем строить дома из камня, — неуверенно возразила Крапива.

— Ну, конечно, из камня... А крыши вы будете делать из гранита, мебель — из тростника, двери лепить из глины. И камины вы будете топить, конечно, не дровами.

— Пойми, Боб, это — не прихоть, это — необходимость.

— Разумеется! Кто бы мог сомневаться?! Необходимость! А не вы ли совсем недавно — ста лет не прошло, как поднимали нас, озерников, на смех по поводу постоянных жилищ? И что теперь? В Синих эльфийских лесах, в чащах, тысячелетиями не знавших топора дровосека, вырастет целый город...

— Да, Боб, — тихо сказала Крапива, — вырастет. Просто ты не знаешь, что такое засуха. Просто ты не видел, как горят в засуху леса от единственной молнии, ударившей в дерево, от случайной искры от костра.

— Я не видел? Ой, да не смей меня, Крапива! Тут в 2010-м по их календарю так горело... Слышала про верховой пожар? А про сухую грозу?

— Да, возможно, но ты не видел эльфийских женщин, которые, уже чувствуя, как трещат от огня их волосы, выбирают, что спасти — своих плачущих детей или бесценные свитки эльфийской мудрости.

— Ну, ты бы долго не выбирала, Крапива, — сказал Боб, — ты бы сразу выбрала свитки...

Боб осекся. Понял, что сказал то, чего говорить не следовало. Вряд ли стоило напоминать эльфийке о ее бездетности. Тут же что-то резко хрустнуло — Крапива сломала пополам бейсбольную битку, попавшуюся ей под руку. Сломала и отбросила обломки в сторону.

— Ты прав, озерник, я бы выбрала свитки. Детей можно еще нарожать... если получится, а свитки... И ты можешь упражняться в иронии сколько угодно, но все уже решено. Квоты на отлов в районах порталов будут увеличены, более того, наши старейшины настаивают на хотя бы одной большой облаве.

— Да, дожили, — тяжело вздохнул Боб, — облаву задумали. Душ на пятьсот? На триста? Уверен — не меньше! Что решили облавливать? Деревню? Село? Только хочу предупредить, вблизи наших порталов деревень, способных ваши аппетиты удовлетворить, нет. Так, человек по тридцать населения, да и то в основном древние старухи. На город будете нападать? Окружать целый район?

— Зачем на город? Ты сам говорил, у вас тут... много молодежи. Лагерь студенческий недалеко, называется «Полянка»? Правильно? Наши разведчики доложили — как раз сотни три молодых самцов и самок.

Боб схватился за голову:

— Духи леса отняли у ваших старейшин последние остатки разума. Хотя что с них возьмешь, увлечение синими грибами явно сказалось. Но твой отец, он же глава Совета, как он мог? Впрочем... Только ничего-то у вас не получится.

— Это почему же? — Крапива глянула Бобу прямо в глаза.

— А потому! Интересно, как ты это все себе представляешь? Ну скажи, как? погоди, дай сам догадаюсь. Поутру на рассвете сотня боевых эльфов гвардии твоего уважаемого отца окружает студенческий лагерь «Полянка» и выгоняет всех его обитателей из домов на улицу. Вы сбиваете их в кучу и под прицелами своих луков начинаете вязать, да? Для остротки кольнете кого-нибудь из них мечом в мягкое место, чтобы сопротивляться не вздумал. Оперативно связываете им руки за спинами, потом привязываете к одной длинной веревке. За руки будете привязывать или по-старинному, за шею? Впрочем, неважно, главное — свяжете в цепь. И таким вот образом колонной погоните к portalу?

— Ну, допустим, — усмехнулась Крапива, — а чем тебе не нравится такой план?

— Да всем нравится, просто великолепный план! Только хочу предупредить, вы и ста метров не пройдете, как сюда нагрянет их милиция. Знаешь, такие крепкие мужчины в форме и с автоматами. Объяснить, что такое автомат?

— Не стоит. Я уже слышала про оружие смертных, стреляющее силой газов, и видела у отца такое же, как у Лохматого, как это... ружье? Но скажи, с какой стати эта милиция появится, если лагерь будет окружен? Они отправят гонца за помощью? Но каким образом? Или ты думаешь, кто-то сможет прорваться через цепь боевых Лесных эльфов?

— Что ты, Крапива, как можно?! Даже мысли такой не возникло, мимо вас и мышь не проскочит, змея не проскользнет. Только есть у них одна штучка — телефон называется. И смею тебя уверить, такая штучка есть у каждого.

— Что за телефон? — нахмурилась Крапива.

— Вот это, — Боб залез в карман и вытащил «моторолку» — раскладушку черного цвета. — Берешь такую штучку, раскрываешь вот так, нажимаешь на кнопочку и говоришь человеку, который находится очень, очень далеко от тебя, все, что хочешь.

— Магия? — предположила Крапива.

— Техника, — кратко пояснил Боб. — И вот с помощью этой техники они немедленно позовут на помощь. Но даже если не позовут, если даже вы заставите их пройти пешком двадцать километров и загоните в портал, представляешь, что будет?

— Что?

— А я тебе скажу что. В тот же день здесь будет очень, очень, очень много милиции. Невероятно много! А еще сходящие с ума родители этих студентов, и друзья этих родителей и студентов, и их знакомые, и знакомые знакомых. И даже совсем незнакомые люди придут сюда искать пропавших студентов. Очень много людей на машинах, вездеходах, вертолетах, просто пешком, с собаками. Все они будут искать пропавших ребят. И ведь они найдут заветный дуб. Еще бы не найти, ведь туда будет протоптана хорошая тропинка.

— Ну и что?! — Крапива отбросила бокал и вскочила на ноги. — Ну и что?! Да, найдут портал в дубе. Но первый, кто туда сунется, там и останется. Разве ты забыл про сторожевых эльфов у порталов? Они нашьпигуют любого десятком стрел...

— Ха-ха-ха, — Боб откинулся в шезлонге, тот не выдержал тяжести тела, деревянная планка вылетела из пазов, и Боб свалился в траву. Подниматься не стал, просто катался в траве и хохотал, порой выкрикивая: «Десятком стрел, нет, вы послушайте — десятком стрел»! Успокоившись, поднялся на ноги, привел шезлонг в надлежащий вид. Уселся, уже соблюдая осторожность, глотнул вискаря из горла, отдышался:

— Десяток стрел, говоришь... А ты знаешь, Крапива, что такое автомат АКМ? А гранатомет? А напалм? Огнеметы? Установка «ГРАД»?

Танк «Т-96», который пройдет сквозь ваши эльфийские леса, как нож сквозь масло, и вы со своими супермагическими стрелами, которые отскакивают от брони, как иголки от чешуи дракона, будете иметь очень бледный вид.

— Я не знаю, что за зверь твой танк, но Лесные эльфы видели немало чудовищ и сумели их одолеть... — возразила Крапива. — Но если даже твой танк сильнее аврского тролля... Тогда мы применим магию.

— Магию? Ну да, конечно, магию. Интересно, магия против танка. Чем будете его пугать? Бурей, ураганом? Так плевать ему на стихию. Он даже в болоте не увязнет, у него гусеницы. Ударите огнем? Так он железный. Стужей? В танке печка есть. Выставите против танка боевого дракона? Танк даст разок из пушки, и отскребайте чешую от скал. Пойми, здесь очень многое изменилось. Сейчас вам надо думать не о том, как набирать здесь рабов для нужд великого народа эльфов, а о том, как бы презренные смертные не забрались в ваш мир. Ты понимаешь, меня, Крапива, дочь Великого Эльфа? Неужели вы такие тупые? Неужели вы не понимаете, что за год в мире смертных меняется больше, чем за сто лет вашей размеренной, ограниченной запретами и предрассудками жизни! Вы привыкли их видеть убогими, ущербными, спившимися в их убогих же деревеньках, а на самом деле здесь...

— Послушай, Боб! — крикнула Крапива, отбрасывая бокал в сторону. — Послушай, что ты говоришь! Ты же эльф! Но, говоря про нас, про эльфов, ты говоришь — «вы». «Вы не понимаете, вы не представляете»... Вы, вы, вы... Послушаешь тебя и подумаешь, что это говорит презренный смертный. И не просто смертный, а городской смертный.

— Да, городской, — усмехнулся Боб. — Я знаю, вы, Лесные, не любите городов, а в городах смертных — много интересного, уж поверь мне... Вот эта машина, подойди к ней, потрогай, не бойся. Знаешь, насколько она сильна? В ней двести десять лошадиных сил, представляешь? В крохотном двигателе сила целого табуна. А еще...

Боб не договорил. Кусты зашуршали, и из них появилась странная компания. Впереди шел водитель Саша с заложенными за голову руками, за ними трусили две очень грязные и поцарапанные девицы, с поднятыми руками очень похожие на сдавшихся в плен вьетнамцев из старой хроники. Замыкал процессию Лохматый с ружьем наперевес.

— Убечь хотел, — широко улыбаясь, пояснил Лохматый, подходя к костру и указывая на водителя. — Так разве от меня убежишь? Я тут каждую тропку знаю. А девки в ближайшем болоте завязли, насилу вытащил. Эй, барышни, руки-то опустите и идите к костру, погрейтесь.

Девки, чьи тела «прикрывали» лишь узкие веревочки стрингов, опасливо поглядывая на эльфов, подошли к костру и стали греться, прижимая дрожащие кулачки к груди. У одной из них громко стучали зубы. Шофер продолжал стоять с заложенными за голову руками.

— Зря это вы все затеяли, — неожиданно сказал он, глядя на Крапиву. — Не знаю, кто вы такие и откуда, но с Витькой и Пашкой вы так зря. За Пашку братва впряжется, а за Витьку его папаша кому угодно голову свернет. Лишь слово скажет, и из-под земли достанут... Убить не убьют, но покалечить могут. И Лохматому теперь житья не дадут. Они ребята злопамятные.

При этих словах Лохматый вдруг громко рассмеялся, опустил ружье, подошел к столу и налил вискаря в три пластиковых стаканчика. Из одного немедленно выпил сам, два других поднес девкам:

— Вот что, мадамы, выпейте-ка и давайте в озеро, мыться. А то смотреть на вас жалко. Как помоемся — оденьтесь, стриптизу сегодня больше не треба.

Боб встал с шезлонга, подошел к водителю вплотную:

— Опустите руки, молодой человек, и не бойтесь, вам тут ничего не угрожает. Однако своих друзей вы вряд ли еще увидите.

Шофер бросил обеспокоенный взгляд на тела Пашки и Витьки, убедился, что поврежденный на них не видно, и сказал:

— Да не друзья они мне. Пашку так, видел пару раз, а Витька мне вроде как хозяин. Водилой я у него.

— Тогда считай, что ты получил свободу, смертный, а у Витьки теперь свой хозяин будет, — сказала, подходя поближе, Крапива. — Ты рад освобождению, смертный?

— Да на хрена мне такая свобода? Витька хоть и козел, но платил прилично. Батя у него — мент зажиточный. И по машине с ним всегда без проблем, техосмотр, мигалка, то-се...

— Вот видишь, Боб, не нужна ему свобода, — хмыкнула Крапива. — Смертные по определению — рабы.

Водитель хотел что-то возразить, но Крапива вдруг резко разжала кулак и дунула с ладони в его сторону. В воздухе закружился серебристый хоровод. Водитель покачнулся и повалился на траву.

— Баю-бай, — немедленно прокомментировал Лохматый и тут же поспешил успокоить девушек: — Не беспокойтесь, дамочки, просто заснул ваш шоферик. Утомился, видать. Да и вы сейчас заснете, чтобы лишку потом не болтали.

Девки, нарядившиеся в узкие брючки и маечки, испуганно жались к машине, глядя на приближающуюся к ним Крапиву. Та деловито высыпала на ладонь горсть серебристого порошку и дунула в сторону блондинок. Лохматый едва успел подхватить обеих дивчин, акку-

ратно возложил на землю, а потом перетащил в шезлонги и даже прикрыл пледами, чтобы не замерзли. Водителя он, кряхтя и матерясь, за-тащил в машину и усадил за руль.

— Готово! — сообщил Лохматый радостно.

— Что говорить-то будешь, придумал? — поинтересовался Боб, снова опускаясь в шезлонг.

— А че тут придумывать? Все как обычно. Часика через три они начнут просыпаться, вспоминать, че было, че не было, а я тут как тут. Им-то память про сегодня начисто снесет, ну и вправлю им мозги. На водителя протокол составлю за то, что в заповедник въехал. Взятку буду вымогать, не без того... Они, конечно, бро-сятся этих искать, — Лохматый кивнул на тихо сопящих Витьку и Пашку, — а мы на бережок шмотки их подложим. Пуцай думают, что уто-нули ребята по пьяному делу. Чай, не впервой. А как же еще? Конечно, милиция понаедет, во-долазов привезут, но, как говорят латиняне, не разбивши яиц, омлета не сварганишь.

— Слушай, Лохматый, а тебе их не жалко? — вдруг спросила Крапива. — Ведь твои едино-племенники, из твоего народа.

— Ха, ну вы сказанули, — рассмеялся Лохматый, — да у меня таких единоплеменни-ков аж шесть миллиардов с лишним. Причем только один из этих шести миллиардов зака-тил мне сегодня в глаз. Кстати, господин Боб,

вы мне своей мази не дадите? А то как же я с фингалом-то?

— Дам, не беспокойся.

— Как рабов на тот берег доставлять будем? — спросила Крапива, беря со стола и с интересом рассматривая оставленную кем-то из девушек косметичку. — На себе понесем?

Боб поморщился: слово «раб» неприятно царапнуло слух.

— Так зачем на себе? — снова нашелся Лохматый. — Вона лодка моя. Щас я их, голубчиков, раздену, одежду на бережке сложу, а самих на лодке перевезу. Вы уж только подсобите здоровяка до лодки дотащить, а уж Витьку я сам.

* * *

— Ну что, Лохматый, пора нам, — сказал Боб. — Был рад тебя снова увидеть, извини, что с этими так вышло.

«Эти» — Витька и Пашка, сидели на траве раздетые донага, связанные особым эльфийским узлом. Глаза их были мутны — действие магических стрел все еще продолжалось.

— Да какие тут могут быть извинения? Господин Боб, мы же свои люди, то есть... друзья. Не эти, так другие, что ж мы, квот, что ли, не знаем? И как раз пара, как по заказу — квота на сентябрь. И искать не надо, по лесам мотаться. А дамочка ваша мне очень даже понравилась. Боевая дамочка! Как она Пашку-то вырубил.

Одним ударом — и в нокаут! Приезжайте почаще, госпожа Крапива.

— Приеду, и не раз. Надоем еще, — заверила Крапива, поднимаясь на ноги. Но не очень уверенно, бывая легкость словно куда-то испарилась. Крапива даже покачнулась и с трудом удержала равновесие, ухватившись за плечо Боба. Хихикнула.

Боб с удивлением смотрел то на инспекторшу, то на распотрошенную коробку вина, валявшуюся тут же у костра. Крапива все-таки не удержалась и с помощью ножа добралась до ее содержимого. Эльфийские женщины, они такие любопытные. Но, видимо, случайно проткнула серебристую «подушку» ножом. Вино полилось на землю. Не пропадать же добру. Но два литра вина для организма, не привыкшего к алкоголю... Да еще коктейль с виски...

Крапива наконец сумела восстановить равновесие, повернулась к Лохматому:

— Послушай, как тебя там? Ты не хочешь продать мне твое... как его... ружье...

Лохматый быстро глянул на Боба, тот отрицательно покачал головой:

— Нет, Крапива, ты же знаешь, что это строжайше запрещено. Через портал отсюда — никакого оружия. Через портал сюда — никакой магии. Так что извини.

— Ну и ладно, не очень-то и нужно. — Крапива вытащила из сумки большую монету жел-

того металла и кинула Лохматому. — Эй, лесничий, держи!

Лохматый подхватил монету на лету, тут же попробовал ее на зуб. Спрятал золото за пазуху, начал мелко кланяться, прижав грязную лапу к груди:

— Премного вам благодарны, госпожа.

Эльфийка усмехнулась, повернулась к сидящим на траве Витьке и Пашке, взялась за конец веревки, резко дернула:

— Эй, рабы, чего расселись?! В сказку попали? Встали и пошли!

Когда пленники с явной неохотой поднялись, эльфийка достала нож, легонько ткнула Витьку в упитанную голую ягодицу, прикрикнула, совсем как лошадь: «Но-о!» Процессия двинулась в чащу по уже знакомой тропке, Боб хотел что-то сказать Лохматому, но, видно, раздумал, махнул рукой и замкнул колонну.

Лохматый глянул вслед уходящим, быстро наполнил пластиковый стаканчик из трофейной бутылки с виски и залпом выпил. Скривился, глянул на почти нетронутых зайцев и занюхал рукавом. Вытащил из-за пазухи монету, осмотрел ее со всех сторон, еще раз попробовал на зуб. Широко улыбнулся, почесал в бритом затылке и, крикнув куда-то в сторону: «Так я вас провожу», трусцой побежал по тропинке.

* * *

— Ну, что стоим, чего ждем? — спросила Крапива, когда пленники подошли к огромному дубу. Вместо ответа сын главного районного гаишника громко завыл, а боксер стиснул зубы и сжал кулаки.

— Вишь, как глазами-то сверкает, — прокомментировал Лохматый. — А вы их вязать не хотели. Были бы руки свободны — порвал бы всех нас, как Тузик грелку.

Крапива недобро усмехнулась, снова вытащила из ножен длинный широкий нож и легонько ткнула боксера в бок:

— Ну, быстро в дупло.

Боксер не двинулся с места, и Крапива снова кольнула, уже значительно сильнее. Пашка зарычал, оскалив зубы: по всему было видно, в дупло он совершенно не собирался.

— Подожди, Крапива, тут надо по-другому, — сказал Боб, произнес короткое заклинание и, приблизившись к Пашке вплотную, легонько ткнул его средним пальцем правой руки в середину лба. Глаза боксера сразу помутнели, кулаки разжались. Ту же операцию Боб провел и с мелко дрожащим Витьком, после чего взял у Крапивы нож и перерезал веревки на руках пленников. Те, как по команде, толкаясь и излишне суетясь, полезли в дупло, сразу засветившееся легким голубым сиянием. Боксер долез первым и глянул в портал. Протянул руку, коснувшись голубого сия-

ния. Отдернул ладонь, потер ее и вдруг с криком: «Не ссать, братва!» прыгнул прямо в свет. Витька Манохин, увлекаемый связывающей их веревкой, исчез вслед за ним.

— Вот и все, — сказал Боб.

— Ловко, — признала Крапива и снова покачнулась, еле удержав равновесие.

Боб быстро подхватил ее и прижал к своей груди.

— Не забыл еще магии? — улыбнулась Крапива и сразу же нахмурилась, обнаружив, что находится у Боба в объятиях. Попыталась было освободиться, но тут же размякла в сильных руках.

— Так ее, так, родимую! — взвизгнул Лохматый, наблюдая за глубоким французским поцелуем, причем явно было заметно, что эльфийка данному действию совершенно не противится, скорее даже наоборот.

— Все, все, все, — пробормотала Крапива, высвобождаясь из объятий Боба. Глупо хихикая, она прислонилась спиной к стволу дуба. — Я знаю, я — скверная, я — пьяная. Хи-хи-хи... Зачем ты меня напоил, Боб?

— Послушай, Крапива, — сказал Боб, придерживая Крапиву за локоть, — перед тем, как ты вернешься домой, я хочу спросить... ты сможешь остановить это безумие?

Крапива долго не поднимала головы, потом глянула в лицо Бобу своими зеленющими глазами.

— Я не знаю, что тебе сказать, Боб. Тут так сильно все изменилось... Они действительно могут вторгнуться в наш мир?

— Они вторгнутся, Крапива, уж поверь мне, вторгнутся. Они придут сюда и не остановятся на пороге портала, даже если погибнет сотня, тысяча смертных. Они пойдут в наш мир, будь уверена, заселят его, изменят его под себя. И не удовлетворятся частью наших лесов, а будут двигаться вперед, пока не достигнут края земли. Края нашей земли, земли наших предков. Не дойдет один человек, дойдет его сын, внук, правнук.. Пойдут они не с пустыми руками. Даже не хочу объяснять тебе, что такое бензопила. Я видел ее в действии — жуткое зрелище! Клянусь тебе, они дойдут, несмотря ни на что... А когда кончится земля, они срубят деревья, построят корабли и поплывут под парусами, чтобы найти новые земли. Ибо такова природа смертных — идти до конца. Ты поняла меня, Крапива?

— Я поняла тебя, — тихо сказала Крапива, — подумаю... Я скажу, обязательно скажу отцу про напалм, про монстра-танк, про бензопилу... Но теперь мне действительно пора... Мужчина, посадите нетрезвую женщину, хи-хи. Прощай, Боб!

— До встречи, Крапива...

* * *

— Эх, жаль, — сказал Лохматый, когда зеленый с золотым шитьем плащ Крапивы скрылся в голубом сиянии. — Гарна дивчина!

— Что? — переспросил Боб, все еще глядя на портал.

— Дамочка, говорю, уж больно хорошая. И вся такая самостоятельная. Вот бы вам, вашбродие, такую жинку.

— Лохматый, ты забыл, я женат.

— Это вы про Машку, что ль? Ну и что ж с того? Вам, как я слышал, можно жен — сколько прокормите. Главное, чтобы детишки здоровенькими были. Как, кстати, здоровье детишек?

— Нормально, растут, скоро в школу пойдут. Я тут присмотрел одну приличную в пригороде, с экологическим уклоном. Жалко только, придется им ушки подрезать, — добавил Боб, морщась. — А что делать? С такими ушами их в школе задразнят, да и разговоры пойдут...

— Это верно, — закивал Лохматый, — разговоры лишние нам на хрен не нужны. Вот, к примеру, с чего бы это меня Витька Манохин мордой гоблинской обозвал? Догадался, что ли? Али кто разболтал?

— Да нет, Лохматый, не переживай. Просто в нетрезвом состоянии уж больно ты на гоблина киношного смахиваешь. А с бодуна особенно. Даже у эльфов за порталом тобой детей пугают, я уж не говорю про местных. Ты бы

поосторожнее с горячительным-то. И мылся бы ты почаще...

— Так я стараюсь, не получается, — Лохматый мерзко захихикал, подмигнул и кивнул в сторону портала. — Дамочка-то на вас запала, точно вам говорю. Эка она глазками на вас стрель-стрель. Пренепрененно советую ее навестить, когда до дому соберетесь. А кстати, осмелюсь спросить, до дому скоро намыливаетесь?

— До дому? — переспросил Боб задумчиво. — Кто может знать, где он, твой настоящий дом? И кем будут мои дети там? Недоэльфами? Полукровками? Нет уж, лучше здесь...

— Так-то оно так... — почесал затылок Лохматый, — только сомневаюсь я, а не попрут ли сюда уважаемые боевые эльфы со своими луками да стрелами магическими, как дамочка-инспекторша стращала? Тогда ведь всем нам мало не покажется...

— Не попрут, успокойся. Я внушение Крапиве сделал по полной программе, когда она от вина расслабилась. С мельчайшими подробностями описал, как работает бензопила и трактор-трелевщик. Они ей в ночных кошмарах с месяц сниться будут, точно тебе говорю! А Крапиву на Совете слушают, все-таки дочь Самого, принцесса!

Неожиданно Боб широко улыбнулся:

— А ты, Лохматый, артист! Ты когда грязный, с подбитым глазом приперся, я аж тебя пожалел.

— Так ваша школа, господин Боб. Вы-то сами, когда по берегу шагали и плащом зацепились, у вас такой вид разъяренный был, что я даже чутка перепугался. Что вот сейчас выйдете на поляну да и порвете их к чертям.

— Зачем же я? Я всегда готов уступить эту привилегию даме...

Эльф с гоблином громко рассмеялись.

— Слышь, Лохматый, как тебе удалось такой жирный улов на озера заманить? — еще смеясь, спросил Боб.

— Так проще простого. Поехал в город, как вы советовали, к вечеру надрался и завалился в бильярдную, где Пашка со своими бандюками обычно обретается. Ну и «проболтался» про Беленькое, что здесь природа офигенная и рыбалка просто ломовая. Даже схему, как проехать, начертил. Пашка и повелся.

— Как сообразил, что он с собой Витьку возьмет?

— А то кого же? У Пашки ведь «БМВ» — «бумер» по-ихнему, ему здесь ни в жисть не проехать, а у Витьки как раз «Тойота» с лебедкой. Вот я и прикинул... Рисковал, конечно, но ведь выгорело...

— На сто баллов! — подтвердил Боб и протянул Лохматому раскрытую ладонь, тот хлоп-

нул по ней сверху своей заскорузлой, мозолистой ладошкой.

— Так что, вашблагородь, выкупа-то много за Витьку затребуем? Денежки-то, они не мешают.

— Поглядим, — улыбнулся Боб и тут же посерьезнел: — Кстати, насчет денег. Как там у нас дела?

— Ах, да, — Лохматый хлопнул себя по макушке и полез лапой во внутренний карман. Вытащил пухлую пачку денег, протянул хозяину. — Здесь за дочку начальника стройуправления, ну ту, что в прошлом году на озерах потерялась, за разрешение на вырубку, еще с коттеджного поселка — за год вперед, ну и так, по мелочам: елки новогодние, рыбалка удачная, дождик грибной по заказу. Можете не проверять, все до копеечки.

— На выкуп «этих» деньги оставил?

— А то как же. Я уж и зажигалок коробку закупил. Китайские, правда, но с виду как натуральные «Зиппо». За порталом хорошая зажигалка в большой цене! Хотел газовых еще перекинуть. Вот бы спрос был! Огонь из воды! Так взрываются, заразы! Прямо в портале и взрываются. Надысь чуть не погорел. А вот партия карандашей хорошо пошла, всю взяли... Так что Витьку с Пашкой мои родичи выкупят — не переживайте. Есть у нас пара эльфов благородных, прикормленных. И еще... — гоблин замаялся. — Тут «зеленые» помочь просят.

Какой-то чиновник из администрации решил себе дачку в заповеднике построить, как раз на берегу вашего любимого Черненького. Уже дорогу туда прокладывать начали. Так «зеленые» просят попутать. Очень они за девственную природу радуют. Не за бесплатно, конечно. Как, поможем, попутаем?

— Поможем, — заверил Боб, пряча деньги в сумку. — Непременно поможем и попутаем... Уж чего-чего, а попутать мы завсегда сумеем.

Глава 1

Сделка

Первым делом я утер струйку крови из носа и тут же непроизвольно почесался. Впрочем, что значит «непроизвольно»? Что за слово такое нелепое «непроизвольно»? Нет, почесался я вполне осознанно и даже не без удовольствия. Сначала поскреб в боку, ближе к пояснице, потом под мышкой. Удивился. С чего бы это? Что за внезапный чес? Неужто блохи? Или, не дай бог, вши?! Бр-р-р-р-р, гадость какая! Не иначе как каналья Реддис снова проигнорировал мои наставления по части личной гигиены. Что касается крови из носа, так это у меня часто. Что-то с кровяным давлением не так или еще какая хрень. Чуть переволнуюсь — хлещет! Доктора ничего определенного сказать не могут, только советуют не напрягаться. Я пытаюсь — не получается.

Размазав кровь под носом рукавом и отчесавшись как следует, я огляделся. И куда это меня нынче занесло? Я стоял в центре чуть дымящейся пентаграммы на опушке леса. Не совсем дремучего, но некоторые деревца — дубы, к примеру, размерами впечатляют. Особо один, с морщинистым, заросшим мхом стволом и

толстенными ветками. Наверное, примерно на таком же отдыхал перед экспроприациями былинный разбойник Робин Гуд, мир его былинному праху. Идти в такой лес ночью жутковато даже при полной луне. А луна нынче хороша, здоровенная, светится матово. Океаны и моря на ней видны несуществующие. Полнолуние — самое время для вампиров и прочей нежити. Тьфу-тьфу-тьфу...

А что у нас там, где не лес? Я развернулся, осмотрелся. Увиденное не особо порадовало. Шагах в ста, если идти в сторону города — кладбище. Как положено, с надгробными плитами, застывшими в мраморе изваяниями и мрачными склепами. Местная элита покоится. Та часть кладбища, что ближе к лесу, явно была победнее. На могилах разве что камень надгробный положен, все заросло крапивой и чертополохом, хорошо хоть, крестов нет. Не самое приятное место, признаюсь, но заранее оговоренное.

Пять толстых свечей черного воска, установленных вокруг меня, разом погасли, словно от сильного порыва ветра, пентаграмма вспыхнула и исчезла. Все, можно выходить. Привыкнув к сумраку, я обнаружил у себя под ногами потрепанную холщовую суму. Поднял, проверил содержимое на ощупь. Нашел еще одну толстую восковую свечу в глиняной плошке, трут с кремнием, тыквенную флягу с какой-то жидкостью и свиток телячьей кожи.

Ага, вот свиток — как раз то, что надо. Значит, все идет по плану. Тут же на пеньке обнаружил маленькие песочные часы. Судя по количеству песка в нижней колбе, сейчас должно быть где-то около половины десятого вечера. Я специально предупредил Реддиса, чтобы он перевернул часы ровно в девять. То есть когда на городской ратуше пробьет девять раз. Очень надеюсь, что он ничего не напутал. А раз не напутал, где тогда сфера?

Я снова оглянулся по сторонам. Сферы нигде не было видно. Что за дела? С какой стати? Без сферы мне тут делать нечего. Неужели в мои расчеты ошибка вкралась? Или Сашка что-то напутал? Или все-таки Реддис? И только тут я ее заметил. Вернее, не саму сферу, а исходящее от нее голубоватое сияние в глубине леса. Придется углубляться. Ну, Реддис, ну, пройдоха! Испугался поглубже в чащу зайти. Впрочем, понять его можно. Кто знает, какая тварь может в этой чаще затаиться? Рисковать своей шкурой за других не очень-то охота. А мне вот идти надо. Страшно не страшно, а сам, если рассудить, все это затеял.

Я устроил ремень сумы на плече, сунул в нее часы. В здешних местах — вещь дорогая. Запалив свечу в плошке, двинулся в чащу. Пришлось продираться сквозь кусты. Сфера ждала меня на небольшой полянке. Очень эффектно она ночью смотрится. Этакий мяч для мотобола, если его отнять у сумасшедших мото-

циклистов, выкрасить фосфорной краской и подвесить. Сфера мирно висела метрах в полтора от земли и светилась бледно-голубоватым светом, порою потрескивая электрическими искорками. В центре ее что-то слабо пульсировало.

Интересно, а что бы я сам подумал, увидев подобное пару лет назад где-нибудь в лесу? Сразу бы заподозрил НЛО и побежал бы за фотоаппаратом? Или вспомнил «Терминатора» и понесся куда подальше, от греха подальше?

Но эту конкретную сферу я не боюсь, эта сфера своя, «ручная». Я подошел поближе, снова почесался и развернул свиток. Найдя нужную строку, медленно и четко произнес заклинание. Сфера сработала не сразу. Сначала словно подождала, а потом ярко вспыхнула, как собирающаяся перегореть лампочка, и исчезла. Что-то с тихим стуком упало в траву. Я нагнулся, поднял. Это «что-то» было завернуто в белый пластиковый пакет с логотипом торговой сети «Копейка». Ну, Сашка, ну мудрила без буквы «р»! Он бы еще придумал все это в «дипломат» засунуть или в рюкзак. С него станется.

Я развернул пакет, вытащил содержимое, рассмотрел. Все вроде в норме — две прямоугольные коробочки. Одна побольше, вторая совсем маленькая, с кнопочками, в ладони уместится. Уложил обе в суму — на самое дно. Но что делать с пакетом? Очень бы не хотелось,

чтобы этот пакет обнаружил кто-то из местных. Разговоры пойдут, слухи. Так что, сжечь его? Закопать? Хотя с другой стороны, с какой стати я так мандражирую из-за какого-то пакета? Кому взбредет в голову шататься здесь, по ночному лесу. А утром... утром меня здесь уже не будет. По крайней мере, очень хочу на это надеяться. Так что пусть пока полежит, вот у этого пенька. Ориентиром будет на обратном пути.

Я сложил пакет вчетверо, воткнул его в щель на пне, поправил суму на плече и, продираясь сквозь кусты, двинулся обратно к опушке, а оттуда напрямик к городу. Через десять минут лес кончился, я поднялся на холм и невольно залюбовался открывшимся видом. Вот он, Аррохон. Зубчатые стены большого средневекового города с башнями, шпилями, увенчанными флюгерами, черепичными крышами в свете полной луны. Красотища! Хотя сейчас на обложку какой-нибудь металлюжной группы. Но долго наслаждаться видами мне не пришлось. Со стороны города раздались гулкие удары в колокол. Так и есть — десять часов. Мне стоило поторопиться.

Торопиться же в этих чудовищах, что были надеты на мои ноги, было крайне неудобно. Нет, даже не представляю себе, какой изверг, какой палач сделал эту обувь? Представьте себе два кожаных мешка, натянутых на ноги и перевязанных ремешками в районе щико-

лоток. Причем мешки старые, дырявые, в них легко проникает влага, пыль и мелкие камушки. В общем, ощущения от такой ходьбы явно не для слабонервных. Одежка на мне была под стать обуви. Что-то вроде монашеской рясы с узкими рукавами и большим карманом на животе. Как кенгуру, честное слово. Ряса была старая и местами заштопанная. Плащ на мне был тоже явно не новый и с чужого плеча. Каналья Реддис, на что же он потратил денежки, которые я ему оставил в прошлый раз? Явно не на наряды и не на научные книги. Наверняка на кабаки да на бордели. Студенты, они во все времена студенты. Но хоть на обувь приличную мог бы потратиться...

В общем, кладбище я преодолел без приключений, лишь уже ближе к выходу испугался до одури. Но без всякой мистики. Просто наступил на сухую ветку, она треснула, и тут вокруг что-то затрещало, закрипело, захрипело. С трудом удержался от желания уподобиться страусу и засунуть голову в кучу песка у свежей могилы. Потом разобрался — это стая кладбищенских ворон переполошилась, сами перепугались не меньше моего.

Я перешел небольшую речушку, питавшую городской ров, по шаткому мостику, прошел вдоль штабелей кругляка из лесов Его Светлости и, наконец, ступил на большую дорогу. Вот и город, совсем рядом. Мощные зубчатые стены, окруженные глубоким рвом. Ворота,

естественно, закрыты, мост поднят. И что бы в этом мире ни случилось, опустят его никак не раньше восхода солнца. Разве что Его Светлости взбредет в голову прокатиться верхом на ночь глядя, только это вряд ли. Его Светлость после женитьбы остепенился и ночи предпочитает проводить в обществе молодой супруги, а не дворян-собутыльников.

Но не беда, кроме ворот и моста есть еще сторожевая башня и калитка в ней. И лодочник, который всегда рад перевезти вас всего за пару медных монет. Я похлопал по тощему кошельку, подвязанному к поясу моей рясы, и обнаружил, что кошель пуст. Пройдоха Реддис оставил меня без наличности. Ужо я ему задам! Ладно, попробуем обойтись без денег, чай не впервой.

Лодочника я застал за его любимым занятием. Лодочник — вольноотпущенный гоблин по кличке Репей, торговался. И хотя городской магистрат установил твердую цену за переправу через ров ночью в два медяка, один из которых шел прямиком в городскую казну, а второй — исполнителю работ, то есть лодочнику, Репей всегда торговался. И мне кажется, совсем не из-за жадности. Просто бывают люди с такой натурой. Ему не выгода важна, а сам процесс торга. Хотя Репей, как я уже сказал, в полной мере человеком не был, но ничто человеческое ему не чуждо. В данный момент жертвой Репья был крестьянин с женой, двумя

мешками и десятком корзин. Один мешок вел себя спокойно, а второй все время двигался и издавал странные звуки. Поросяенок? Скорее всего...

По всему, крестьянин вез свой товар в город — завтра как раз большой базар. Но до заката не успел. Тут уж извини, кто не успел — тот опоздал. Давай, раскошеливайся теперь. Но раскошеливаться крестьянину было нечем, здесь у крестьян с наличностью всегда плохо. И он пытался всучить Репью в виде платы за перевоз курицу. Я, признаться, в местных ценах как-то слабо разбирался. Но, кажется, именно два медяка стоила в таверне жареная курица. Или цыпленок? Точно, жареный цыпленок.

Репей одну курицу брать отказывался, хотел две, и еще две дюжины яиц в придачу, вместе с лукошком, дескать, за груз — отдельная плата. Врал, конечно, но поди докажи.

Крестьянин, высушенный солнцем жилистый мужичок в смешных штанах, похожих на трико, и таком же смешном колпаке, смотрел на лодочника, как затравленная собака, и в самом торге участия почти не принимал, лишь иногда повякивал. Торговалась его жена, толстая и некрасивая. Она совала в руки Репью пеструю курицу, указывала на ее упитанность и клялась всеми стихиями, что несется пеструшка чуть ли не круглый год. Репей ей не

верил, называл курицу «дохлятиной» и везти «за такое убожество» наотрез отказывался.

Мне крестьянина было по-человечески жалко. Ну, откуда, скажите, у бедняка деньги? Ему бы по налогам расплатиться да одежду нехитрую справить. Хотя нет, здесь большей частью натуральное хозяйство преобладает. Сами ткнут, сами шьют, сами носят.

По всему было видно, ночевать под открытым небом крестьянину совсем не хотелось. Оно и понятно, лес-то рядом. Зверье дикое бродит, орки недобитые, да и разбойнички пошаливают. Убить не убьют, а мешков своих крестьянин может запросто лишиться с курами и корзинами заодно.

Увидев и узнав меня, Репей радостно заулыбался.

— А-ааа, господин студент! Давненько вы нас не навещали! Что ж забываете вы нас?

— Занятий много, не успеваю, — буркнул я.

— Оно понятно, — затряс неопрятной бородой Репей. — Как же, ученье — свет. Как там в столице? Как здоровье Его Величества и ее Величества?

— Живы-здоровы, — заверил я наугад и тут же добавил: — Слушай, Репей, я что-то в дороге поистратился. Не отвезешь ли меня сегодня в долг? Я тебе завтра отдам, когда обратно пойду, честное слово.

— Так что же, господин студент, вы к нам всего на день? Ай-яй-яй, — искренне рас-

строился лодочник, словно не услышав моей просьбы. — В библиотеку, наверное?

— В нее, — согласился я, — есть там один очень ценный свиток, нужный мне для трактата. Так как насчет...

— Завидую я вам, господин студент. Читать умеете, мудрость из книг черпаете, — лодочник мечтательно закатил глаза к луне и после недолгой паузы проговорил: — А я ведь тоже мог бы... Меня матушка в ученики к аптекарю отдавала, между прочим... Я полгода господину Майеру порошки смешивал! И ушную серу собирал... А потом, когда батюшка мой умер, пришлось вот... тяжким трудом... война потом, плен... трое детей, а толку... на лодке...

Репья я понимал с трудом. Не все из того, что он говорит, разбирал. Репей был родом с юга и говорил с жутким горским акцентом. Нет, конечно, я в здешних акцентах совсем не разбирался, как не мог знать и этого странного языка. Это Реддис его не понимал, как мой непосредственный контактер. Ну и я вместе с ним.

Выслушав грустную тираду лодочника о несостоявшейся счастливой ученой жизни, я почесался, кашлянул в кулак и спросил:

— Так что? Перевезешь меня в долг?

— Не-е-е-ет, господин студент, — сразу повеселел Репей. — Как же можно, чтобы в долг с таким богатством?

— Ты о чем, Репей? — удивился я, посчитав, что опять не уловил смысла вопроса, и символично вывернул кошелек наизнанку.

— Как о чем, господин студент?! — сказал Репей. — Давайте начинайте рассказывать историю. Весь город рассказывает ваши смешные истории, а бедный Репей, который вас в город первым привозит, слышит их последним. Нет уж, если хотите попасть в город, извольте рассказать вашему покорному слуге Репью про блудливую графиню.

Я облегченно вздохнул. Значит, анекдоты от Трахтенберга, немного завуалированные под Средневековые в моей редакции, здесь стали весьма популярны? Кто б мог подумать? Что ж, извольте...

— Приезжает муж из командировки... То есть, возвращается доблестный рыцарь из похода в Святую землю. А его жена — графиня — в это время с любовником...

В общем, я рассказал Репью бородатый анекдот про любовника в шкафу. Только трамвай по понятным причинам заменил каретой. Анекдот гоблину явно понравился. Он ржал так, что поросенок в мешке крестьянина затих от испуга. Репей наконец перестал хохотать, вытер слезы:

— Ну, спасибо, господин студент. Ну, порадовали! В жизни так не смеялся. Очень вас прошу, господин студент, не рассказывайте эту историю больше никому. Я ее в трактире

на кувшин вина поменяю, а то и на два. Прошу вас в лодку, вот здесь, на носу вам удобно будет. Я вам плащ подстелю. Эй ты, деревенщина, — крикнул Репей крестьянину уже совершенно иным тоном. — Ладно, давай сюда свою дохлятину и яйца. Господин студент согласился за тебя доплатить, а так бы ночевать тебе в лесу. Кидай свое барахло на дно и фонарь держи. И уйми свою свинью, от ее визга уши вянут.

Лодочник дождался, пока все усядутся, быстро выгреб на середину рва, ловко обогнул сторожевую башню и теперь вел лодку вдоль крепостной стены, выраставшей прямо из воды. Вблизи городская стена смотрелась очень солидно. Приличных размеров камни отесаны грубо, тем не менее, уложены очень надежно. Репей словно услышал мои мысли и, неспешно работая веслом, сообщил:

— Да, стенам Аррохона равных нет! И не думайте... Особо здесь, с северной стороны. Точно вам говорю... Во время последнего приступа горных орков... О, это было нечто... Таких уродов в жизни своей... Корову живьем... Стену эту почти две недели осадные орудия били — выдержала! Вона, видите трещины? Сюда били! А горные орки, они в делах осадных толк знают. Точно вам говорю! Хотя, говорят, это магов наших благодарить надо... Наши маги они... Господин О.Раньи! Надо же, графиня, ха-ха-ха, карету жду... Ну ты сказал — ну ты спросил... Ха-ха-ха...

Видимо, бородатый анекдотец лодочнику очень пришелся по душе. Минут через десять он, еще посмеиваясь и похихикивая, ловко причалил лодку к крохотному островку перед Северной сторожевой башней, прямо напротив «калитки», и помог мне выбраться на дощатый причал.

— Так что если надо будет куда отвезти, так всегда пожалуйста, господин студент, лодка в полном вашем распоряжении, — сказал лодочник на прощание. — Всего одна история про блудливую графиню, и буду вас всю ночь катать. А ты че расселся? — прикрикнул он на крестьянина. — Забирай свое барахло и выметывайся со своей бабой вместе!

Я размял затекшие ноги, подошел к калитке, взялся за железное кольцо с мордой льва и трижды стукнул в дубовую дверь. Минуты через две раздались шаги, решетчатое окошко в двери откинулось, в свете факела нарисовалась чья-то бородатая физиономия.

— Кто таков? Че нада?

— Студент академии Его Величества Реддис, — ответил я как можно доброжелательнее. — К господину О.Раньи с частным делом.

— Какой еще студент? Какое еще дело на ночь глядя? — прохрипел привратник. — Вот ща возьму и не открою. Будешь здесь всю ночь...

Тем не менее окошко захлопнулось, снова затопали ножищи, видно, привратник пошел

докладывать начальству. Вернулся он минут через пять, за это время крестьянин с женой сложили свое добро в кучку и теперь с надеждой смотрели то на дверь, то на меня.

Наконец загремели ключи, дверь открылась, обозначился здоровенный бородатый мужик. Он глянул на меня сурово и буркнул: «Входи давай». Пригнув голову, я прошел по длинной узкой нише и вышел в ярко освещенный костром внутренний двор, где имел удовольствие наблюдать господина Дэйрса, капитана ночной стражи, и собственно саму стражу, состоявшую из дюжины крепких мужчин в кирасах.

Господин Дэйрс был по обыкновению слегка пьян. Он сидел верхом на большой бочке, одной рукой опирался на рукоятку меча, другой прижимал к себе какую-то красотку. Увидев меня, капитан сразу потерял к даме интерес и, отстранив ее, вскочил на ноги.

— Господин студент! — заорал он, принимая из чьих-то услужливых рук кувшин. — Как долго мы вас ждали! Эй, служивые, змея вам в потрох, вы что, не узнали господина Реддиса — лучшего сочинителя королевства? Господин студент, немедленно выпей вина и расскажи нам про похотливую графиню! Иначе, клянусь преисподней, арестую тебя и заключу в крепость, чтобы рассказывал эти истории мне одному!

Вот дела, подумал я, господин студент Реддис, сам того не желая, стал местной звездой. И черт меня дернул в прошлый раз развлекать народ в таверне анекдотами? Это все из-за местного пива. Что-то они в него подмешивают, какую-то травку, что сразу пробирает на словесный понос. Но отступить было поздно. Я изобразил лицом улыбку, приложился к кувшину, сделал несколько больших глотков, оценил качество вина как превосходное. Впрочем, начальник ночной стражи господин Дэйркс был человеком не бедным и мог себе позволить. Стражники окружили меня со всех сторон и топтались на месте в предвкушении.

— В общем, так, — начал я, — возвращается доблестный рыцарь из коман... похода в Святую землю. А жена его — прекрасная графиня в это время в покоях с любовником...

— С любовником, — хихикнул долговязый рыжий стражник, потирая потные ладони.

Капитан хлопнул его замшевой перчаткой по каске, чтобы не перебивал, и дал мне знак продолжать.

— Так вот, жена, то есть графиня, в покоях с любовником. Оба, естественно, голые.

— Голенькие, — снова захихикал рыжий дылда, но тут же наткнулся на суровый взгляд командира, осекся и посерьезнел.

— Да, вот они лежат голые, — продолжал я, — тут герольд доблестного рыцаря под окнами гудит в рог, муж входит в дом. Ну, гра-

финя, конечно, думает, куда спрятать любовника. И спрятала в шкаф.

— Ха-ха-ха! В шкаф! — захохотал уже другой стражник, толстенький коротышка. Но, глянув по сторонам и сообразив, что это еще не конец истории и самое смешное еще впереди, пристыженно замолк. А я хлебнул вина и продолжил:

— Да, спрятала в шкаф! Доблестный рыцарь входит в спальню, а графиня кидается ему на шею и кричит: «О, мой любезный супруг! Я вас так ждала, так ждала! Я прямо чувствовала, что вы приедете именно сегодня, даже не стала одеваться!» Ну, доблестный рыцарь, ясен пень, жене поверил и тут же улегся с ней в кровать, благо, что раздевать ее уже не требовалось. И так любил ее до утра.

Рыжий стражник хотел было что-то добавить, то ли про «любить», то ли про «кровать», но, глянув на капитана, лишь заскулил в предвкушении. Поэтому я без помех смог продолжить:

— А любовник тем временем сидит в шкафу, боится выйти. Замерз голый-то. Ну и завернулся в шубу... то есть — в мантию из горностаев. И вот утром, когда доблестный рыцарь и графиня, утомившись от любовных утех, заснули, он потихоньку из шкафа вылез и пополз к окну, под которым его ждал верный конь. Но зацепился за ножку телеви... канделябр он зацепил, кончиком мантии запутался. Канделябр

упал, загремел. Доблестный рыцарь проснулся. И спрашивает: «Кто это?» А любовник был не дурак и отвечает: «Я моль из шкафа». Доблестный рыцарь, конечно, удивился и спросил: «А мантию куда понес?»

Тут я выдержал театральную паузу и с выражением выдал: «Дома доем!»

Оценили! Хохот стоял такой, что даже вороны, облепившие крыши крепостных башен, с возмущенным карканьем взлетели в темное небо. А еще говорят, у военных атрофировано чувство юмора. Вот еще! Отсмеявшись над моим анекдотом, стражники принялись развлекаться с бедным крестьянином и его супругой. Для начала крестьянке велели задрать платье и показать зад, чтобы поставить на нем «печать ночной стражи» — хлопнуть по упитанным ягодицам пустыми ножнами. Крестьянину же пришлось довольно громко кукарекать петухом, «чтобы отпугнуть нечистую силу». Натешившись с деревенщиной, стражники забрали у них двух кур и тут же свернули им головы. А пока крестьянка их ощипывала и потрошила (надо же доблестной ночной страже чем-то закусить доброе вино?), стражники выволокли из мешка поросенка и, вымазав смолой, начали осыпать перьями. Оперенный подсвинок получился таким уморительным, что даже я не смог сдержать улыбки.

Господин Дэйрс закончил объедать куриное крылышко, швырнул кости в сторону

клетки, вытер жирные руки о плащ крестьянина и скомандовал:

— Эй, бездельники, хватит жрать, строиться!

Тут же повернулся ко мне:

— Привратник сказал, что ты идешь в гости к господину О.Раньи. Я вижу, ты приобретаешь в нашем городе хорошие связи. У тебя действительно к нему дело?

— Да, господин капитан. Господин О.Раньи пригласил меня по поводу одного старого научного трактата...

— Ну ты молодец, студент! Господин О.Раньи это... это великий маг и очень достойный человек. Его амулеты спасли не один десяток жизней хороших вояк, можешь уж мне поверить. Только живет далеко, змея мне в потрох, и... — капитан перешел на шепот, — и дома у него странные дела творятся. Странные и страшные.

— Так я могу пройти с вами до его дворца?

Капитан крутанул ус и хмыкнул:

— Прости, дорогой Реддис, до площади Мясников мы тебя еще проводим, а вот дальше тебе придется идти одному. Его Светлость запретил ночной страже и носа показывать в квартале Магов. Да я бы и сам не пошел, змея мне в потрох. Не люблю я их штучек-дрючек. А ну, бездельники, хватит прохлаждаться! Построились! На площадь Мясников, арш!

Конечно, в боевом строю ночная стража выглядела внушительно. Впереди мерным шагом двигались три пикинера с факелами, за ними барабанщик и знаменосец со штандартом Его Светлости, потом три арбалетчика. В центре ехал сам блистательный господин ДэЭйрс в золоченой кирасе на своем прекрасном вороном. Замыкала отряд полудюжина конных стражников под командой столичного лейтенанта, вооруженная пиками и сетями.

Сзади плелись мы. Я с уже упомянутой крестьянской семьей, сгибающейся под тяжестью мешков и корзин, пара странствующих монахов в рваных плащах, да припозднившийся загулявший торговец, то и дело ощупывающий кошель на поясе. Бродить ночью в одиночку по улицам Аррохона, несмотря на указы Его Светлости и усилия магистрата, до сих пор считается делом небезопасным. Разве что идти сразу за ночной стражей. Хотя квартал Лекарей, по центральной улице которого мы шли, особо опасным не считался. Народ здесь проживал большей частью солидный, состоятельный, к порядку привыкший. Только в очень редких окошках виднелся свет, в основном же окна были наглухо закрыты ставнями. Так же тихо было и на улице Кузнецов. Только в одной кузне, размещавшейся на первом этаже крепкого дома, виднелся свет и слышался стук молота. Тут же полдюжины слуг с вышитым на груди единорогом усаживали с помощью

блоков и скамеечки на веревках закованного в железо рыцаря на закованного же коня. Конь зашатался под тяжестью седока, но на ногах устоял. Стража дружно отсалютовала рыцарю, тот поднял забрало и отсалютовал в ответ. В это время из кузницы вышел кузнец в кожаном фартуке. Он быстро измерил веревочкой железный сапог рыцаря и снова скрылся в кузне. Звонко застучал молот. Интересно, с чего это кузнец решил подкалымить ночью? Цеховые правила ему не указ? Ах да, единокор — герб тяжелой кавалерии Его Светлости. А Его Светлости отказывать нельзя, несмотря ни на какие правила. А так улица Кузнецов — место мирное.

То ли дело — Веселый квартал, который начинался сразу за улицей Кузнецов. Здесь темных окон почти не наблюдалось, разве что на верхних этажах домов, где жрицы любви продавали свое тело и ласки за звонкую монету. Жрицы, которым в эту ночь не повезло, теперь стояли вдоль стен и, демонстрируя свои прелести, зазывали стражников. Но без особого успеха, господин Дэйрс в этом деле был строг. Сначала служба! «Первым делом, первым делом арбалеты»... все остальное — потом. А вот торговец, шедший рядом со мной, перед соблазном не устоял, быстро сговорился с молоденькой красоткой, чье платье не вмещало огромную, не по возрасту грудь, и исчез в дверях дома с красным фонарем под крышей.

Я лично на все обращения продажных чаровниц отвечал одно и то же: «Я бедный студент, у меня нет денег». Срабатывало. Правда, одна толстуха предложила взять в качестве оплаты мой плащ, а то и вовсе обслужить в долг, «чтобы не потерять квалификации». Насилу от нее отбился...

Веселый квартал упирался прямо в площадь Мясников, или, попросту, Мясную, пожалуй, самое зловещее место во всем городе, не считая, конечно, квартала Магов. Ее главная достопримечательность — эшафот с плахой, колесом и большой виселицей на дюжину персон. Правда, сейчас виселица была почти пуста, лишь одно тело мерно покачивалось на ветру. Лицо висельника посинело, язык вывалился ниже подбородка. За что же тебя, бедолага? А, вон табличка на груди болтается с лошадиной головой и надписью под ней, теперь ясно за что. Конокрад. Что ж, поделом, ибо сказано «не укради» и «не возжелай».

Лично у меня все это — и плаха, и колесо, и эта виселица с удавленником, и сам эшафот — вызывали ужас одним своим видом. Но у доблестных стражников, по всей видимости, насчет эшафота было совсем иное мнение. Дождавшись команды своего капитана, они сгрудились вокруг «дворянской лестницы», обитой черным бархатом, деловито обсудили внешний вид казненного и затеяли спор по поводу того, какая смерть страшнее и мучительнее.

— Колесование! Колесование, говорю вам! — кипятился долговязый стражник. — Прекрасная казнь! Долго и мучительно. Когда палач раздробит преступнику все суставы своей палицей и начнет растягивать кожаными ремнями, тот орет так, словно его заживо жарят в аду.

— А я говорю — подвешивание! — не соглашался толстяк. — Когда подвешивают на крюк за ребро или за подбородок, даже самый мужественный воин стонет как ребенок.

— О нет, господа, смею вас уферить, нет нитшего страшной шелесный клетка на Большой Башня, — вдруг заявил лейтенант, судя по выговору, уроженец северного Атарра. — О, да! Таше самый мутшительный смерть на эшафот — цфетошшки по сравнений с мутшений на Большой Башня. О да! Мошете мне ферить! Я это фитеть сфои глаза! Фот где ушас! Преступник разтефать донага, и палач потфешифать его на цепь в шелезный клетка на Большой Башня. А штоп преступник не фстумать прекратить свой стратаний — распить голофа о прутья, или грысть фена, его рук и ног прикофыфать. О да! Как кофорить наш слафный королевский прокурор: «Преступник должен испить чашу стратаний до дна!» Эшафот — больно, но быстро! Башня — напротифф, долго и безумно мутшительно! Верите мне, крики преступник из шелезный клетка слышать на целый кфартал! Он мошет мутшица

тфе и таше три неделя! О да! Слово тфорянина! Единсфенно, што плохо в этой казнь — пригофоренный так истошно критшать, што нефозмошно заснуть ночь. Ее фелитшество как-то пошшалофаться королевский прокурор, што крики пригофоренных мешать ей спать. Да!

— Ерунда! — вдруг подал голос капитан Дэ-Эйрс. — Все это ерунда, господин лейтенант! Самая страшная казнь не в железной клетке и не здесь, — он указал на эшафот. — А вон там!

Все обернулись в сторону, куда указал капитан. Я тоже глянул. Вроде ничего страшного не видно, разве что в конце совершенно пустынной площади виднелась скульптура. Глиняный человек с фонарем указывает рукой в сторону квартала Магов. Ну и что? Какую казнь имел в виду доблестный капитан ДэЭйрс? Черт, неужели это правда? Эти слухи, что великий маг О.Раньи превращает своих врагов и нерадивых слуг в истуканов и заставляет их вечно указывать дорогу к его дому?

— Что ж, господин студент, передайте мои искренние пожелания здоровья и дальнейшего процветания господину О.Раньи, — сказал капитан важно, приложив руку к краю своей великолепной шляпы. — Скажите, что его заговор на кирасу, что я купил у него накануне праздника Всех Святых, действует превосходно, на днях собираюсь заказать у него новый заговор для меча.

Тут же он выпрямился в седле и скомандовал:

— Стража, стройся! Пошевеливайтесь, бездельники! На площадь Оружейников — арш!

Барабанный бой медленно удалялся, пока не затих в узких улочках этого города. Я остался у эшафота один, если не считать того бедолагу, что продолжал болтаться в петле.

Не лучшая, согласитесь, компания. Глянул на истукана, указывающего направление, куда мне двигаться, и поежился. Почему-то очень не хотелось идти ночью в квартал Магов... Господин О. Раньи не мог назначить встречу в каком другом месте? Или днем? Хотя нет, не мог. Такие дела делаются только ночью и только в полнолуние. Так что выбора у меня не было, придется идти в этот чертов квартал.

Около истукана я на минуту остановился, осветил факелом его лицо. Нет, все-таки не похоже, чтобы это когда-то было живым человеком. Грубые, словно вырубленные топором в колоде черты лица, «слепые глаза», узкая щель вместо рта. Точно, болтают!

И вдруг... Может быть, это ветром огонь факела колыхнуло или просто показалось мне, но глаза истукана открылись. Всего на миг. И такая мука была в этих глазах... Я подхватил суму и быстро, чуть ли не бегом двинулся в глубь квартала.

Про квартал Магов вообще ходила дурная слава. Оно и понятно, что может быть хоро-

шего в квартале, сплошь населенном магами, колдунами, ведьмами, упырями, чернокнижниками и прочей нечистью? Говорят, что старый герцог однажды даже собрался выселить их всех из города подчистую, но тут под стены города явились горные орки со своими камнебитными машинами. И только благодаря совместным усилиям местных магов стены города выдержали, а ночью... Ночью в стан орков на охоту выходили вампиры. Обескровливать, так сказать, врага... А потом жаловались, что черная орочья кровь вызывает жуткую изжогу. Но мне кажется, болтают. Не насчет изжоги, а насчет выселения. Что ни говори, а налогов с городских магов Аррохона собирается достаточно, чтобы содержать тяжелую кавалерию Его Светлости. Далеко не каждый вельможа и даже не каждый король в Средиземье может позволить себе регулярную армию, тем более — рыцарскую кавалерию. Так что ссориться с магами у Его Светлости резона никакого нет. Опять же, во время засухи кто тучи с северных гор пригнал?

При ближайшем рассмотрении Квартал Магов оказался не так уж и страшен, как про него болтали. Конечно, драконы, гарпии и прочие крылатые фигуры, украшавшие фасады зданий, смотрелись жутковато в сумраке, освещаемом лишь лунным светом и голубыми фонарями. Однако и дома здесь были большей частью приличные, трехэтажные, и народ на

улицах имелся. Причем вполне живой народ, а не бродячие трупы и упыри, как меня пугали. Почему-то чаще всего встречались женские фигуры в накидках. Они неслышно двигались вдоль стен, явно не желая, чтобы их узнали, и так же неслышно исчезали за дверями, над которыми тускло светили голубым фонари. Все ясно, местные дамы пытаются устроить свою судьбу с помощью магии. Или служанка чья-то за колдовским снадобьем для своей госпожи пришла. Один раз мне даже пришлось посторониться и прижаться к стене. Четверо слуг несли шикарный паланкин, вышитый герб на котором был задрапирован черным бархатом. Не иначе как вельможная дама решила лично пообщаться с магами, но светиться особо не желает.

Очередной истукан стоял у входа таверны «Веселый петух» и указывал рукой в сторону узкого переулка. Стоп, что-то здесь не так. Во-первых, в прошлый раз, когда в ожидании мага я перебрал местного пива и веселил народ анекдотами про «блудливую графиню», никакого истукана здесь не было. А во-вторых, ну не может такой знатный вельможа, как господин О.Раньи, жить в таком убогом переулке. Но с указателем не поспоришь, и я пошел в сторону, куда показывал истукан.

Миновав узкую улочку, где едва ли смогли разминуться двое крупных мужчин, я остановился перед... даже не знаю, как это назвать.

Вы в самолетах летали? Так вот, это очень походило на проверочную рамку в аэропорту. Ну, которая верещит, если с каким металлом идешь. Часы там, или пряжка на ремне. Только эта была в виде арки и светилась голубым цветом. Я потрогал арку рукой и почувствовал покалывание, как от сферы. Попробовал в арку войти, но не смог. Очень странное ощущение, вроде собираешься войти в арку, а она тебя не пускает. Воздух в проеме арки был словно резиновый, слегка поддавался под давлением и тут же выпихивал обратно. Я попробовал пару раз пройти в арку, даже с разбега попытался — не получилось. Потер ушибленную грудину. Что ж, великий маг предупреждал о чем-то подобном. Я вытащил из сумы свиток, прочитал заклинание и вошел...

* * *

...вошел в арку и попал на довольно большую площадь. Нет, этой площади здесь быть не могло. Никак не могло! По всем законам материи и пространства. Я же ясно видел с той стороны арки, что эта узкая улочка тянется еще метров на пятьдесят. А тут — целая площадь!

Я робко прижался к стене какой-то башни и стал озираться, соображая, куда дальше идти. Вид у меня был, наверное, придурковатый. Я пялился по сторонам и вертел головой, как деревенщина, которая приехала в большой город из совсем глухой дыры на телеге и вдруг

увидела троллейбус. Но никаких троллейбусов здесь не было. Здесь были маги. Конечно, на них не было написано, что они маги, но по соответствующим одеяниям, мантиям, расшитым звездами, широкополым шляпам со светящимися шариками на кончиках колпаков можно было догадаться об их профпринадлежности.

Украшением площади было странное каменное сооружение, чем-то похожее на Стоунхендж. Но в отличие от английского аналога, эти камни были не такие массивные, зато полностью замыкали круг. И вот из этого круга, из проемов, образованных голубоватыми камнями, группами и поодиночке выходили маги. Один из них — высокий, тощий старик, выйдя из «Стоунхенджа», подошел прямо ко мне, громко чихнул, достал откуда-то из-под мантии небольшую палочку со светящимся шариком на конце и взмахнул ею. Тут же около него возникло что-то вроде торгового прилавка. Широкий деревянный стол, заставленный фигурками вроде как из глины. Наверняка не совсем простыми фигурками, разве станет маг простыми глиняными свистульками торговать? Да это ж солдатики! Натуральные солдатики, только не оловянные, а из глины. Что там у китайцев было? Терракотовая армия? Очень похоже. Прикинувшись покупателем, я подошел к прилавку поближе и даже протянул руку, чтобы взять весьма натурально вылепленного лучника высотой с сигаретную пачку. Но не

успел я его коснуться, как... У меня на глазах фигурки на столе стали шевелиться, словно спортсмены-легкоатлеты разминались перед стартом. А тот самый лучник, которого я хотел рассмотреть поближе, зло глянул на меня и натянул лук.

— Шли бы вы дальше, юноша, — проскрипел старик, щелкнув лучника пальцем по миниатюрной каске. — Этот товар явно не для вас. Я вижу, вы студент, а здесь необходимо посвящение в боевую магию третьего уровня. У вас оно есть?

— Мало ли что у меня есть, — пробурчал я, но от стола отошел. Очень нужны мне были его солдатики, тут вон вокруг сколько разной всячины...

В отличие от остальных площадей города, безлюдных в это время суток, на площади вовсю шел торг. Но какой-то странный, тихий торг. Покупатели молча стояли напротив продавцов и смотрели им в глаза. Да, магам и колдунам слова обычно не нужны. Хотя и не знаю, кому и зачем мог понадобиться такой товар? Большинство прилавков было завалено всякой гадостью: связками летучих мышей и высушенных змей, черепами и костями животных (и не только животных, если вспомнить тот скелет, что стоял в нашем школьном кабинете биологии), какими-то отвратительными на вид кореньями, грибами и цветами с удивительным, странным запахом. А также

чучелами чудищ, сталкиваться с которыми у меня желания не было решительно никакого. Хотя насчет чучел я поторопился. Это были не совсем чучела. У меня на глазах сгорбленный старик с огромной бородавкой на носу, рекламируя свой товар, полил валявшееся на столе чучело паукообразной твари из склянки с черной жидкостью. Жидкость запузырилась, паук тут же ожил, зашипел и начал дрыгать длинными суставчатыми лапами. Фу, какая гадость!

Отойдя от греха подальше от опасного прилавка, чуть было не налетел на крупного мужчину в трико и красном колпаке, полностью закрывающем лицо. Лишь глаза его тускло сверкнули в узкой прорези странного головного убора. Мужчина сурово на меня глянул, буркнул что-то недружелюбное и начал выкладывать на прилавок из большой корзины свой товар. Ну и товарец, скажу я вам: связка веревок, заканчивающихся эшафотным узлом и петлей, ржавые кандалы, длинные пряди волос и... Тут меня чуть не вывернуло. Палач — а это был, без сомнения, городской палач, — спокойно выкладывал на стол отрубленные руки, вырванные языки и что-то еще из человеческих потрохов. Все ясно, отрубленная рука вора — лучший амулет для представителя этой древней профессии. А уж какой силой обладает веревка повешенного, если правильно ее заговорить, не мне вам объяснять...

— Что, парень, хочешь приобрести? — хрипло спросил палач, демонстрируя чью-то отрубленную ладонь. — Бери, не пожалеешь. Это рука Кусаки, а тот первый щипач был на всю округу, пока ко мне не попал, ха-ха-ха...

По-видимому, палач признал во мне начинающего вора. Я, как лошадь, замотал головой и попятился, словно палач собирался меня догонять. Но палач быстро потерял ко мне интерес, потому что к нему подошел какой-то щуплый малый в сером плаще и почти без торга купил ту самую руку. Довольный палач подбросил на ладони монеты и собрался положить их в кошель на поясе. Но такового там не оказалось. Палач сорвал с головы колпак и рванулся, едва не опрокинув прилавок, за щуплым. Тот, заметив погоню, немедленно дал стрекача. Чем все закончилось, я так и не узнал, потому что кто-то дернул меня за край плаща.

— Эй, парень, хочешь сыграть или узнать свою судьбу? — услышал я голос откуда-то снизу. Под статуей, прямо на брусчатке мостовой сидел слепец. Откуда он тут появился — понятия не имею. Могу поклясться, еще минуту назад его здесь не было. Перед слепцом стоял небольшой деревянный бочонок, на котором белели игральные кости.

— Я бедный студент, у меня денег нет, — ответил я привычно.

— Тогда сыграем на часы, что у тебя в суме, — предложил слепец.

— Откуда ты знаешь, что у меня в суме? — удивился я.

— Я слеп, но не глух, — улыбнулся слепец. — Я даже слышу, как сыплются песчинки в колбах твоих часов.

— Ну, допустим, а что поставишь ты?

— А вот, — слепец вытащил из-под плаща холщовый мешочек и вытряс из него кучку костей. Судя по виду — куриных.

— И эти кости — твоя ставка? — засомневался я.

— Кости? Ты сказал кости? — удивился слепец. — Это не совсем кости, вот смотри.

Слепец взял на ощупь одну из костей, положил на ладонь, погладил ее и вдруг с хрустом переломил пополам.

— Уффф, — вдруг громко выдохнул... истукан и опустил руку с фонарем. Другая рука продолжала указывать в сторону дома господина О.Раньи.

— Что, Сибба, тяжело быть чучелом? — участливо спросил слепец.

— Слов нет, как тяжело, — раздалось из щели, обозначающей рот истукана, — особо когда рука затекает.

— Так надо было думать о последствиях, когда поешь частушки о магах Аррохона и особо о мэтре О.Раньи. Я ведь предупреждал, — хихикнул слепец.

— Предупреждал, кто спорит. Надо было думать, — со скрипом кивнул головой истукан,

вдруг резко поднял руку с фонарем над головой и замер. Косточка вспыхнула в ладони мага бенгальским огнем и исчезла.

Я был ошарашен. Вот тебе и слухи...

— Это так, мелочь, — пояснил слепец, показывая другую косточку, — а вот заклятие, которое заключено здесь, даст вам власть над любым слугой мага О.Раньи. На целую минуту! А знаешь, что может произойти всего лишь за одну минуту?

Я знал, футбол, хоккей посматриваю, а уж баскетбол и подавно.

— Хорошо, давай сыграем, — согласился я, прикидывая, что часы мне, в общем-то, уже и не нужны. Слепец снова улыбнулся, быстро сгреб кости в ладонь и опустил их в глиняную чашку. Погремев костями, он выбросил их на бочонок. Тройка и пятерка, не самый плохой бросок.

— Восемь! — сказал я громко и, собираясь сделать бросок, присел перед ведром на корточки. Взвесил кости в руке. Тяжеленькие, гладкие. Положил их в чашку, покрутил, бросил. Выпало пять и единица. Причем кубик с единичкой подкатился прямо ко мне, к самому краю днища бочонка. Ткни его чуток пальчиком, он перевернется на шестерку, и ты — победитель. Но я костей трогать не стал. Выпрямился и с горечью признал свое поражение.

— У меня шесть. Что ж, ты выиграл, часы твои, — сказал я и протянул слепцу спаянные стеклянные колбы в рамке.

— Ой, какие мы честные! — восхитился слепец. — А чего ж единичку не перевернул? Хотел ведь? Знаю, хотел! Только не стал.

— Ну не стал, — признал я, сразу засомневавшись, что слепец настоящий.

— И правильно, что не стал. Кости эти заговоренные, обмана в игре не терпят. За обман можно и в истуканы попасть на долгий срок, — и слепец показал большим пальцем себе за спину. — Ладно, будем считать, что игры не было, а был торг. Вот, возьми заклятие, а часы поставь сюда, на бочонок. И переверни, пусть песок сыпется. Поверь мне, нет ничего лучше, как слушать течение времени.

Пожалуй, и мне стоило вспомнить о времени. Господин О.Раньи не терпел опозданий.

* * *

Ворота дома господина О.Раньи охраняли два истукана с алебардами. Они сурово смотрели прямо перед собой, хмуря каменные брови. Словно намекая, что стоит трижды подумать, прежде чем сюда войти. Я подумал, но вошел, благо ворота были открыты. И тут же увидел новых истуканов. Их было много, очень много. Они стояли в две шеренги вдоль широкой дороги, вымощенной зеленоватого цвета камнем, одной каменной рукой держа фонари

над головой, другой указывали на двери дома. Вот спасибо, а то бы без вас не догадался, куда идти. Подойдя к фонтану, в центре которого огромный бронзовый кит выбрасывал вверх водяные струи, я все-таки остановился, чтобы рассмотреть дом великого мага. И было на что посмотреть!

Я и до этого знал, что великий маг господин О.Раньи очень богат. Но теперь мне стало ясно, что он очень, очень, очень богат. Безумно богат! Только очень, очень, очень богатый человек мог иметь такой дом в Аррохоне. Даже не дом, дворец! Огромный дворец с садом и фонтанами. Подобную роскошь здесь мог позволить себе разве что герцог. Только больно уж мрачным казался этот дворец снаружи. Эти колонны, нависающие балконы, узкие окна-бойницы просто давили. По краям дворца возвышались башни с круглыми крышами-куполами. Да, на мой взгляд, весьма спорное архитектурное решение, хотя, возможно, у великого мага там обсерватория или еще что.

К дверям дворца вела широкая лестница с перилами. Кажется, из мрамора. У солидного вида дверей замерли еще два истукана в ливреях дворецких. На ливреях вышит герб господина О.Раньи — змея, сжимающая в пасти золотой ключ. Вот интересно получается, на гербе у мага ключ, а сами ключи он большей частью игнорировал. По крайней мере, ни в воротах, ни в парадных дверях дворца я ника-

ких замочных скважин не заметил. А впрочем, зачем магам замки? У них для этих целей заклинания есть. И, по всей видимости, сейчас эти заклинания были сняты — двери во дворец были не заперты. Поскольку истуканы в ливреях распахивать их передо мной не спешили, пришлось открывать самому. Я не гордый, толкнул дверь и вошел во дворец.

Вот черт! Никого! Не иначе как великий маг вообще предпочитает обходиться без слуг. Истуканы не в счет. Я стоял в центре почти квадратного зала и озирался по сторонам. Благодаря свечам, в обилии расставленным в многочисленных канделябрах и большой круглой люстре под потолком, в зале было довольно светло. Но и это не помогало решить вопрос, а куда, собственно, идти дальше? Где искать мага? Тут одних дверей полдюжины, да еще лестницы наверх. Я подумал и протянул руку к ручке самой большой двери. Но у меня на глазах ручка изогнулась и, вмиг обернувшись змеей, чуть было не вцепилась мне зубищами в палец. Я отпрыгнул, как ужаленный.

Вот так дела! Никак не ожидал я от великого мага такой подляны!

И тут я увидел кота. Огромный черный кот неслышно спустился по лестнице, сел в паре шагов от меня и сделал пару умывательных движений лапой. Потом вдруг поднял морду, глянул мне в глаза, громко сказал: «За мно-о-о-о-у!» и побежал вверх по лестнице. Мне не

оставалось ничего другого, как последовать за животным.

Честно говоря, после всего увиденного я ожидал, что маг О.Раньи встретит меня как-то особенно. Почему-то представлялся огромный зал со сводчатым потолком и великий маг в покрытой звездами мантии на высоком троне. Ничего этого не было, ни зала, ни трона, ни мантии. Маг сидел за небольшим деревянным столом, откинувшись в глубоком кресле, и задумчиво смотрел на языки огня, пляшущие в камине. Над камином висел портрет молодой женщины невиданной красоты, застывшей в танце. Женщина была явно восточного происхождения, с огромными черными глазами, с черными же как смоль, волнистыми волосами. Не знаю, что за художник ее писал, но написал гениально! Он сумел подметить и запечатлеть именно тот момент, когда женщина полностью отдалась музыке, ритму, очарованию танца.

Да, очень даже знакомый мне портрет и знакомая комната. Если приглядеться, то в сумраке у дальней стены комнаты можно разглядеть что-то вроде алтарного камня с пентаграммой посередине. Именно на этом камне я очутился год назад, когда впервые встретился с великим магом О.Раньи.

А маг услышал мои шаги, чуть повернул голову, кивнул и указал пальцем на лавку у стены, обитой темно-синим бархатом. Я присел в

уголке, немного смущенный холодным приемом, но тут сообразил, что маг слушает музыку. Надо же, как я смог не заметить инструменты перед камином? Лютня, флейта и еще что-то похожее на небольшую арфу. Музыкантов не наблюдалось, инструменты играли сами. Что-то нежное и совсем мне не знакомое. Музыка завораживала и... усыпляла, честное слово, еще пять минут таких мелодий, и я точно заснул бы. Но маг вдруг громко хлопнул в ладоши, инструменты перестали издавать звуки и словно наперегонки кинулись укладываться в большой открытый шкаф.

Маг повернулся ко мне лицом, и я наконец смог рассмотреть его лицо. В этот раз маг был не молод, отнюдь не молод, как во время моего последнего визита. Тогда ему было лет пятьдесят, а сейчас — не меньше восьмидесяти. Седой старик с лицом, изборожденным морщинами. И глаза, такие усталые серые глаза. Нет, не выцветшие, как у дряхлых стариканов, с которых песок сыпется, а именно — усталые. Вот эти глаза его и выдали, эго он на суму мою уставился.

— Принес? — спросил маг вместо приветствия.

Я задержал дыхание и кивнул. Наступал решающий момент. Возможно, самый важный момент в моей жизни. Все решится именно сейчас.

— Покажи, я хочу видеть, — сказал маг тихо.

Я встал, подошел к столу, без разрешения уселся в кресло и, уложив суму на колени, принялся в ней рыться. Впрочем, рылся я больше для вида, чтобы внезапную дрожь в коленях унять. И мобилка, и фонарик нашлись на дне сумы сразу, там, куда я их и положил. Тут же отчаянно зачесалось под мышкой. Знал, что явно не ко времени, но удержаться не смог, так зудело. Маг нахмурился:

— Блохи?

— А хрен его знает, — ответил я, — кажется, господин Реддис не любит бани.

— Здесь нет бань, — поправил меня маг, — здесь термы.

Он щелкнул пальцами — зуд моментально прекратился. Я с благодарностью глянул на мага, взял в руку мобилку, нажал на красную клавишу, набрал PIN-код. Дождался, когда засветился экранчик с иконкой «Голосовой набор номера». Протянул мобилку магу. Мысленно взмолился: «Господи, только бы получилось!»

Маг осторожно взял «трубу», осмотрел ее со всех сторон, потом глянул мне в глаза. Так глянул, что аж мурашки по спине побежали.

— Нужно прочесть заклинание?

— Не обязательно, — поспешил ответить я, — просто... позовите ее.

— Как позвать?

— Ну, как вы ее звали раньше... при жизни.

Это «при жизни» далось мне отнюдь не легко. А вдруг маг осерчает? Но маг не осерчал. Прокашлявшись, он совершенно изменившимся голосом сказал: «Зарина, любовь моя, слышишь ли ты меня?»

Я хоть и верил в успех, на всякий случай скрестил пальцы на удачу. Сработает или нет? Сработало!

«Слышу тебя, мой повелитель, — раздалось из динамика мобилки, — я так соскучилась по тебе». Голос мягкий, певучий, слегка искаженный компьютером. Ну и правильно, каким же еще должен быть голос с... того света.

Маг вздрогнул и едва не уронил мобилу на пол.

— В экран смотрите, в экран! — заорал я, для убедительности тыкая пальцем в экранчик. Но маг уже и сам сообразил, куда надо смотреть. Он безотрывно глядел на лицо молодой женщины, появившееся на экране, точной копии той, что висела у него над камином.

— Как... как ты там, Зарина? — прошептал маг. По-моему, совершенно дебильный вопрос, но и его мы с Сашкой предусмотрели: «Я скучаю по тебе, мой повелитель», — ответило из трубки. И тут я заметил, что руки у мага трясутся, а из глаз катятся слезы. Уф-ф-ф, кажется, у нас получилось!

Экран мобилы погас, оставаясь в режиме ожидания. И это правильно, хорошего понем-

ножку. Я осторожно взял телефон из рук старика, вполне готовый к тому, что маг не отдаст мне трубу. Но старик вернул ее безропотно.

— Я хочу поговорить с ней еще, — сказал он после довольно долгой паузы.

— Вы сможете говорить с ней каждый день, но не более трех минут. Она сможет даже спеть, станцевать для вас.

— Ты — великий маг, — наконец сказал О.Раньи. — Здесь, в этой коробочке душа Зарины? Ты заключил ее душу сюда?

— Нет, господин О.Раньи, душу человека невозможно заключить где-либо. Душа бессмертна и свободна. Но с помощью этой коробочки мы можете с Зариной говорить. Вы ведь этого хотели, когда мы заключали договор?

— Да, я говорил именно об этом. Она прекрасна, моя Зарина, даже в твоей маленькой коробочке прекрасна, как в тот день, когда великий художник с юга закончил писать этот портрет, — маг указал на картину над камином. — Я хочу поговорить с ней еще. Это возможно?

Я набрал побольше воздуха в легкие, чтобы соврать без запинки:

— Господин О.Раньи, мне очень трудно вам это говорить, но я обязан предупредить. Ваша Зарина сейчас находится в другом мире. Возможно, гораздо лучшем мире, чем ваш и... мой. Но каждая минута общения с этим миром отнимает у нее очень много сил. Помните, по-

жалуйста, об этом, когда будете вызывать ее. Вот, держите. Теперь зовите ее.

— Зарина, любовь моя, — сказал маг, уставившись на экранчик, — помнишь ли ты тот день, когда я впервые увидел тебя?

«Конечно, помню, мой господин, — ответило из телефона. — Разве я могу забыть это? Я помню каждый час, каждую минуту, проведенную с вами. А теперь прощайте, я очень устала. До следующего свидания, любовь моя».

Девушка исчезла с экрана и теперь появится не раньше, чем через двенадцать часов. Мы хоть и написали с Сашкой для нее полтыщи ответов на полтыщи вопросов, но очень не хотелось бы, чтобы господин маг задал все эти вопросы в один день. Пусть растянет удовольствие.

— Так что, я выполнил свою часть договора? — спросил я после довольно долгой паузы.

Маг глянул на меня глазами, сразу покрасневшими от слез, и сказал кратко:

— Да!

* * *

Господин О.Раньи оказался мужиком сообразительным и довольно быстро научился подзаряжать мобилку с помощью переходника и специального фонарика. Там еще ручка такая сбоку, крутишь, и зарядка идет быстрее, чем от сети. Торжество прогресса!

Господи, знали бы вы, что мне пришлось врать великому магу, объясняя необходимость этого действия. В общем, кручение ручки мини-динамо я приравнял к потиранию кувшина с целью вызова джинна.

— Хорошо, будем считать, что ты свою часть договора выполнил. Поговорим о цене, — сказал маг тихо, уложив мобилку вместе с фонариком в украшенный изумрудами ларец.

— Кажется, мы уже обо всем договорились, господин О.Раньи.

— Да, но... то, о чем ты просишь — очень, очень ценная вещь.

— Но разве не стоит оно вашей сокровенной мечты? — парировал я. — Не далее как полгода назад вы клялись, что за один взгляд вашей Зарины вы готовы отдать все богатства мира.

— Я и говорю о богатствах. Ты можешь взять в свой мир столько золота и драгоценных камней, сколько сможешь поднять.

От этих слов великого мага мне стало как-то нехорошо. Уж не решил ли он пойти на попятную? Неужели и в этом мире слово, данное власть имущим, ничего не стоит? Нет, мешок золота и камней, это, конечно, тоже неплохо, но, во-первых, сфера его перенести просто не сможет, а во-вторых, у меня по поводу оплаты моих услуг были совсем другие планы. Я решил твердо стоять на своем:

— Господин маг, мы заключили с вами договор. Я все свои обязательства выполнил. Очередь за вами.

Маг погладил драгоценный ларец рукой, пригладил рукой седые волосы и сказал:

— Что ж, ты прав. Не все в мире покупается за золото. Я просто хочу, чтобы ты понял, твоя просьба будет мне очень дорого стоить. А возможно, и тебе. Но выбор сделан. Хорошо, погоди здесь...

Маг встал с кресла, поставил ларец на полку под портретом и... исчез. Лишь легкий дымок вился на месте, где он только что стоял. Я перевел дух. Признаюсь, общение с этим магом меня просто выматывало. Не только морально, но почему-то и физически. Пару часов всего с ним пообщаешься, а кажется — вагон угля в одиночку разгрузил.

Безумно усталый, я развалился в кресле, бросил суму на пол, послал воздушный поцелуй портрету над камином и предался воспоминаниям. Да, как быстро бежит время.

Кажется, совсем недавно все это началось, а вот, поди же, целый год прошел. Да, именно год назад я впервые очутился в этой комнате, на этом самом алтаре в теле бедного студента факультета философии и алхимии академии Его Величества. Действительно, очень бедного студента со смешным именем Реддис. А за пару месяцев до этого я в своем собственном теле не менее бедного студента местного медуни-

вера Михаила Попова устроился ночным сторожем в библиотеку имени Горького, где и нашел в запасниках древний манускрипт. Книга была странная: половина написана непонятными знаками, совершенно не подлежащими переводу, часть — на латыни, часть — на старофранцузском языке. Много картинок странного содержания, и обложка из кожи неопознанного существа. Как она попала в архив, ума не приложу. Кто вообще в нашем городе знает старофранцузский? Разве что пара старых, впавших в маразм профессоров из местного педуниверса да мой папаша. Правда, про папашу говорить «знает» — не совсем верно, скорее, знал. И книгу, если честно, я нашел совсем не случайно. Батя мой ею сильно интересовался, даже отсканировал всю.

Сначала я просто пролистал книгу, рассматривая забавные картинки, изображавшие крылатых змеев, драконов, русалок и прочих неведомых зверушек. Потом надыбал словарь и взялся читать и переводить текст. Очень интересным оказался манускрипт, чего в нем только не было. Рецепты волшебных зелий, колдовские заговоры, заклинания, способные вызывать духов, и прочая нематериальщина. И вот как-то, выпив пивка во время дежурства, я решил попробовать кого-нибудь вызвать. Если честно, ни во что такое я не верил, но почему бы не попробовать? Нарисовал мелом на полу пентаграмму, расставил свечи и за-

читал магическое заклинание. И что вы думаете? Никакого духа я, конечно, не вызвал, зато оказался вот в этой самой комнате. В смысле, что не сам оказался, а... Даже не знаю, как правильно сказать... В общем, вселился мой разум в тщедушное тельце местного студента-философа, бывшего в услужении у великого мага города Аррохона господина О.Раньи. Сам маг наверняка офигел не меньше моего, когда его слуга, то есть я, вдруг заговорил с ним на чистом русском языке. Маг, оказывается, тоже давно упражнялся в попытках перемещений по разным мирам, без особого, правда, успеха. Потому что для перемещения одной пентаграммы и заклинания мало, нужна еще одна, в точку, куда переместиться хочешь. Вот я ее и начертил. Вернее, маг ее начертил. Нет, оба мы начертили и... Тьфу, совсем запутался. В общем, с помощью обнаруженной мною книги и великого мага О.Раньи я мог путешествовать в этот мир, населенный помимо людей эльфами, орками, гномами, драконами и черт еще знает кем.

Маг встретил меня хорошо, принял за коллегу по ремеслу. Быстро обучил, как пользоваться памятью Реддиса, благодаря чему я мигом усвоил местное наречие, и с ходу предложил обмен опытом и заклинаниями устроить. Пришлось врать, что я хоть и являюсь великим магом, но, к сожалению, в Его мире заклинания Нашего мира не действуют. А что,

ловко придумано, согласны? Иначе великий маг запросто мог заточить меня в темницу для своих магических опытов или превратить в какую-либо зверушку. Это он запросто может, ибо нрава весьма сурового. Была, правда, у него одна слабость. Та самая девушка, чей портрет висел над камином. Точно не знаю, что там между ними было, но, кажется, какая-то жутко романтическая история. Юный, но очень могущественный маг странствовал по восточным странам, где и встретил девушку немыслимой красоты. Влюбился в нее не без взаимности, увез в свою северную страну, а она возьми и скончайся. Зачахла, понимаешь, в суровом климате, и никакая магия не помогла. Вот он и мается с тех пор, бедолага, все о своей любви потерянной скорбит. Я и взялся помочь, не бесплатно, конечно...

А что-то долго нет мага, чего это он задерживается? Не задумал ли какую пакость? Вот сейчас войдет в дверь и скажет: «Передумал я. Становись-ка ты, друг мой, мерзкой бородавчатой жабой». И стану, а куда денешься? Или в темницу засадит. А то просто выгонит взащей на улицу, и буду я до окончания жизни бедствовать в этом мрачном Средневековье. Впрочем, а почему бедствовать? Подамся в писатели. Буду писать истории про блудливую графиню, глядишь — прославлюсь, издательство свое заведу, станок печатный изобрету, стану таким местным первопечатником...

* * *

Меня сильно толкнули в плечо. Где я? Кто я? Это что же, я заснул? Неудобно-то как. Маг О.Раньи стоит надо мной, взгляд какой-то недобрый.

— Уже утро. Тебе пора.

— А, это... — собрался спросить я, но маг лишь указал на столик у двери. На нем лежал совсем маленький замшевый мешочек. Я осторожно заглянул и увидел что-то, светившееся голубоватым светом.

— Это оно? — спросил я.

— Да, это То, Что Не Имеет Названия. Здесь не доставай, посмотришь дома. Я свое обещание тоже выполнил, собирайся и уходи. Прощай.

Маг повернулся ко мне спиной и... исчез.

Сборы я затягивать не стал, понимал, что в любое мгновение маг может кликнуть своих людей. Мало ли зачем... Например, чтобы забрать обратно свой дар. Или чтобы заключить меня в темницу с целью выяснить, какие еще колдовские секреты мне известны. Да мало ли что еще может взбрести в голову великому и всемогущему магу. Ему даже людей звать не обязательно, достаточно дать команду своим истуканам...

Но истуканы даже не двинулись, когда я спустился по лестнице, прошел между ними и взялся за ручку двери. Так и стояли недвижи-

мые, плясая куда-то своими каменными бельмами.

Тяжелая ручка двери была сделана из желтого металла. Неужели тоже золото? А почему бы и нет? От этого О.Раньи чего угодно можно ожидать.

Я вышел на улицу и сразу же запахнул плащ — ветерок-то довольно свежий. Глянул на восток, где над крепостной стеной уже виднелся краешек восходящего солнца. Часы на ратуше гулко пробили шесть раз. Мне действительно стоило поторопиться.

А утром при солнечном свете кладбище и не такое уж зловещее. Некоторые склепы весьма приличные, цветов много, розы, пионы, еще какие-то мне незнакомые. Вот и тропинка в лес и пенек знакомый с воткнутым пакетом. Теперь — самое главное, вызвать сферу. Ну, братец, не подведи!

Я аккуратно положил маленький мешочек на пенек, отошел на положенные шесть шагов, встал в центр звезды, развернул свиток и, очень тщательно выговаривая слова, произнес заклинание. Только бы сработало. Сработало! Над пеньком засветилось голубым светом. Таким ярким, что смотреть больно. Через минуту свечение исчезло. Все, улетел мой камушек в назначенную точку. Ну и мне пора до дому. Где тут в сумочке мои свечечки? Вот они, родимые. Расставляем, зажигаем. Теперь становимся в центр и произносим заклинание... И я...

Глава 2

Гадюшник

...я дома. Дом, милый дом! Небольшой домик с небольшим садиком на окраине небольшого города, на небольшой улице с чудным названием Садовая. Тихая такая улочка с яблонями и вишнями за низкими заборчиками, и соседи здесь при встрече здороваются. Правда, соседи называют наш дом гадюшником, а нас с братцем считают если не сумасшедшими, то уж малахольными — точно. Ну и пусть, нам с ними детей не крестить. Главное, что я вернулся, целый и невредимый. Как говорится, в гостях хорошо, а дома куда лучше. Истинная правда, точно вам говорю!

Я лежал на спине в своей комнате, в центре нарисованной красным мелом пентаграммы. Пентаграмма светилась и даже слегка дымилась, от нее веяло жаром. Одна из тапок, в кои были обуты мои ноги, начала тлеть. Надо же, такая температура, а свечи черного воска совсем целые, даже не оплавившись. А лежать-то на полу меж тем холодно. Ладно, пора вставать, тем более сфера уже поспела...

Сфера висела и сухо потрескивала здесь же, над старым лабораторным столом, кото-

рый я приволок с ближайшей свалки. Внутри нее что-то слабо пульсировало. А с какой стати «что-то»? Прекрасно известно мне, что именно там пульсирует. Впрочем, долго я еще так стоять собираюсь? Не особо надеясь на память, я глянул на стену и прочитал заранее написанное на постере с Оззи Осборном заклинание. Пентаграмма погасла, пол сразу перестал дышаться, и я смог без помех выйти из магической звезды. Еще одно заклинание — сфера мигнула и исчезла. Кожаный мешочек тихо звякнул о дно большой фарфоровой чаши. С точностью до сантиметра — знай наших!

«Наши» — то есть мой непутевый братец Сашка, по совместительству — компьютерный гений старшего школьного возраста, дрых здесь же, в кресле у компьютерного стола. Очень неудобная поза для сна. Ну скажите, как можно спать сидя, откинувшись, в кресле на колесиках? Но Сашка, он привычный, умудряется выспаться и таким вот диким образом. А в кровать не стал ложиться, потому что меня ждал.

Комп, как водится, был включен, с недавних пор я подозреваю, что Сашка его вовсе не выключает. На экране монитора очень красивая девушка восточного типа расчесывала золотым гребнем длинные черные волосы у журчащего водопада. Знакомая, весьма знакомая нам девушка. Зарина ты моя, Зарина, до чего же ты, блин, озорна. И на экране она как

живая, неудивительно, что великий маг повелся. Конечно, по сути, я надул великого мага. Подсунул за очень-очень ценную магическую вещьцу обычную мобилу с флешкой, на которую записаны файлы с болтающей, поющей и танцующей девушкой, чей портрет я снял на ту же мобилу полгода назад. А братан ее на своем компе на физию Азизы наложил, очень эротичные танцы у нее получаются, да и поет неплохо. Вот с голосом ее мы особо намучались, хорошо, что одна песня Зарины хранилась у мага в серебряной вазе. В общем, подсунули мы магу вместо души усопшей любимой ее компьютерную копию. Но ведь он этого и хотел и, кажется, остался доволен. Как сказал классик: «Ведь обмануть меня не сложно, я сам обманываться рад».

Я взял мешочек из вазы, расслабив шнурок, глянул внутрь. Все вроде в норме, ну и слава богу. Глянул на икону Спасителя в углу — перекрестился. На всякий случай. В свете последних событий особо верующим меня не назовешь. Когда видишь своими глазами живых магов-чернокнижников из другого мира, а также всяческих эльфов, гномов и гоблинов, начинаешь сомневаться в правдоподобии легенд о сыне плотника из далекой Иудеи. Но мама верила, это ее икона. Хорошо, что не видит мама остального — во что превратился теперь наша бывший уютный дом, наша бывшая уютная гостиная. Сразу офигела бы!

Офигевать было с чего: интерьер нашего с Сашкой жилища, действительно, производил впечатление на неподготовленного человека. Во-первых, моя гордость — химическая лаборатория, перенесенная сюда из гаража. Реактивы и химикалии. Кислоты и щелочи. Металлы и неметаллы. Все это втиснуто в три больших шкафа у правой стены и выставлено на уже упомянутый лабораторный стол в центре. Великое множество колб, пробирок, чашечек и прочей стеклянной утвари. Спиртовки, газовые горелки и перегонные кубы. Купленного здесь мало. В основном — списанное оборудование, или просто найдено на помойке.

Во-вторых, гордость наших родителей, царство им небесное, библиотека. Стеллаж во всю стену от пола до потолка. И книги — не попса какая, не бабские романы, а редкие и ценные издания, все больше трактаты по истории. Карамзин в полном собрании, между прочим! Ну и из фантастики избранное — Беляев, Шekli, Хайнлайн. Стругацкие — все изданное! Еще несколько ценных книг и альбомов по нумизматике. Отец увлекался. Ну и про змей литература. Одна полка в стеллаже полностью посвящена черной магии и колдовству. Сторожит ее натуральный человеческий череп, который Сашка спер в медуниверсе на экскурсии.

Добавьте сюда самого моего братца в уголке с его компьютерным монстром и полками, набитыми дисками. Да, и еще стены. Стены у нас

были сплошь заклеены плакатами и постерами самого смелого содержания. Обои нынче дороги, а плакатами всегда можно разжиться на халяву в местном ДК. Там у нас неформалы кучкуются, разные сейшны устраивают. Вот после них плакаты и остаются. Сашка там уборщицей подрабатывает, приносит иногда довольно приличные плакатики, есть из чего выбрать. Я все больше на готику напирал да на «KISS» — уж больно забавные придурки, а братец по металлу специализировался. Давний фанат и «AC/DC» и «Металлики». И когда у нас батарея на втором этаже рванула — все стены залило, за отсутствием обоев мы этими плакатами и воспользовались.

Единственное светлое пятно над всей этой бесовщиной: мамина икона в углу и «семейный портрет над камином».

Конечно, никакого камина у нас нет, да и не портрет это вовсе — большая фотография, на которой вся наша большая дружная семья. Качество, конечно, не очень — сосед на мыльницу щелкнул, кода Лариску выписали из роддома. Вот она, в центре, чуть пополневшая, но все равно очень красивая, с Дашкой в руках. А я с Варькой. Или наоборот. Девчонки у нас, двойняшки в конвертиках с розовыми ленточками. Хотя я заказывал сына. Но надо знать Лариску — все сделает назло. Братец мой тут же, смешной, вихрастый. В каком он тут классе? Седьмом? На щеке ссадина, школьная куртка

на плече порвана — пацан. А сестренка Наташка, совсем маленькая: «Наташка, Наташка теперь первоклашка. Теперь ученица она»... Нет, здесь она уже во втором. Но к приезду домой новорожденных племянниц специально обрядилась в парадную форму с белым кружевным фартуком, на голове два огромных белых банта, в руках букет цветов для Лариски. Георгины. Белые и розовые. Мама сама вырастила. Мама здесь немного усталая. Накануне мы с ней переклеивали обои в детской, а потом она до поздней ночи что-то гладила, перешивала, строчила на машинке. Батя, как обычно, в любимом свитере с оленями на груди. Он тоже усталый — с ночной смены, но по глазам видно, как рад. Батя всегда говорил, что мечтает о большой, дружной семье в большом уютном доме. Дом остался, хотя по нынешним временам особо большим его не назовешь. А семья... Где теперь она, эта дружная семья? Нету ее. Мама с сестрой пропали два года назад, в последнее воскресенье августа. Поехали на озеро собирать клюкву и лекарственные травы. Мама у меня была большой специалист по разным травам. Сколько себя помню, когда в семье кто-нибудь заболел, никогда таблеток не глотал, даром что батя — врач, всегда мама своими травами лечила.

Их искали. Долго. Леса и болота в том районе буквально прочесали, даже военных привлекали, по телевизору каждый день сооб-

щали, фотографии их показывали, а толку... Не нашли. Батя за неделю поседел как лунь и состарился лет на десять. Каждый день после работы он заводил нашего «ушастого» и ехал на озеро искать. Сначала с друзьями, потом один. Продолжал надеяться. И так до зимы. А однажды и он не вернулся. «Запорожец» нашли около остановочного павильона, от машины в лес уходила едва заметная лыжная колея, которую к вечеру замело.

Лариска ушла от меня через два месяца, собрала девчонок, вызвала такси и уехала на вокзал. Возвращаясь с ночного дежурства, а на столе записка: «Я так больше не могу, прощай. На развод подам сама, на алименты подавать не буду. Лариса». И все. Укатила на Урал, к мамаше. Она у нее зажиточная, могла бы и помочь молодой семье, попавшей в затруднительное положение. Но «кормить лодыря», то есть меня, не возжелала. У меня с тещей сразу как-то не сложилось. Она прогостила-то у нас всего неделю, успели поругаться два раза. Да и родителям моим эта «торговая мадама» не очень понравилась. Не сошлись наши семьи характерами, бывает. Но я Лариску не виню, а в чем-то понимаю. Сначала этот стресс с поисками мамы и сестры, потом вечно мученическое выражение лица папаши, а потом, когда и батя пропал, нужда. Банальная нужда, денег не хватало катастрофически. Я, конечно, ушел в академ, какая уж тут учеба, устроился в

больничку на полторы ставки, батины друзья помогли еще с местом ночного сторожа в библиотеке, но... Разве проживешь впятером на полторы зарплаты? Да еще змеи эти...

А братца хотели забрать в детдом. Тетку эту из соцзащиты хрен когда забуду. Пришла ведь лично, кекс сладкий к чаю принесла, одновременно матпомощь в конвертике. Сначала она очень нам с братцем сочувствовала, сказала, что батю моего знала. Чуть не всплакнула даже. А потом очень тонко поинтересовалась насчет батиной коллекции. У меня ведь батя не только книги редкие собирал, но и монеты старинные. Хорошая коллекция, очень ценная — в историческом плане, тоже по наследству от папы, то есть моего деда, осталась. Про батю даже в местных «Ведомостях» писали. Тетка и намекнула, что стоит коллекция немало и есть люди, готовые ее приобрести за приличную сумму. И она лично готова меня с этими людьми свести. Иначе на какие средства я буду братца кормить-содержать?

Я честно сказал, что вся батина коллекция у нее перед глазами — дом этот батя на нее купил, гараж пристроил, крышу новую справил, ремонт сделал. Но тетка не поверила. В итоге слащавая улыбка с рожи испарилась, и она начала меня реально прессовать: либо я с ней коллекцией поделюсь, либо она лично моего братца в «детдом засадит». Так и сказала, сучка такая, и дверью напоследок хлопнула. Вот тебе

и соцзащита. Благо, у меня в этом городе журналисты знакомые есть, подняли бучу, не дали обидеть сиротинок. Отстала тетка, а через месяц опекунство на меня оформили. Теперь я братцу и брат, и отец, и мать в одном лице.

Я подошел к братцу, но будить не стал — поправил свесившуюся руку. И тут услышал громкий писк со стороны окна. В клетке на подоконнике попискивали крыски. Белые в основном. Счетом — полные две дюжины. Эх, братец, братец, опять забыл покормить животинок. Я не про крысок говорю, крыски перебьются.

Я взял клетку, держа ее под мышкой, открыл дверь в «гадюшник» — бывшую детскую комнату с клетками вдоль всех стен — вернее, не клетками, а аквариумами. В аквариумах жили змеи, самые разные. Кстати, смешное дело получается. Хотя все знакомые и соседи называли наше с Сашкой жилище «гадюшником», гадюк, как таковых здесь не было. Ни одной. Кобры королевские были, одна даже моноклевая — с одним очком на капюшоне. Гюрза имелаась, гремучая змея, эфа... В общем, теплолюбивые. А собственно гадюки у нас в гараже содержатся. Раньше там обитали все эти гады, но прошлой зимой, когда батареи рванули, пришлось самых теплолюбивых сюда переселить. Зачем? Не поверите, но на ядовитых гадов большой спрос. Хотя я лично предпочитаю змей крупных и неядовитых: питонов,

удавов... В специальной клетке с корытом, наполненным водой, у меня даже анаконда проживает. Настоящая!

Откуда весь этот серпентарий? Тоже от бати остался. В конце 90-х у них в институте кафедру ядов и противоядий сократили. Руководству помещения срочно понадобились, сдать в аренду под казино и бордель элитный. И всю эту живность вроде как на усиление списали. Но батя воспротивился, встал на защиту гадов. Тогда директор НИИ и предложил забрать их себе, ежели так приперло. Батя забрал, с тех пор у нас дома частный серпентарий.

Тщательно заперев за собой дверь, я приступил к процессу кормления. Говорят, на передвижных выставках на это мероприятие собирается куча народу. Любят люди посмотреть, как змеюки будут крысок-мышек заживо заглатывать. Бр-rrrrr! Лично я это зрелище с трудом переношу, стараюсь вообще не смотреть. Честно говоря, я и самих змей недолюбливаю. Противные они какие-то, склизкие. Разве что лимонный питон. Такой он желтый, прикольный... Маришка как-то в гости заглянула, в руки его взяла и знаете что сказала? «Ой, он теплый, похож на эрегированный член». Вот развратная малолетка!

Так, дорогие аспиды и гады, приступаем к завтраку. Жрите, жрите, вы мне нужны сытые. В каждую клетку по крыске. Питону и удаву по две. Анаконде придется покупать кролика на

рынке, что-то она в последнее время к крыскам охладела — не жрет. Постарела, что ли? Распи-хав крысок по клеткам и стараясь не смотреть, как гады заглатывают своих жертв целиком, я поставил клетку на аквариум с моим любимым лимонным питончиком, отряхнул руки и поспешил покинуть гадюшник.

Сашка уже проснулся и сидел в своем кресле, очумело озираясь по сторонам. Глаза его были красные, словно от бессонницы. Но бессонница тут ни при чем, меньше в монитор пялиться надо.

Увидев меня, Сашка радостно заулыбался:

— Превед, Медвед! Вернулся?! Как все прошло?

— Намана, — ответил я, взял со стола мешочек и вытряхнул его содержимое себе на ладонь.

С виду — так ничего особенного. Кусочек слюды. Но камушек, лежа на ладони с минутой, внезапно потеплел, растекся по ладони и засветился мягким голубоватым светом. Надо же, так его обозвать: «То, Что Не Имеет Названия». Но это у них, у магов. А у нас он имеет вполне конкретное название. Философский камень, вот как это называется! С философским камнем много делов можно наделать. Прямо вижу глянцевые обложки журналов со своим портретом и заголовки: «Российский студент совершил переворот в химии!», «Самый юный нобелевский лауреат в истории!»,

«Рак побежден!», «Раскрыта тайна бессмертия!», ну и прочая, прочая, прочая...

Взял с полки старинный фолиант в кожаной обложке, ту самую книгу, что помогла мне попасть в мир магов, раскрыл его на нужной странице. С «камушком», растекшимся у меня по ладони, это была уже не глава алхимического трактата, это уже инструкция: «Помести свинец в фарфоровый сосуд, в змеиную кровь. В ночь полной луны положи в кровь философский камень. Утром, когда взойдет солнце, возьми оттуда камень и золото». Коротко и ясно, без всяких формул и реакций. И никаких перегонных кубов.

— Ну что, братан, луна сегодня полная, пора разгонять наш гадюшник. Кого из гадов будем порешать? Может, питона? Или удава?

— Жалко лимонника-то, — ответил братец, улыбаясь понимающе. — Он такой классный. Давай гюрзу для пробы.

— Гюрзу так гюрзу, — согласился я, зевая и укладываясь на кушетку. — Посмотрим, утро вечера мудрее. Хотя в нашем случае — наоборот.

Глава 3

Старик с шарманкой и драконом

Тяжело опираясь на длинный посох, старик поднялся на вершину холма, кряхтя установил шарманку на самодельную треногу около большого серого валуна, вытер со лба пот тыльной стороной ладони и только потом глянул вниз. Облегченно выдохнул. По всему, увиденное его порадовало. Даже улыбнулся. Дождавшись, когда его догнал мальчик с сильно потертой торбой за плечами, старик указал посохом сначала вниз, на столб, врытый перед узким мостиком через ручей, потом на валун, и приказал:

— Ну-ка прочти, что написано на камне.

Мальчик резво скинул торбу на землю, тоже утер пот с лица и подошел к валуну. Долго водил пальцем по выбитым в камне буквам, шевелил губами, наконец, прочел по слогам: «Здесь начинаются земли славного королевства Пью... Пью... Пьюатар». Глянул радостно на мага:

— Мы пришли?

— Да, мой мальчик. Отсюда начинается Атарское королевство. Когда-то было просто Атарское, а теперь уже Пью... Ну-ка, переведи.

— Пью — великое. Ар — солнце. Нет, солнце — Ра. Нет, Ра — это солнце в зените, а Ар — восходящее. Ат — это «под». Получается... Великое, под восходящим солнцем.

— Правильно, молодец.

Мальчик посмотрел на земли великого королевства, потом повернулся в сторону, откуда они пришли. Эльфийские земли от земель великого королевства отличались мало.

— Разницы особой не вижу, — сообщил мальчик.

— Так и нет ее, — легко согласился маг. — Но то, что скоро мы сможем отдохнуть, это радует. Что с драконом?

Мальчик оглянулся, засунул два пальца в рот и резко свистнул. Дождавшись, когда эхо затихнет в кронах древнего леса, крикнул:

— Эй, Мышат, давай быстрее! Пошевеливайся! Мы почти пришли! Чего плетешься...

— Не надо, не подгоняй его, — сказал старик. — Он и так идет из последних сил.

Старик был прав, Мышат действительно еле ковылял. Маленький, размером с пони, дракон, сильно припадая на правую переднюю лапу, поднялся на холм и тут же опустился на брюхо. Тяжело вздохнул, положил рогатую, шипастую голову на левую переднюю лапу и задышал, высунув язык. Совсем как обычная дворовая собака. Старик подошел к дракону, погладил его по голове и осторожно расправил правое крыло, густо смазанное в месте раз-

рыва чем-то черным и жирным. Потом присел и внимательно осмотрел повязку на больной лапе. Из-под сероватой холстины пробивались бурые пятна и какая-то слизь. Сокрушенно покачивая головой, старик сказал:

— Плохо дело, в таком виде далеко он не дойдет.

— А, может, пусть пока полежит здесь, а мы тем временем... — предложил было мальчик, но наткнулся на суровый взгляд старика и умолк.

— Сбегай быстро к ручью, принеси воды, — приказал старик, берясь за торбу.

Мальчик, недовольно бурча себе под нос, побрел вниз, а старик вытащил из торбы пучок трав, быстро выбрал нужный стебель с широкими листьями и положил его в рот.

— Куда воду-то? — спросил мальчик, возвращаясь с полным кожаным ведром.

— Омой лапу Мышату, — сказал старик, сплюнув жвачку в кулак.

Мальчик хотел что-то возразить и даже открыл рот, но, глянув на старика, говорить раздумал. Уселся перед драконом на корточки и, зачерпывая из ведра ладошкой, принялся поливать повязку водой, после чего стал осторожно разматывать холстину, морщась и отворачиваясь.

— Плохо пахнет, — сообщил мальчик, окуная узкие полоски холстины в воду. — Его еще можно вылечить?

Старик не ответил. И так было понятно, что рана плоха — лапа сильно распухла, чешуя отливала нездоровым блеском, два когтя на пальцах сорваны. Старик разжал кулак, что-то пошептал над разжеванными в кашу листьями. Добавив в жвачку какого-то порошку из склянки, зачерпнул воды из ведра и умело смазал получившейся кашицей рану на лапе дракона. Тот вздрогнул и тихо зарычал, выпустив облачко дыма.

— Все, все, — сказал старик, глядя дракончика по морде, — сейчас станет легче.

— Угу, ему хорошо, травки пощипет, и все дела, а тут... Жрать-то как хочется, — пожаловался мальчик, потирая себя ладонью по животу. — С утра ведь маковой росинки во рту не было.

— Не жрать, а есть, — поправил его старик. — Если хочешь действительно когда-нибудь стать настоящим рыцарем, не уподобляйся гоблинам, мой мальчик. Говори правильно.

— Ну, есть, — согласился мальчик, — только разницы от этого никакой. Скоро живот к позвоночнику прилипнет.

Неожиданно лицо его изменилось, приобретя лукавое выражение, малыш сказал ележным голосом:

— Господин Лонир, ну, может быть, вы накормите нас какой-нибудь еды? Вы же великий маг, вы можете...

Старик нахмурился:

— Послушай, Овай, сколько раз я тебе говорил, чтобы ты не...

— Все, все, все, — зачастил мальчик и в виде знака смирения прикрыл себе рот ладошкой.

— Тогда повтори девятую заповедь Доблестного Рыцаря!

— Ну, это... — начал мальчик.

— Не нукай!

— Э-э-э-э... — мальчик закатил глаза к небу и нараспев начал декламировать: — Доблестный Рыцарь ни днем ни ночью не боится ни холода, ни жары, ни воды, ни огня. Голод и усталость он переносит с такой же стойкостью, как боль и... э-э-э-э... а-а-а...

— О, силы земные, духи лесные! — взмолился старик к небесам. — Этот отрок не может запомнить всего семнадцати заповедей! А мечтает стать великим рыцарем!

— ...как боль и скорбь, — наконец вспомнил мальчик, — и тогда Доблестный Рыцарь... Ой, рыцарь!

Мальчик замолчал и указал рукой куда-то за спину старика. Едва прозвучало слово «рыцарь», дракон исчез, словно его и не было. Старик медленно обернулся. Действительно, на дороге, шагах в тридцати от них неподвижно стоял всадник, закованный в черную броню, с черным плащом за спиной, на вороном, тоже защищенном броней коне. На щите чуть поблескивала в лучах катящегося к закату солнца

золотая башня на бордовом фоне. За спиной рыцаря виднелись другие всадники. Один из них в наряде герольда резко ударил шпорами и подскочил прямо к старику. С сомнением глянув на полуистлевшую, покрытую пылью хламиду странника, на его латаный-перелатанный плащ и стоптанные башмаки, на старый колпак с прозрачным шариком на кончике, герольд все-таки не без почтения поинтересовался:

— Мой господин, доблестный рыцарь граф Эммер Норрский, верный вассал короля Навера Сильного, хочет знать, вы ли тот великий маг Лонир, которого ему поручено встретить?

— Да, люди меня называют Лониром, — с достоинством ответил старик, — и я действительно направляюсь в Пьюатар по приглашению короля Навера.

Герольд кивнул, развернул коня и немедленно подскочил к рыцарю. Тот выслушал его и поднял руку. Как по команде всадники тронулись с места и медленно приблизились к месту привала. Мальчик наконец выглянул из-за спины старика и теперь с восхищением смотрел на блестящие латы и оружие воинов.

Рыцарь отсалютовал стальной перчаткой и поднял забрало. Узкий хрящеватый нос, блестящие, очень живые зеленоватые глаза, рыжие усы и борода. На вид молод. Сколько ему? Лет двадцать, может, двадцать пять.

— Рад приветствовать вас, великий маг, — низким голосом сказал рыцарь. — Я Рыцарь Золотой Башни граф Эммер Норрский. Мой сеньор, величайший из королей Навер Сильный просил меня встретить и проводить вас до самого замка. Он дарит вам этого великолепного скакуна.

Один из оруженосцев подвел к магу молодого жеребца белой масти.

— Хм... — хмыкнул старик, с первого взгляда по достоинству оценив коня, — за подарок спасибо. Но я уже стар, чтобы ездить верхом. К тому же мне и моим спутникам скорее подошла бы телега. И нет ли среди ваших спутников... лекаря? Или хотя бы коновала? Моему спутнику нужна помощь.

Рыцарь удивленно глянул на мальчика, потом на старика. Тот спохватился и щелкнул пальцами. Мышат немедленно материализовался в том самом месте, где и лежал. Рыцарь посмотрел на дракона, тяжело дышащего в тени кустарника, сделал вид, что не удивился, тихо спросил о чем-то герольда. Тот пожал плечами и виновато потупился.

— Нет, среди нас нет лекаря, извини, не подумали. Но здесь недалеко Свиная Сыть, там, наверняка, есть лекарь и телега. Если вы не против, я пошлю гонца. Думаю, успеем до темноты.

* * *

Свиную Сыть они почувствовали задолго до того, как увидели. Мальчик перестал болтать ногами, отложил остаток посыпанной маком булки, которую вручил ему герольд, втянул носом воздух и сморщился:

— Фу, как воняет! Здесь кто-то сдох?

Старик, сидевший на телеге рядом, перестал гладить голову дракона и тоже принялся.

— Свиньи, — сказал он, — очень много свиней.

Название города как нельзя лучше отображало его суть. Хотя городом Свиную Сыть можно было назвать с большой натяжкой. Скорее, окруженная частоколом довольно большая деревня, заполнявшая собой почти всю долину. Приземистые добротные дома с большими дворами, полными построек. В каждом дворе за массивными частоколами что-то хрюкало, скреблось, чесалось, иногда визжало. Дороги как таковой в деревне не было, ее заменяла скользкая и вонючая жижа, в которой колеса телеги утопали чуть ли не по ступицу. Оруженосцам рыцаря пару раз приходилось спешиваться и подталкивать ее сзади. Только около постоянного двора появилось что-то вроде бревенчатого настила, и телега перестала вязнуть.

Мальчик первым соскочил с телеги, помог спуститься старику, быстро принялся соби-

рать вещи. После съеденной булки из запасов герольда он заметно повеселел. Граф тем временем жестом подозвал оруженосца, принял у него копье и легонько ткнул острием в окно второго этажа. Дождался, когда на порог выбежит и склонится в глубоком поклоне трактирщик, кратко приказал:

— Постояльцев со двора — вон. Мне и моему гостю нужны лучшие покои. Ужин для всех, вина побольше. Лошадей и... дракона в стойло. И приведите ему лучшего лекаря. Нет, двух лучших лекарей.

Старик проследил, чтобы дракону помогли спуститься с телеги по возможности осторожнее, сам выбрал ему угол в стойле, приказал принести свежего сена, дал наставления немедленно прибывшим лекарям и только тогда вернулся на двор. Оруженосцы рыцаря как раз с помощью скамеечки и блоков спускали своего хозяина на землю. Спустив, тут же принялись освобождать его от доспехов.

— Уф-фф, — шумно выдохнул граф, освободившись от панциря. — Зажарился совсем. И хотя, соответственно третьей заповеди Устава, доблестным рыцарям не пристало жаловаться, хочу вам сказать, полный боевой доспех летом — настоящая пытка, а зимой — пытка изощренная.

Старик улыбнулся:

— Так стоило ли утруждаться и встречать нас? Насколько мне известно, сейчас Пьюатар ни с кем не воюет и...

В мгновение улыбка исчезла с лица старика. Только теперь он разглядел на рукаве шитого золотом камзола рыцаря большое алое пятно.

— Что это, вы ранены? — спросил маг.

— Что? Ах, это... Так, ерунда, царапина. Ударили под мышку копьем, не сильно, вскользь прошло. Эй, вы, ну пошевеливайтесь же! — поторопил граф оруженосцев, возившихся с ремешками стальных сапог. — Долго я еще столбом стоять буду?

— Так на вас напали? — тихо спросил старик.

— Да, полсотни гоблинов и три рыцаря. Впрочем, рыцарями их назвать противно: ни гербов на щитах, ни орденских нашивок на плащах. Безымянная голь перекатная — позор рыцарского звания. Напали из засады, на поединок никто не вышел, двух человек из-за них потерял, и лучшие наплечники мне помяли. Ну что, долго вы там еще, бездельники? Все? Хвала небесам! С глаз моих уберите эти пыточные колодки для ног и отнесите наплечники лучшему кузнецу этой дыры, пусть поправит. А что, господин маг, пьете ли вы вино?

— Ничто человеческое магам не чуждо, — сказал старик и коснулся плеча графа своим посохом. Пятно на камзоле василькового цвета из алого немедленно стало бурым.

— Надо же! — изумился граф. — И не болит больше. Совсем не болит. Только чешется.

* * *

Если бы не характерная вонь, можно было сказать, что в харчевне постоялого двора было вполне уютно. Впрочем, как понял старик, свиной дух здесь присутствовал везде. Он даже перебивал запах жарящегося мяса. Маг чуть задержался на пороге, подумал и сотворил заклинание. Огонь разом вспыхнул во всех трех каминах, над которыми уже румянились молочные поросята и шипела колбаса, в мгновение вонь словно улетучилась, явно запахло елью. Хозяин постоялого двора, низенький крепыш за конторкой, принюхался и удивленно вытаращил глаза.

Граф Эммер почесал плечо, усаживаясь за крепкий дубовый стол, хохотнул и сказал:

— Слышал я и ранее, что вы, маги Северных Земель, горазды на многое, но чтобы такое и так запросто... Теперь понятно, почему король решил пригласить такого мастера.

— Как здоровье Его Величества? — спросил старик, неторопливо устраиваясь напротив.

— Плох король, да продлят небеса его дни, — доверительно сообщил граф. — Сегодня мало что осталось от нашего славного Навера. А ведь когда-то он был первым силачом на все королевство, подковы руками гнул! Но, сам понимаете, походы, боевые раны, лихорадка, многочисленные тещи. А еще, — перешел граф на шепот, — поговаривают, что кто-то наслал порчу на нашего славного короля. Представля-

ете, здоровый и сильный мужчина буквально за год «сгорел», поседел, превратился в старика. Эй, трактирщик! — крикнул граф. — Долго еще ждать ужина?!

Но ждать долго не пришлось — прислуга постоянного двора оказалась довольно шустрой. В пару минут стол покрылся блюдами, тарелками, горшками и кувшинами. Пусть посуда и глиняная, грубой работы, зато блюда были со свежайшим мясом и только что испеченным хлебом, горшки с ароматной чесночной похлебкой, кувшины с крепким пивом и добрым вином. Мальчик, немедленно вставший за спину магу, шмыгнул носом и шумно втянул воздух. Маг взял большую тарелку со свиной, накрыл ее еще горячим калачом и протянул мальчику.

Граф воткнул кинжал в стол, дал знак своей свите, что можно приступать к трапезе, сам мигом объел большое свиное ребро, взял в руки кувшин и в минуту его опорожнил. Удовлетворенно утер рот, спросил:

— Простите, великий маг, я совсем забыл спросить, как вы добрались до границ королевства? И что случилось с драконом? Уж не орки ли ранили вашего спутника? Я слышал, что в землях эльфов от них уже житья нет.

— Нет, с Великого похода эльфы уже полгода не воюют с орками — перемирие. На нас напали бродячие гоблины — не меньше трех десятков. Наверное, простые грабители. Моему

дракону Мышату пришлось принять бой. Не уверен, что среди нападавших остались живые.

— Видно, ваш Мышат — славный воин, только какой-то он маленький... Признаюсь, в жизни не видел такого маленького дракона.

— Размер не всегда важен, — ответил старик и приложился к медному бокалу с вином. — А позвольте спросить, много ли вы видели драконов?

— Уел! — засмеялся граф. — Что и говорить, драконы в здешних местах встречаются нечасто. Да и откуда им взяться, когда вокруг столько рыцарей. А для рыцаря добыть зуб, а еще лучше рог дракона — высшая доблесть! Вот и извели. Хотя, насчет размера в чем-то вы и правы, но... — Граф задумался и сменил тему. — На нас тоже напали. На рыцаря напали! А ведь мы не купцы какие, не гномы-ростовщики. Где это видано, чтобы на рыцарей разбойники нападали? Да, пока наш добрый король был здоров, по дорогам ездить было безопасно. А теперь гоблины... Ох уж эти гоблины. Кто бы мог подумать, что сей народец окажется таким неблагодарным. Мы их вывели из лесов и пещер, научили носить одежды, готовить пищу на огне, да и речи человеческой научили, а они... Скажите, великий маг, почему гоблины не хотят честно работать, как наши крестьяне и ремесленники, а предпочитают жить в дерьме, промышлять грабежом и воровством?

— Во-первых, не все гоблины. Я как-то гостил в одной гоблинской деревне королевства Синор, так очень милое место. Все сыты, довольны, двери не запираются. Правда, когда проснулся в одном таком доме, где не запирались двери, то недосчитался кошелька и большинства из вещей. Но даже не обиделся и искать воришку не пытался. И знаете, почему? По одной простой причине: украсть мог каждый. Почему? Потому что они — гоблины.

Граф громко рассмеялся:

— Верно, маг, точнее и не скажешь. Потому что они гоблины! Благо, у нас их не так много, как у соседей. Но хватит о паразитах. Как вам наши края, Свиная Сыть?

— Да как сказать... А почему город так странно называется?

— О, это весьма забавная история, давайте еще выпьем, и расскажу. Десять лет назад наш славный король воевал с Аррохоном. Из-за чего — мало кто помнит, да это и не важно. Точно помню, что летом это было, сушь еще стояла, грибы совсем не уродились, и потели мы в латах сильно. И вот аррохонцы с помощью своих чертовых магов довольно серьезно накостыляли нам в устье Синоры. Да, честно говоря, и маги были особо ни при чем, подумаешь, наслали на нашу рать ураган. Наши ведь тоже в долгу не остались — в ответ бурю вызвали. В общем, как-нибудь разобрались бы, но вот эльфийские лучники... Это, скажу тебе,

была беда, никакие заговоры на латы не помогали. Как сейчас помню, дядюшка короля Эдвин, герцог Синорский, первым поскакал в атаку во главе тяжелой кавалерии... Это надо было видеть! Полтысячи отборных рыцарей, славные дворяне в полных боевых латах, ровным строем, с копьями наперевес. От топота копыт просто дрожала земля! Но не более того. Назад вернулись не более пятидесяти, причем ни один из них даже не ударил врага копьем. Доблестные рыцари сыпались с коней, как желуди с дуба поздней осенью. И все из-за этих чертовых эльфийских лучников. Ты же знаешь: атарскую сталь не берут даже стрелы из большого лука. Но это обычные луки и обычные стрелы — человеческие. А эльфы стояли на холмах и поливали нас своими магическими стрелами. Благо, били они не насмерть, а только усыпляли, но на полном ходу свалиться с коня — тоже удовольствия мало. Трое сломали шеи, полсотни переломов и вывихов. Короче, полное поражение — цвет королевства валяется в траве у ног лошадей, и бедные оруженосцы пытаются поставить своих лордов на ноги! Еле-еле доковыляли обратно до нашего лагеря. Смех да и только! А когда наша пехота и оставшаяся кавалерия попытались укрепиться у переправы, за дело взялись маги. По нам вдарил ураган. Представляешь, гром гремит, молнии сверкают, и взбесившийся ветер с песком прямо в морду. Тут и оставшиеся

дали деру. Одним словом, паника и полный разгром. Хорошо еще, что наши маги в ответ успели туману на аррохонцев напустить. Такой туман был, руку протянешь, и пальцев своих не увидишь.

В общем, переправились мы на свой берег и здесь вот, в этом самом месте стали лагерем. Собрал наш славный король военный совет, доблестные рыцари явились в синяках да шишках, и стали решать, что дальше делать. А что делать? Лучшие рыцари после такой атаки еще месяц на коней сесть не могли, наемники-гоблины разбежались, кнехты от страха трясутся. Стрелки остались, да у эльфов луки дальше бьют. И тогда наш славный король предложил самим, оставшимися силами, атаковать противника во время переправы. Он такой храбрец, наш Навер. Самоубийственный, конечно, план, но лучше уж пасть достойно, сохранив рыцарскую честь! И вот когда мы уже построились, чтобы атаковать врага, когда тот начнет переправляться через реку, в лагерь явился Хат — свинарь. Обычный мастеровой из Нижней Ызы, говорят, хороший мастер по печеночному паштету. Пришел и потребовал встречи с королем, представляешь? Раньше бы его за такую дерзость в клетку да на башню, или просто выпороли бы, а тут... Король принял свинаря, и тот сказал, что сможет сделать так, что эльфы в предстоящей битве участвовать не будут. Он вообще очень эльфов не

любил, этот свинарь. То ли эльфы у него всю семью в рабство угнали, то ли вообще убили... Взамен Хат запросил у короля вольностей и освобождения от налогов не только для себя, но для всего своего цеха. Король подумал и согласился, а что было делать? Тогда свинарь попросил отсрочить битву на один день, чтобы подготовиться. Хотя особо свинарю наш король не поверил, но все-таки послал гонца к любезному герцогу Аррохонскому для переговоров. День перемирия выторговать сумел, чтобы мертвых похоронить. Хотя не так много их и было, но традиция есть традиция.

Граф прервался, чтобы выпить еще вина и закусить свиным пятакком.

— Так вот, как сейчас помню, выстроились две армии в этой самой долине. Стоим, потеем под солнцем, ждем команды к атаке, хотя и очень сомневаемся. Раньше-то атарцы таранным ударом тяжелой конницы опрокидывали врага, расчленили его главные силы, тем самым решая исход битвы, а как тут быть? Опять под эльфийские стрелы скакать? Если не смерть — то позор. А эльфы уже тут как тут, стоят по холмикам в плащах своих зеленых, луки готовят. Обманул, выходит, свинарь. Но и наш король не торопится атаку начинать, словно ждет чего-то. И дождался! К полудню, когда в их лагере трубы к «битве» заревели, вдруг ветерок в сторону Синих гор подул, хороший такой ветерок. И видим тут явление странное небесное.

О, маг, это надо было видеть! Не птиц стая, не дракон даже, а что-то совершенно невиданное. Представляешь, маг, летят по небу полсотни костров. Сами летят, по ветру, никто их не тащит. Пригляделись, а костры эти за медную проволоку к шарам подвешены. И летят они за реку, аккуратно в Синий лес. А лето, как я уже говорил, жаркое было, почти без дождей, и от этих самых шаров загорелся Синий лес. Даже отсюда столбы дыма были видны. Тут-то эльфы про всякую войну и позабыли. Какая уж тут война, когда дом родной горит.

Своими глазами видел, как они толпой сквозь порядки вражеские рванулись. Домой, к семьям, спасать, тушить... Гвардейцы герцога пытались их обратно на позиции расставить, да уж куда там. Эльфы — народ горячий, что не по-ихнему, сразу за луки да за кинжалы. Когда эта паника у них в порядках началась, наш славный король и велел трубить атаку. Мы ударили, но не как обычно, в лоб, а по флангам, где эльфы стояли. Хоть и было нас числом меньше, но ударили сильно, можешь уж мне поверить. Как ножом масло прорезали правый и левый флаг и в тыл герцогу зашли...

Граф подтянул к себе большое блюдо с молочным поросенком, вооружился вдобавок к кинжалу большим кухонным ножом и, одновременно ударив поросенка ножами в голову и в окорок, показал, как атаковала королевская кавалерия.

— Ну и драка была! А Его Светлость в военных делах — не дурак, толк знает. Видит, войско его в полном замешательстве, вот и велел играть отступление. Ушел на тот берег и гонца прислал для переговоров... Так и замирились...

Граф закончил рассказ, отправил в рот здоровенный кусок свинины и, запив его пивом, самодовольно улыбнулся. Мальчик за спиной старика тихонько хихикнул.

— А что свинарь? — спросил старик.

— Какой свинарь? А-а-а-а, свинарь... Как потом выяснилось, этот самый Хат-свинарь накануне битвы поднял весь свой цех свинарей, а также мясников и кожевенников. И они за ночь нашили свиных пузырей, наполнили их поганым горячим газом с болот и, дождавшись, когда королевские маги устроят северный ветер, запустили их в Синий лес, подвесив на проволоке сальные факелы.

— И что же король? Выполнил свое обещание, данное свинарю? — спросил маг, отщипывая маленький кусочек от румяного карая.

— Конечно! Правда, сначала сомневался. Это ведь не шутка — освободить от податей и налогов целый городской цех. Освободишь одних, другим тоже захочется, а с чего ж тогда казну пополнять, войско содержать? И вот тогда король призвал к себе Хата, щедро наградил его, возвел в дворянство и подарил в вечное пользование вот эти земли. Да-да, ту самую долину, где мы с тобой сейчас сидим. Все равно

здесь ничего путного не росло — чертополох один. И пообещал, что жители этой долины будут освобождены от налогов пожизненно. Как, хитро придумал? Хат сюда переехал со своими свинарями, а за ними кожевенники, мясники. Обжились сначала, потом заложили этот город. Видели герб над воротами?

— Свиная голова?

— Да, это его герб. А поскольку свинари только и умеют, что разводить свиней, и очень успешно разводить, город так и называли — Свиная Сыть. Как история?

— Забавно, — кивнул старик.

— Тогда скажите мне, великий маг, — прищурился граф, — ведь не только у нас есть забавные города. Я слышал, вы идете из Феркаса? А что такого случилось в Феркасе? И купцы, и странники, все в один голос твердят: «Феркас! О, Феркас!» Ведь, насколько я помню, совсем захудалое было королевство и очень бедное. Его лишь потому соседи не завоевали, что эти сумасшедшие горцы воюют отчаянно. Да и что там завоевывать, кому нужны голые скалы и вечно голодные овцы! Но вдруг после того, как там побывал великий маг с драконом и шарманкой, это захолустье превратилось в истинный рай. Так ли это?

— Не знаю, вряд ли сегодня можно назвать Феркас раем. Хотя кому-то это место нравится. Особенно по сравнению с тем, что было раньше.

— Но без магии не обошлось?

— Возможно, — кивнул старик.

— Вы отнюдь не многословны и умеете уходить от прямых вопросов. Тогда задам вопрос прямо в лоб: не вы ли тот самый маг, который преобразил Феркас?

— Магов на свете много, — уклончиво ответил старик. — Но поверьте мне, даже самый великий маг не в силах изменить судьбу королевства и сделать несчастный народ счастливым. Это может лишь сам народ. Или... лучшая его часть. По этому поводу я вспомнил одну старинную балладу. Ну-ка, Овай, принеси шарманку. Знаете, граф, когда меня ограбили гоблины в той самой деревне, где не запирают дверей, они почему-то не взяли шарманки, хотя она — самое ценное из того, что у меня было.

Шарманка была явно старинной, всю ее поверхность покрывала довольно тонкая и искусная резьба. Что это была за резьба! Огромные армии сходились в смертельных битвах, доблестные рыцари поражали ужасных и огромных драконов, и в то же время блестящие драконы разгоняли бесчисленные армии гоблинов, и так далее, и так далее, и так далее. Причем в мерцающем свете факелов и свечей, освещающих таверну, казалось, что армии эти двигаются, драконы взмахивают крыльями и изрыгают огонь, а эльфы посылают во врага свои магические стрелы.

Старик взялся за ручку инструмента и несколько раз ее повернул. Из шарманки раздалась тихая мелодия. Старик остановился: видно, что-то в музыке ему не понравилось, откинул верхнюю крышку, пошуровал там рукой, снова закрыл. Теперь мелодия буквально полилась из шарманки, чарующая, невероятная мелодия, кажущаяся осязаемой — протяни руку, и коснешься серебряных ростков невиданного выющегося растения, пробивающегося прямо из шарманки. И усики, подвижные и тонкие, пытаются дотянуться до законченных потолочных балок таверны, обвиться вокруг висящего на цепях большого колеса, уставленного свечами.

Старик кивнул, и мальчик запел. Запел тонким, высоким голосом, таким высоким, что посуда на полках начала тихо дрожать, словно подпевая в унисон. Теперь в харчевне было уже два ростка — серебряный и золотой. Тонкие, но крепкие стебли их переплетались, лаская и обнимая друг друга, сплетаясь в единое волшебное растение...

Мальчик пел балладу о доблестном рыцаре О.Вайланте, вернувшемся домой из долгого похода в Святую землю. И что же увидел рыцарь дома? Заброшенный и разграбленный родовой замок, заросшие сорняком поля, сожженные деревни, стаи бродяг — обнищавших рыцарей, промышлявших на больших дорогах. Взяв горсть земли с могилы отца, рыцарь

О.Вайлант снова сел на коня, чтобы вернуть страну, которую он помнил и любил...

Баллада была длинная, со множеством подробностей, повествующих о том, как рыцарь О.Вайлант попал в плен к бродячим рыцарям, как вызвал их вожака на поединок, а победив, взывал к их совести, напомнил Рыцарский Кодекс. И как собралась под его знамена огромная армия, и изгнала она чужеземцев, и вернула королевству былую славу. Но сам рыцарь был смертельно ранен в решающей битве, и только поцелуй прекрасной принцессы вернул его к жизни. Жили они долго и счастливо и умерли в один день...

Мальчик закончил петь, шарманка смолкла. Ни один звук не нарушал воцарившейся тишины. Даже горящие поленья в каминах перестал потрескивать. По щеке графа скатилась слеза, вторую он незаметно стряхнул пальцами. Герольд, не в силах сдержаться, судорожно всхлипнул и спрятал лицо в ладони. Да и остальная свита графа смотрела на мальчика как зачарованная.

— Это прекрасно, великолепно, — прорыдал трактирщик из-за своей конторки, и молоденькая горничная за его спиной тоже больше не сдерживала слез и терла передником сразу покрасневшее личико.

Старик передал шарманку мальчику и встал:

— Благодарю вас, благородный граф, за прекрасный ужин, и вам, господа, большое

спасибо за компанию, но мы с моим юным спутником очень устали и хотим отдохнуть. Позвольте нам удалиться.

Граф встал, его свита тут же поднялась вслед за ним, провожая старика поклоном.

* * *

Мальчик в последний раз полил на ступни старика из большого глиняного кувшина и принялся тереть их холстиной, заменявшей полотенце.

— Спасибо, Овай, — сказал старик, — можешь идти отдыхать. Ты славно сегодня пел. И вообще, ты славный юноша, из тебя получится толк.

— Так вы верите, учитель, что я стану Доблестным Рыцарем?

— Обязательно станешь! Только свято соблюдай Устав и сам не забывай мыть ноги перед сном.

Старик опустился на перину, откинулся головой на подушку. Сон, такой долгожданный сон, пришел сразу. Но и во снах Маг Странствий был в дороге.

Старику приснился Феркас — холодная, промозглая, унылая северная страна. И ее король, болезненно худой человек с таким же унылым и покрытым трещинами морщин лицом, как и его, продуваемый всеми ветрами замок, словно зажатый в скалах. Король Феркаса сам приехал встречать мага на границу и сам

провел его по своим землям. Они были бедными и неухоженными. Почти пустые деревни с покосившимися хижинами, крытыми гнилой соломой. Голодные, оборванные, почерневшие от безвыходности крестьяне, пасущие грязных, тощих овец. И не менее голодные и оборванные, но бесконечно гордые дворяне, чьим единственным богатством были полуразвалившийся «замок», больше похожий на хлев, да громкое имя предков. И почти непроходимые леса, полные шаек гоблинского отребья и дикого зверя. И выкошенная чумой столица.

— Скажи, маг, — спросил король, когда они добрались до самого края королевства — к скалистому берегу Великого Северного моря, — с этой страной можно что-то сделать?

Маг не торопился отвечать, он думал. Думал и смотрел, как дракон, вдруг выросший прямо на глазах, взмахивает сильными крыльями и взлетает над морем, покрытым пенными бурунчиками.

Король махнул рукой. Четверо слуг поднесли и поставили на камни большой ящик. Король сам открыл его крышку. Золото тускло блеснуло в слабых лучах скудного солнца.

— Здесь все золото, что смогли собрать я и оставшиеся преданными мне дворяне. Многие из них снимали последние кольца с пальцев своих жен... Возьми все и спаси нас, маг.

Но маг смотрел не на золото, а на серые волны, разбивавшиеся о черные скалы белыми брызгами. Наконец он заговорил:

— Я видел твои леса, король, там много могучих дубов и стройных сосен. Но почему я не вижу торгового флота?

— Зачем нам торговый флот, если у нас нечем торговать?

— Разве? А вот, к примеру, шерсть. Я видел твои поля и луга, там много овец. Только почему они такие грязные? А твои крестьяне не пробовали их чесать?

— Пробовали... у нас даже поговорка такая есть: «С драной овцы сала не надерешь». Кто купит нашу шерсть?

— Я не говорил о продаже. Я говорил о парусах. Из шерсти можно наткать много парусов. У вас растет много конопли — из нее можно делать веревки. У вас есть золото, — маг указал на открытый сундук. — Не хватит — можно занять у гномов. Рабочих рук у тебя тоже хватает. Так стройте же корабли.

— Но зачем? Зачем торговые корабли, если у нас нечего продавать?

— Вот корабли и продавайте...

Что-то громко звякнуло, и старик проснулся. Немедленно схватился за посох, но опасности не увидел. С трудом сел на постели. Внизу опять звякнуло. Старик вдел ноги в смешные тапки с загнутыми носами и поднялся. Шаркая, подошел к двери, вышел

на лестницу. Отсюда увидел причину звуков. Мальчик стоял на табурете около полного рыцарского доспеха графа и пытался водрузить на место шлем с плюмажем из перьев птицы Рух. Видимо, примерял...

— Ты будешь достойным рыцарем, мой мальчик, — сказал старик еле слышно. — Ведь в твоих жилах течет кровь королей.

* * *

Истошно прокричал петух. За ним второй, третий.

— Вот уж никак не думал, что здесь есть петухи, — пробурчал старик, морщась от запаха. — Логичнее было бы ожидать, что восход солнца здесь будет встречен дружным свиным визгом.

Мальчик хихикнул и, приподняв кончик носа указательным пальцем, изобразил свиную рожицу.

— Прекрати кривляться, Овай! Лучше повтори урок.

Мальчик погрустнел.

— Ну же! — поторопил его старик и тут же вспомнил, что сам запретил мальчику «нукать», и смутился.

— Мир не един. Миров много, — наконец вспомнил мальчик.

— Хорошо, дальше.

— Каждый мир круглый. Если уплыть на запад, то вернешься с востока.

— Очень хорошо.

— Наш мир — центр вселенной.

— Так, а почему?

— Из нашего мира можно попасть в любой другой мир путем пор... пар... пыр...

— Порталов, — подсказал маг.

— Да, порталов. Поэтому наш мир называют Пограничным или Средиземным.

— Хорошо, будем считать — усвоил. Ты проверил, все ли собрано в дорогу?

— Конечно, мой господин! Все давно готово. Только внизу вас барон ждет.

— Какой барон?

— Известно какой, свинячий. Важный такой! Сами посмотрите! — Мальчик махнул рукой в сторону окна.

Старик выглянул. Действительно, у дверей харчевни, почтительно склонившись перед уже взобравшимся в седло графом, стояли несколько богато одетых горожан. Один из них в шитом золотом камзоле что-то быстро говорил, очень эмоционально жестикулируя. Граф заметил старика и приветливо помахал рукой:

— Господин маг! У барона Хата к вам огромная просьба. Сделайте одолжение, спуститесь вниз, ведь грешно отказывать славному спасителю нашего славного королевства.

Просьба барона оказалась вполне предсказуемой. Вот уже десять лет Свинья Сыть страдала от того, что обеспечивало ее процветание. От свиней, вернее, от свиного запаха. И напрасно говорят, что к запаху привыкаешь.

К такому привыкнуть нельзя! Все в самом городе и даже за его стенами пропахло едким запахом свиного дерьма.

— Думаю, магия здесь бессильна, — сказал старик, усаживаясь на телегу.

— Но почему?! — почти выкрикнул барон Хат. — Скажи, маг! Если мало трех тысяч золотых, скажи, и я удвою эту сумму. Проси сколько угодно, только избавь нас от этой вони.

Старик долго не отвечал, лишь поглаживал дракона по голове. После вчерашних целебных припарок и запеченного свиного окорока тот выглядел заметно бодрее. Мальчик последним вышел из дверей постоянного двора, аккуратно устроил шарманку под крыло дракону и сам уселся на телегу.

— Ройте канавы, — тихо сказал маг.

— Что? — не понял барон.

— Ройте канавы и спускайте дерьмо в реку, — пояснил старик. — Не поможет — стройте город выше по течению, а свиньи пусть останутся здесь. Человек не должен жить со свиньями, на то он и человек. А магия здесь бессильна.

Граф громко расхохотался и дал знак трогаться.

* * *

Где-то впереди громко протрубил рог. И словно эхом ему вдалеке отозвался другой.

— Слышите? Нас уже ждут, встречают, — сказал граф, подъезжая к телеге. — Вон на том

холме будет застава, а сразу за ним Пьюатар. Не приходилось прежде здесь бывать?

— Давно это было, — уклончиво сказал старик, рассматривая небольшой хутор у дороги. Ничего себе живут, зажиточно. Дом справный, крепкий, румяная хозяйка в чепце развешивает на просушку белье, пара коровок в стойле, овечки в овине, свинки в сарае похрюкивают. Вспомнив о свином духе в истошно воняющем городе, старик сморщился и даже пожалел барона Хата. Да, ты заслужил баронскую корону, никто не спорит. Так и становись бароном, живи как барон, будь бароном. Но ты же предпочел остаться свином, пусть и самым главным, но свином, и живешь среди свинарей. А где это видано, чтобы свинарь брезговал свиным запахом? Разве может даже очень сильная магия заставить свинью перестать быть свиньей, а запах свиного дерьма превратить в чудесный аромат?

Заставу охраняла дюжина лучников под командованием молодого безусого сержанта. Тот отсалютовал графу и тут же дал знак открыть ворота. Сразу за дубовыми воротами стояла большая запряженная карета с королевским гербом на золоченых дверях.

— Великий маг окажет честь и переседет в карету? — предложил граф Эммер.

— В карету? Зачем? — удивился Лонир.

— Вы забываете, что вас пригласил король как лучшего врачевателя. Не можете же вы въе-

хоть в город на телеге, как простой крестьянин? На вас же соберутся смотреть. А в этом сундуке вы найдете одежды, достойные вашего звания, ведь лучший врачеватель не может быть одет, простите, как оборванец.

— Условности, опять условности, — пробормотал маг, с кряхтением спускаясь с телеги. Но в карету послушно пересел. А вот переодеться не стал. Просто превратил свой драный плащ в серебряный, шитый звездами.

— Приехали! И как вам наша столица? — горделиво поллюбопытствовал спросил граф, указывая на город.

Отсюда, с вершины холма, город действительно выглядел впечатляюще: мощные крепостные стены, шпили башен и крытые черепицей крыши домов зажиточных горожан. Особенно впечатлял возвышающийся над городом замок с огромной сторожевой башней, иглой взметнувшейся в небо.

А ведь совсем недавно здесь никакого города не было, только замок, сторожащий дорогу в столицу. Впрочем, что значит — недавно? Ведь время — категория относительная.

— Я повидал немало славных селений и королевств, и Пьюатар — отнюдь не худшее из них, — совершенно искренне ответил маг. — По крайней мере, у вас поутру не выливают на улицу содержимое ночных ваз.

— Ха! Не худший... Вы еще такое увидите! Известно ли вам, что наш король славен гостеприимством?

— Да, Ваше Высочество, я заметил.

Граф нахмурился:

— Выходит, правда, что все маги прозорливы! И давно вы догадались?

Маг достал из кошелья большую золотую монету и показал, держа ее между большим и указательным пальцами. Монету украшал профиль бородатого мужчины — короля Навера.

— Особо гадать не было необходимости. Это из кошелья, что вы мне вручили. Я знал вашего отца в годы его молодости и хочу сказать, что вы очень на него похожи, принц.

— Тем лучше, как говорил древние — поднимем забрала, — ответил Эммер. — Отец очень плох. Он приказал привести вас к нему как можно быстрее. Готовы встретиться с Его Величеством немедленно или желаете передохнуть с дороги?

— Какой уж тут отдых...

Глава 4

Гадюшник с ароматом «Рокфор»

Богатство! Кто из нас не мечтал о богатстве?! Не о добытом трудами праведными в поту и с мозолями — по нашей жизни это больше из области ненаучной фантастики, а о внезапном, в одночасье свалившемся на голову? Все мечтают! Вы — нет? Ну да, бог вам судья и пачку лотерейных билетов в придачу.

Правда, богатство — понятие относительное. Вот наши местные олигархи из российской глубинки вроде все, что душа пожелает, имеют: счета в банках солидные, дома огромные, машины шикарные, блондинистых и длинноногих фотомоделей в качестве жен и любовниц. А ведь завидуют, ночами не спят от зависти к олигархам столичным. У которых счета с еще большим количеством нулей, дома больше, машины шикарнее, жены и любовницы еще блондинистей. Но и московскую элиту в свою очередь давит по ночам перепончатыми лапами здоровенная бородавчатая жаба, потому что хоть они все из себя крутые — а не видать им такой яхты, как у Абрамовича, и не купить им «Челси», хоть ты

тресни! И скажите, какое удовольствие им в таком случае с их богатств?

Да хрен с ними, с Абрамовичем и прочими олигархами! Вот знаю я одного бомжа — Викторыванычем зовут, спившийся преподаватель нашего меда. Его, как он на дно общества по причине перманентного запоя сполз, молодая жена из дому выгнала. Из его законной квартиры, между прочим. Так он и не возражал, сначала кружки в пивных собирал, там в подсобке и ночевал, а когда поперли и оттуда за скверный запах, переселился на горсвалку. И там, по его же словам, обрел полное счастье и душевную гармонию! Жил себе не тужил, собирал стеклотару и цветмет с помощью магнитика, с того и питался. И вообще, захотел — выпил, захотел — поспал на груде отбросов, они, когда гниют, теплые, книжки опять же на свалках очень даже классные встречаются, да и личности колоритные. Один — инженер по радиосвязи. Тоже бывший и тоже спившийся. Правда, немного сумасшедший, но с просветлениями. И во время одного из таких светлых моментов он из найденных на свалке деталей телик со спутниковой антенной собрал! И какой! Запросто Америку ловит! Но не о нем речь, а о внезапном богатстве. Так вот, подарил этот чокнутый радист нашему Викторыванычу найденный на свалке приемник во вполне рабочем состоянии. И передали по нему новость из разряда курьезов, что где-то, кто-то,

когда-то нашел в мусорном контейнере пластиковый пакет с миллионом долларов. И ведь не у нас сие произошло, в Пиндосии где-то, так потерял наш Викторываныч покой и крышей окончательно съехал. Теперь на каждую приехавшую на свалку машину первым бросается, как борзая на сохатого, пакеты с мусором бытовым в ключья рвет, миллион ищет. И все бормочет, прикидывает, на сколько лет ему миллиона хватит, если потреблять исключительно дешевые плодово-ягодные вина или спирт в пятилитровых бутылках. Так нет в пакетах миллиона. Все больше пищевые отходы, очистки картофельные, головки селедочные, кожа всяческая...

А что я, собственно, привязался к Викторыванычу? Сам-то лучше? Не о богатстве ли думал, когда поперся к этому магу за философским камнем? Вот он, растекается по ладони, светится. Красивый! Ну, давай, камушек, сделай меня богатым. Молчит камушек, не отвечает, мол, я помочь готов, но и ты подсуепись, сделай шаг навстречу...

Сейчас даже вспомнить смешно мои первые пути к богатству. И были они в сторону нашего ремзавода. С детства помню, как пацанами бегали мы на заводскую свалку, долбили старые аккумуляторы об кирпичи и на кострах выплавляли из их trebuхи свинец, который тут же превращали в кастеты и прочие зловещие

атрибуты пацановской житухи неблагополучной городской окраины.

Ага, разбежался! Свинец давно стал цветным металлом, старые аккумуляторы никто не выбрасывает, и на свалке я подвергся жесткой обструкции со стороны местных маргиналов. Они теперь там ворованные провода и кабели кувалдой плющат, чтобы в приемке взяли, просто провода нынче в приемных пунктах не берут. Пришлось тайком от братца лезть в гараж и раскурочить аккумулятор нашего старенького «ушастого», тем более он давно сел. Змеюки, разбуженные внеурочным вторжением, были недовольны, некоторые шипели. Конечно, сноровку по части добычи свинца из аккумуляторов я давно потерял, палец молотком отшиб, да еще кислотой на последние джинсы брызнул, но вожаделенный металл добыл.

Не буду пересказывать всю процедуру превращения свинца в золото. Ничего интересного я не заметил. Кладешь свинец в змеиную кровь вечером — кстати, крови в гюрзе оказалось гораздо меньше, чем казалось поначалу. Пришлось еще гадюку прибить. Чашка обязательно фарфоровая. Все по книге. Потом опускаешь туда философский камень. Как именно опускать — я сначала не понял, даже испугался немного, а вдруг эта штуковина навсегда к ладони прилипла, но он сам соскочил с ладони в чашку, едва я ее коснулся.

Сидели мы с братцем, смотрели, а ничего не происходило. Сначала братец зевать начал, потом и я на боковую улегся. Конечно, по уму следовало этот исторический момент запечатлеть на видеокамеру. Только где бы ее взять...

Не скажу, что спал я той ночью спокойно. Скорее наоборот. Снилось мне оно — богатство! Сначала пачки денег на нашем, застеленном выцветшей клеенкой кухонном столе. Почему-то доллары — сотенные купюры в плотных пачках. Но даже во сне я сообразил, что наша пятитысячная купюра почти в два раза дороже, чем стодолларовая, и деньги сменили цвет с зеленого на рыжеватый. Потом икра красная — целый таз. Даже и не знаю, зачем мне столько... Я вообще красную икру не очень люблю, лучше — черная. Впрочем, не помню, какая она на вкус. А еще снилось огромное блюдо с омарами. Если честно, я омаров в жизни не видел, даже по телевизору, но в моем сне на блюде были точно они, омары! Вот, собственно, и все. Какой я, оказывается, приземленный человек. Даже Кисе Воробьянинову из «12 стульев» и то больше по части вожделенных богатств привиделось, кажется, у него было что-то про Париж, дорогие оранжевые кальсоны и женские грудастые оркестры, а тут омары...

Утром я встал с кушетки, не обувая тапки, подошел к столу, взял пинцет и вынул из чашки четыре комочка желтого металла. Чего-то даже

не догадался свинец в формы разлить. Когда слил змеиную кровь — обнаружилось еще несколько, помельче. Капнул на них кислотой — не окислилось, не почернело, не рассыпалось в прах. Золото! Сбылась мечта идиота!

Я не вопил от восторга, не прыгал, не пукался в пляс. Я сидел за столом, шевеля большими пальцами озябших ног, и смотрел на золото. Вот он, вожделенный металл! И что с ним дальше делать? Как просто было в Средневековье или во время золотой лихорадки на Аляске — тогда его на вес брали. А теперь? Удивительно, но никакого четкого плана по превращению золота в реальные дензнаки у меня заранее заготовлено не было. Думал, будет золото, а там уж... Золото появилось, и что теперь?

Конечно, первая идея — отнести в скупку «Изумруд» на Театральной площади. Почему так называется — не знаю, изумрудов там не замечено, зато есть окошко с решеткой и вывеской над ним: «Принимаем золотой лом». Цены фиксированные, оплата на месте по паспорту. Очень там милая девушка сидит, я, когда последний екатерининский рубль из бастиной коллекции в скупку попер, чтобы нам с братцем с голодухи не сдохнуть, внимание на нее обратил. Такие глазки у нее синие...

«Изумруд» так «Изумруд». Я уж и куртку нацепил, и в кроссовки обулся, и тут меня мысль словно обухом по темечку. Вдруг вместо милой

девушки в зарешеченном окошке сидит здоровенная сисястая тетка, и спросит она громовым голосом: «Молодой человек, а откуда у вас столько золотого лома 999-й пробы?» Нет, по идее, задавать такие вопросы не должны, им же золото скупать выгодно... Ну, а вдруг как спросит? И мента с улицы позовет, а то и фээсбэшника. Золотовалютными операциями у нас, кажется, до сих пор ФСБ заведует? Вот отведет он меня в известное учреждение, усадит на привинченный к полу табурет, глянет усталыми серыми глазами и спросит... Почему-то мне кажется, что у всех фээсбэшников глаза усталые и обязательно серые. Так вот, спросит он: откуда золотишко? Что я ему отвечу? «Нашел на помойке»? Ну да, конечно, они там все такие доверчивые... Тогда правду расскажу: как с помощью старинной книги, украденной из библиотечного хранилища, попал в параллельный мир, где маги на каждом шагу. И у самого главного мага выменял на старую мобилу с фоткой восточной женщины философский камень. А затем, с помощью этого камня, превратил куски свинца из старого аккумулятора в самородное золото самой высшей пробы. Послушает меня добрый чекист, поймет, что помощь срочная мне нужна, и упечет в лечебное заведение с крепкими стенами и решетками на окнах. Надолго. Нет, лучше уж про помойку наврать...

Что же получается? На столе у меня горка золота самой высокой пробы, в животе от голода урчит, потому что безалаберный братец мой не отправился в продмаг, как было сказано, а отдал последние семейные деньги на какую-то «примочку» для компа. Даже сухарей нет. Что делать с драгметаллом?! Жрать реально хочется! Не удава же жарить...

Так, быстренько — мозговой штурм. Определимся, кому сегодня реально нужно золото, пусть и не совсем естественным путем добытое? То есть — без пробы. Кроме подпольных ювелиров, конечно. Но те, судя по фильмам, сплошь с бандитами общаются, а я что-то криминала побаиваюсь. Ну, думай, мозг, думай! О! Зубным техникам! Они из него коронки льют. Хотя нет. Сейчас все больше металлокерамику ставят — зубки белые получаются, как настоящие. А золотые фиксы остались только у жертв отечественной стоматологии — пенсионеров, бывших товароведов, у авторитетных уроков с зоны да еще у цыганок. Идея! Как я сразу не допер?! Цыгане! Идеальный вариант! Они и документов проверять не будут, и интересоваться происхождением металла не станут. Но... конечно, везде это проклятое «но». Честно говоря, и к цыганам идти я побаивался. Ведь ясно, что обманут. Что за цыганка, если не обманет? Делать, впрочем, было нечего, иных вариантов как-то не придумалось, и через час с

небольшим я был на Театральной площади у «Изумруда».

Найти цыган труда не составило. Они, как положено, в длинных цветастых юбках, обычно тусуются на Театралке около витрин уже упомянутого «Изумруда» и ко всем проходящим пристают с дежурной фразой: «Сдавать? Давай мне, хорошую цену дам». Менты их почему-то не трогают. Нет, один раз по телику показали, как цыганок запихивают в милицкий «уазик». И толку? Что ты им предъявишь? Незаконное предпринимательство? Ха-ха-ха. В тот же день ромалы шумною толпой прибыли к дверям РОВД с грудными дитятами на руках и подняли в дежурке такой вой и гам, что полицейские от них едва сами в обезьянник не спрятались. Цыганок отпустили, и следующим утром они были на своем «рабочем месте».

Но сегодня цыганка была одна. Зато какая! Цыганка знатная, все звали ее Маша (хотя на прочие женские имена тоже откликалась). Ходила Маша в мужской кожаной куртке с меховым воротником, смуглое лицо ее украшали шикарные гренадерские усы, а улыбка — сплошь червонная. Говорят, что по золотым делам Маша в таборе главная.

Самое обидное, что Маша, когда я подошел к «Изумруду», не стала приставать ко мне даже с дежурной фразой. Видимо, моя персона в линялых джинсах, простенькой куртке и видавших виды кроссовках в плане драгме-

таллов показалась ей совершенно бесперспективной. Цыганка равнодушно на меня глянула, отвернулась и тут же грудью заслонила дорогу тонюсенькой молоденькой девчушке в явно бутиковом прикиде: «Сдавать? Мнэ давай. Хорошую цену дам». Девчушка шарахнулась от цыганки, как от прокаженной, и чуть ли не бегом удалилась в сторону театра. Маша шмыгнула носом и широко зевнула, перекрестив рот. Потом смачно высморкалась в не совсем свежий платок и только потом соизволила обратить на меня внимание:

— Че у тэбя?

Я, робея, протянул ей желтый комочек. Цыганка внимательно глянула сначала на золото, потом на меня, снова на золото. Но в руки металл не взяла, а только тронула указательным пальцем:

— Настоящий? — О золоте она почему-то говорила в мужском роде. А может, у цыган так принято...

Я кивнул и вытащил из кармана пузырек с кислотой.

— Можно проверить.

Цыганка глянула на кислоту с уважением и кивнула в сторону подворотни. Там она внимательно смотрела, как пузырится кислота, не причиняя драгметаллу вреда, потом тщательно отерла золото платком и взяла в ладонь. Хотите верьте, хотите нет, но... усы у цыганки за-

шевелились, а глазищи... Я таких огромных антрацитовых зрачков в жизни не видел!

— Откуда? Откуда это у тебя?! — выдохнула цыганка.

— Ты что, из полиции? — ответил я заранее приготовленной фразой. Но Маша словно и не слышала, она мяла в пальцах мой золотой комочек, зачем-то теребя другой рукой здоровенную серьгу в ухе. Сравнивала, что ли?

— Хороший золото, — сказала цыганка, в финале попробовав золотой комочек на золотой же зуб. — Очень хороший. Чистый! Семьсот дам. *(Пауза.)* Тысячу. *(Пауза.)* За грамм. Семь грамм здесь. *(Пауза.)* Не спрашиваю, откуда взял.

Я мужественно молчал, пытаюсь прикинуть в уме, сколько мне дадут за «всю партию». И мысленно же ругал себя за то, что дома не догадался даже взвесить. Цыганка мое молчание восприняла, как отказ:

— Полторы тысячи дам. Никто больше не даст! Последнее слово!

Я кивнул. В руках цыганки немедленно и непонятно откуда появились аптекарские весы. Причем вместо гирек она использовала старые советские монеты, пятак и двушку. Такие раньше в телефонные аппараты бросали. Цыганка держала весы за колечко большим и указательным пальцами, чашечка с монетками чуть перевешивала. Ну и Маша! Глаз — алмаз, правда, почти семь грамм!

— Шесть и девять! Плачу за семь, — быстро сказала цыганка, весы из ее рук исчезли вместе с золотым комочком, зато появилась пачка тысячерублевых и пятисотенных купюр.

Я быстро пересчитал деньги. Все верно, без обмана. Можно уходить. Сегодня у нас с братцем — сытный ужин. Братцу — новые кроссовки, он так мечтает о настоящих «адиках». Мне — новые джинсы. Любые. Да и на ноги что-то, не в этом же позорище ходить. И долги по коммуналке закрыть, а то задолбали своими звонками из ЖЭУ. Телик плоский на стену. Нет, на телик явно не хватит.

— Будет еще, — вкрадчиво шептала цыганка, — приноси, все возьму.

— По полторы?

— По полторы!

Умом понимаю, что надо уходить, но рука предательски лезет в карман, сжимает тяжелые комочки, вызволяет их на свет. Цыганка ахает. Снова аптекарские весы. Уже никакой монетной мелочи. Блестящая гирька — сто грамм. И еще две — по пятьдесят. И еще несколько поменьше. Огромные зрачки глаз цыганки. Улыбка. Очень широкая. У Маши даже зубы мудрости золотые. Доверительный шепот: «Ай молодец, ай хороший товар. Не обману, не бойся, вот твой золото — держи. Не обману. Подожди! Много денег надо, столько нет с собой. Подожди! Не бойся — не обману. Сейчас позвоню — привезут. Не обману! Подожди!» Цыганка говорит по мобиле. Послушно жду. Верю.

Не обманет. Сколько жду — не помню. Время как-то странно движется. Как-то «тягуче». Маша прячет мобилу, берет меня за руку и в который раз уверяет, что не обманет. Усы-то как топорщатся! Интересно, она их брить не пробовала? Или выщипывать, как женщины, рейсфедером. Впрочем, говорят, у цыганок-колдуний вся сила в усах. В подворотню въезжает большая черная машина, хлопают двери. Цыгане. Двое. Бородатые и косматые, толстые золотые цепи на мощных шеях. О чем-то шепчутся с цыганкой, то и дело поглядывая на меня. А морды-то какие! Зарежут — не моргнут. Идут ко мне. Становится страшно! Но нет. Один берет золото, взвешивает на ладони, кивает другому. Шелестят купюры, рыжие «пятерки», цвета листьев опавшего клена. Много. Никогда так много денег в руках не держал. А теперь держу. И сижу. И в глазах двоится. Я почему-то сижу в такси. Заднее сиденье. Волга. Желтая, с пашечками на дверях. Откуда я знаю, что желтая, я же внутри? Как откуда? Я же в нее садился. Значит — видел. Эй! Стоп! Зачем такси? Я не заказывал. А кто платить будет?! На маршрутке можно, на маршрутке куда дешевле... Чай, не графья. Какая на хрен маршрутка?! У меня в кармане куча денег! Вот они шуршат. Усатая Маша о чем-то говорит с таксистом. Тот кивает, обращившись ко мне, что-то спрашивает. Громко. Почти кричит: «Куда едем, командир»?! Называю адрес. Голос — словно не мой. Еду.

* * *

Я — дома. Я лежу на кушетке одетый и в одной кроссовке. Сквозь дырку в носке виден большой палец. Чуть не сказал — указательный. Вот интересно, на руке у каждого пальца есть свое название, а на ноге? Есть большой, мизинчик тоже есть. А указательный? Есть на ноге указательный палец?

К кушетке прислонена здоровая коробка. Телевизор? «Филипс»! 105 см в диагонали! То, о чем мечтал. Откуда? Сую руку в карман куртки — деньги. На ощупь понимаю, что деньги. Вынимаю — смотрю. Много пятидесятых купюр. Ага, цыганка Маша. Помню, допустим. А телевизор откуда? Братец объявился на пороге комнаты. Вид обеспокоенный, сует мне под нос пузырек. Нашатырь?! Какого хрена?! Хочу братца послать, но язык не слушается. Спать, очень хочется спать. С какой стати? День на дворе. Или вечер? Почему вечер? Ладно, завтра разберусь. Слышь, братец, да шел бы ты со своим нашатырем...

Утро, кукушка выскакивает из своего окошка и старательно объявляет восемь часов. Просыпаюсь, рука судорожно лезет в карман. Нет кармана. Я вполне раздет и сплю на кровати в своей комнате под одеялом. А золото, цыганка, деньги?! Привиделось? Приснилось? Вскакиваю, босиком спускаюсь вниз, бегу в прихожку к вешалке, сую руку в правый кар-

ман куртки. Пусто, только пузырек с кислотой. Так и есть — привиделось.

Возвращаюсь в комнату, сажусь на кушетку, тупо пялюсь на коробку с телевизором. Опять телевизор. Тянусь рукой на столик за сигаретами, рука натывается на пачку денег. Еще не вижу, что это деньги, но на ощупь определяю. Решаюсь посмотреть. Денег много, кажется, я продал цыганке двести грамм золота. Даже больше. По полторы тысячи за грамм. Триста тысяч, перетянутые аптекарской резинкой. Огромные деньги! Хотя и в рублях. Не привык я к такому.

Братец явился, морда заспанная, глаза трет. В трусах, но на ногах кроссовки. Новые, белые, кожаные, как мечтал. Морда аж светится. Откуда обновка? Кто привез? Я?!

Осторожно интересуюсь событиями вчерашнего дня. Братец охотно восполняет пробелы в моей памяти. Я ввалился вчера в новых штанах и в сопровождении таксиста, который волок коробку с телевизором. Таксист очень похожий на цыгана, поставил коробку, еще раз сходил к машине и принес несколько пакетов. Я пытался дать ему тыщу, он от денег отказался, сказал, что «уплочено». Таксист, да еще цыган, отказывается от денег? Да-аааа...

Братец сияет и в очередной раз пересчитывает деньги. А я опять пытаюсь вспомнить вчерашнее и... не могу. Последнее, что осталось в памяти: Маша стоит около такси, что-то бор-

мочет в мобилу по-цыгански, потом поворачивается ко мне: «Будет такое золото — приноси». Машина трогается, еду... Дальше, без всякого перехода — я на кушетке. Но ведь получается, что после общения с Машей я заезжал в наш гипермаг, где купил себе новые штаны (а ведь их обычно примеряют), братцу кроссовки (размер сорок три с половиной), три пакета дорогой жвачки и вот этот «Филлипс». И кассовый чек есть — в одном из пакетов между нарезкой дорогой копченой колбасы и банкой красной икры. Ну вот, сон в руку...

Пытаюсь разобраться. Что со мной сделала эта цыганка? Я ничего не ел, не пил, значит, наркотическое опьянение исключаем. Гипноз? Возможно. Про цыган разное говорят. Но если Маша меня загипнотизировала, то почему не обманула? И эти двое косматых, могли бы просто отнять золото и не платить, чего бы я сделал? Но ведь заплатили! Или деньги фальшивые? Ну да, «кукту» подсунули! Мысль словно обжигает, хватаю со стола пачку, выуживаю из нее купюру, смотрю на свет и тут же успокаиваюсь — кассовый чек в пакете означает, что в магазине деньги взяли, а там машинки такие — враз фальшивку определяют.

Братец в это время деловито распаковал телик, привинтил опору, водрузил на место нашего старого «Рубина», подключил антенну, запустил настройку каналов, и пока она будет

идти, решил разгрести барахло со столика и устроить завтрак перед новым телевизором.

Когда же он принес поднос с уложенными на нем деликатесами, я оказался сражен окончательно. Неужели я все это вчера купил?! Ну я и гурман! Откусываю от бутерброда, икринки смешно лопаются на языке. Вкусно. Колбаска тоже радует вкусовые сосочки. Рыбка красная, тонюсенькие ломтики просвечиваются, сочатся жиром и дразня ароматом. Братец чавкает, счастливо лыбится и трещит с набитым ртом, не переставая. Улавливаю лишь отдельные слова «память», «оперативка», «процессор», по которым понимаю: речь идет о каком-то новом компе с офигенными возможностями.

Советую братцу заткнуться. Смотрю на свою ладонь, камешек едва виден, подмигивает уже голубым. Смотрю на экран телевизора. Он уже настроился, вот первый канал, с утра детские мультики гоняют. Самодовольная ворона сидит на суку с огромным куском голландского сыра в клюве — собирается завтракать. Но тут лиса бежала. Красивая, с белой грудкой. «Лисица чует сыр, лисицу сыр пленил». Беру пульт, еще в целлофане, переключаю. Канал «Россия», репортаж с места событий. Где-то под Вологдой запущен в строй новый молочный комбинат. На бесконечных полках огромные круги сыров, на фоне которых диктор сообщает, что по качеству вологодский сыр будет не хуже знаменитых французских

сортов! Снова тыкаю пальцем в пульт. Наугад. Канал «Дискавери». На экране наивная мышка нюхает воздух около мышеловки. Унюхивает! Лезет в клетку, хватается лапками кусочек сыра, тянет на себя. Срабатывает пружина, дверца захлопывается. Мышка в ауте, глазки-бусинки того и гляди выпрыгнут наружу, на морде словно написано: «И как это меня угораздило»? Интересно, мыши, пойманные в мышеловку, съедают приманку или погибают голодными? Я лично съел бы...

Смотрю на стол, рядом с пачкой денег — на тарелочке аккуратно нарезанный братцем сыр с зеленоватой плесенью. «Рокфор». Как это меня угораздило с плесенью купить? Наверняка гадость какая-то. Но люди ведь едят. Пробую. Вкусно.

Итак, сыр в наличии, осталось выяснить размер мышеловки.

Глава 5

Королевские хвори

Стражник поставил шарманку на стол, поклонился и вышел, закрыв за собой дверь. Старик осмотрел комнату. Да, Его Величество не поскупился, распорядился выделить для долгожданного гостя лучшие покои. Не иначе как королевского библиотекаря потеснили. Ничего, перебьется пока. А спальня-то, спальня! Ковры и гобелены по стенам, большая кровать с шелковым балдахином, пуховая перина, пухлые подушки числом не меньше дюжины, толстое атласное одеяло, шитое золотом...

Старик не удержался и потрогал рукой ложе. Одеяло, однако, тоже на пуху. Видно, прослышал добродетельный король Навер Сильный, что Маг Странствий Лонир в редкие дни отдыха неравнодушен к мягкому, теплomu ложу, как и к прочему комфорту — постарался угодить. Рядом с кроватью умывальник из драгоценного фарфора из южных земель, и под ним — ночная ваза с трогательным васильком на крышке. Тут же туфли со смешными загнутыми носами. Прямо-таки домашний уют в стеганом халате и мягких тапочках на фоне ковров и гобеленов.

Неплох и кабинет. Вдоль стен, почти до потолка — стеллажи с книгами. Старик подошел к одному, провел ладонью по тисненым корешкам фолиантов, прочел некоторые названия. Да, хороша библиотека у короля Навера и стоит огромных денег. Но, стоит признать, подобрана совершенно бессистемно — жуткий лодырь этот королевский библиотекарь! Или неуч. Научный трактат о недрах на древнем гномьем языке соседствует с бездарным рыцарским романом, а к великолепному альбому «Тайны древ» с эльфийским эпосом прижался сборник балаганных комедий со срамной картинкой на обложке. И судя по загнутым концам страниц и многочисленным следам сальных пальцев на последнем, комедии здесь читали гораздо чаще, нежели эльфийский эпос. А может, просто смотрели пикантные картинки. Что ж, каждому свое. Старик наткнулся на страницу с совсем уж неприличной гравюрой, где две обнаженные селянки совращают своими прелестями степенного священнослужителя-друида. Кхекнул смущенно, положил книжку обратно на полку. Впрочем, кое-какая система имеет место быть. Вот целый отдельно стоящий книжный шкаф: романы, романы и снова романы. Путешествия, походы, плаванья, дальние страны, открытые острова, подвиги. Большинство с картинками — много-много невиданных чудовищ. Драконы, циклопы, гидры...

И все сплошь — огромные! Человечки рядом с ними — что твои муравьи.

В центре кабинета большой дубовый стол с ножками в виде львиных лап. На столе два тяжелых подсвечника, бронзовый письменный прибор на тему рыцарского турнира с мечами и щитами в гербах, несколько чистых свитков хорошего качества и много-много гусиных перьев. «Перья — это хорошо, перья нам пригодятся», — сказал старик вслух, взял одно и попробовал кончик пальцем. Качество заточки оставляет желать лучшего, но не беда, с перьями-то он справится. Плохо заточенные перья — это вам не сквозняки. Кстати, а как здесь со сквозняками?

Судя по ровному пламени свечи, со сквозняками все в порядке — сквозняков нет. Даже из камина не дует. А камин хорош — отделан мрамором, с ажурной кованой решеткой и, видимо, растоплен с утра — от мрамора исходит приятное тепло. Старик уселся в кресло перед камином, с удовольствием откинулся на мягкую спинку, вытянул ноги к огню. Даже глаза прикрыл от удовольствия. Кто бы знал, как это упоительно прекрасно — после долгой, трудной дороги дать покой усталым ногам! И кто бы знал, как ненавидит порой Маг Странствий эти самые странствия.

За дверью сначала звякнуло, потом в нее робко поскреблись. Ну, кто там еще? Старик с явным неудовольствием открыл глаза, встал,

подошел к столу. Громко сказал: «Войдите». Долговязый стражник в кирасе и блестящей каске излишне поспешно вошел в комнату. Звякнул алебардой, словно не зная, как ее употребить. По лицу видно — сильно удивлен, даже ошарашен, то и дело оглядывается. Ну да, конечно, ему есть чему удивляться, видно, давненько в этих краях не видели драконов. Пусть даже таких маленьких.

Мышат не без труда протиснулся в узкий дверной проем, чуть подвинув боком стражника, вышел на середину комнаты. С интересом глянул в сторону камина, цокая когтями, подошел к нему вплотную, почесался гребнем о каминную решетку и улегся, заняв почти весь угол.

Стражник, наконец, обрел дар речи:

— Господин маг, здесь к вам этот... Я не пускал, а он... Приказано не было... Прикажете гнать?

Стражник лицом обозначил решимость, взял свое оружие наперевес, направив острие на дракона. Мышат скосил на охранника глаз и презрительно отвернулся. Стражник неуверенно глянул на мага, но тут же решился, грозно зашевелил усами и шагнул к дракону.

— Не стоит, уважаемый, — остановил его маг жестом руки. — Этот дракон — мой друг, он приболел, и ему полезно полежать в тепле у огня. У меня же к вам просьба... Я жду гонца из одной дальней страны. Не будете ли вы

любезны предупредить стражников у ворот, чтобы те сообщили гонцу, где он может меня найти. Я хотел бы встретиться с ним без промедления.

Стражник сразу успокоился, отсалютовал с достоинством свободной от алебарды рукой и удалился. Громко хлопнула дверь, старик подошел к дракону, почесал за ушком, усмехнулся:

— Видал выправку этого доблестного во-яки? А усы-то у него как топорщились! Одних усов испугаешься.

Дракон открыл глаза и смешно сморщился, всем видом показывая, что кого-кого, а уж его никакими усами не испугаешь. И тут же снова уронил голову на лапы, высунув язык, как обычная собака. Видно было, что подъем по узкой дворцовой лестнице дался ему нелегко.

— Да, Мышат, мы стареем, и ничего с этим не поделать, — сказал старик. — Ну ничего, лежи, лежи, грейся.

Старик вздохнул, подошел к сводчатому окну, отодвинул шитую золотом штору, глянул на площадь. Ну вот, и тут то же самое: грязища, лужи и главное украшение — виселица. А ведь это столица Атара — не самого последнего королевства Средиземья. Благо, торговля процветает: вон сколько лавок и какая вокруг них толпа. Значит, есть что продавать, есть чем платить.

Старик взял с полки «Тайны древ», уселся в кресло и, почесывая дракону левое ухо, при-

нялся читать. Увлекся и не сразу услышал осторожный стук в дверь.

Посыльный от Его Величества. Король пришел в чувство и просит мага немедленно прибыть.

* * *

В королевской спальне царил полумрак, только языки пламени в камине и большая свеча в изголовье огромного ложа давали свет. Жарко и даже душно. Воздух спертый, все пропахло какими-то лекарскими каплями.

Король с закрытыми глазами в кровати под бархатным балдахинном. Да, совсем не узнавал маг в этой высохшей мумии с восковой кожей, обтягивающей череп, весельчака и жизнелюба, которым всегда был король Навер. Если бы не частое, почти судорожное дыхание, могло показаться, что король мертв. Пожалуй, только борода оставалась такой же густой и рыжей.

Около больного тихо дремлет на низкой скамеечке человек в черном плаще с серебряными звездами. Заслышав шаги и скрип дверей, он проснулся и сделал вид, что читает какой-то манускрипт. Отложив свиток, встал и небрежно кивнул. Но, разглядев вошедших, узнав принца, склонился в поклоне чуть ли не до самого пола.

— Ваше Высочество... К счастью, с утра без изменений. А ночью бредил. Воевал с кем-то.

Потел сильно. А с утра лучше. Даже поспал. Не ел, а ему надо...

— Не мне, ему говори, — указал принц пальцем на мага. — Он теперь тут главный.

— Приветствую тебя, о великий маг, — зачастил королевский лекарь, словно боясь, что его прервут. — Ты как раз вовремя. Всех моих знаний, всего моего опыта уже не хватает, чтобы помочь моему королю. Недуг короля — болотная лихорадка — буквально пожирает Его Величество изнутри...

Старик отодвинул рукой лекаря и сел прямо на кровать. Осторожно взял руку больного за запястье, послушал пульс. Потом положил ладонь на лоб короля. Нахмурился.

— Господин Лонир, я дал больному настой из корня барбасы и дракобоя, думаю, что это собьет жар.

Словно услышав имя мага, король открыл глаза.

— Ты пришел, маг, — сказал он слабым голосом, — а я думал, что уже не дождусь. Спасибо. Эмм, сын мой, надеюсь, нашему дорогому магу отвели лучшие покои? Распорядись, чтобы самые лучшие. Иди, иди, и... пусть нас оставят одних.

Лекарь поднялся, намереваясь вслед за принцем выйти из королевских поков.

— Подождите, — остановил его маг. — Перед тем как уйти, прикажите снять занавеси с

окон, и вообще, откройте их. Здесь темно, как в преисподней, и нечем дышать!

Наконец они остались одни.

— Ваше Величество, — начал было маг, но король слабым движением руки остановил его. Заговорил сам, хотя видно было, что говорить ему тяжело:

— У меня не так много осталось времени, чтобы тратить его на пустые церемонии. Ты хочешь спросить, зачем король Навер посылал десятки гонцов во все стороны обитаемого мира, чтобы они нашли Мага Странствий Лонира и убедили его явиться в свой замок? Отнюдь не для того, чтобы вместе предаться воспоминаниям о годах моей молодости. Хотя вспомнить есть что. Но... к дьяволу воспоминания! Жизнь, старик, жизнь!!! Вот что хочет просить у тебя бедный Навер. Что может просить еще вчера всемогущий король, а сегодня развалина, не умеющая самостоятельно сходить по нужде? Великий король просит у тебя продления своей уходящей жизни. Сколько сможешь: на год, месяц, неделю, день. Я любому буду рад.

Больной закашлялся, засипел, маг заметил, как слеза скользнула по его желтой, словно восковой коже на щеке. Что ж, все приличия соблюдены, если нет нужды в церемониях, приступим к осмотру.

Король Навер покорно позволил магу взглянуть себе в зрачки, послушать грудь через

деревянную трубочку, открывал рот и показывал язык. Даже дал пощупать печень. Маг хмурился все больше и больше. Он не узнавал этого недуга.

— Что скажешь, старик? — король зашелся в долгом кашле и только потом продолжил: — Твое молчание меня даже радует. Те маги и колдуньи, которые брались меня лечить раньше, сразу начинали болтать что-то про жизненные соки, разлитие желчи, борьбу внутренних стихий. Они пичкали меня такой мерзкой дрянью, что тошно вспомнить. Один лечил холодом, другой чуть не изжарил заживо, третья заставляла глотать пиявок, чтобы они высосали дурную кровь изнутри. Представляешь? И я послушно мерз, потел, глотал. Лечили по-разному, а итог один — мне все хуже и хуже. Я умираю, маг. Слабое утешение, что все эти шарлатаны сдохнут в тот же день, когда я сделаю последний вздох. Они сейчас в башне, и если ночью услышишь оттуда истошные вопли — не особо пугайся, ха-ха-ха.

Король снова закашлял, в уголках рта показалась пена.

Маг встал и поклонился:

— Ваше Величество, разрешите мне поговорить с магами, лечившими вас?

— Зачем тебе это? Впрочем, делай как знаешь...

* * *

Сто девяносто девять ступенек. Не двести, а именно сто девяносто девять вверх по крутой спиральной лестнице сторожевой башни. Наверняка эту лестницу строил палач, такой же, как тот, что открыл внизу дверь, подумал маг, в который раз останавливаясь, чтобы перевести дух. Отвратительная орковская рожа со шрамом наискосок и золотым кольцом в носу. Да еще не упустил случая поиздеваться: «Подниматься, конечно, высокогато, но господин маг, наверное, может и по воздуху...»

Почему они все думают, что все так просто? Вот захотел и взлетел! Пришла блажь, и превратил медный котел в золотой. «Ну, господин маг, что вам стоит? Мне к турниру обязательно нужны новые латы». А уж устроить по заказу дождь или попутный ветер... «Господин маг, мы с женой решили сегодня совершить морскую прогулку, не будете ли так любезны сделать, чтобы с утра ветер дул в сторону моря, а после обеда, наоборот, к берегу? Ну что вам стоит?» Действительно, что? Они, конечно, не знают, как болят ноги ночами у Магов Странствий, как сводит икры судорогой, как ломит колени. И как мечтает маг хоть недельку посидеть на одном месте, полежать в мягкой постели и забыть про дороги: пыльные и разбитые, дальние и опасные, дороги, которые во время дождей превращающиеся в труднопроходимые лужи, а зимой и вовсе не-

проходимые. Но... без дороги нет счастья Магу Странствий, без дороги теряет маг свою магическую силу.

Лонир снова остановился, прислонился к стене и с тоской посмотрел вверх.

Сколько же их, этих проклятых ступеней, осталось из ста девяноста девяти? Или вот взять Магов Огненных стихий. Не выковать хорошего меча без огненного мага, сколько ни старайся. Честь и хвала великому магу, с закланием которого при закалке меч приобретает невероятную гибкость и никогда не тупится. Но посмотрите на морды этих кузнецов, когда они платят магам за заклятия. Словно нищим подают... А видели бы они, как корчатся ночами огненные маги от нестерпимого, адского жара в груди, или как бросаются они в костер, разоженный на городской площади для ведьмы, потому что вдруг страшный мороз стискивает их сердца безжалостной ледяной лапой. А как воют Маги Воздушных стихий, когда чувствуют, как силы покинули их. Как бьются о землю, не в силах вызвать хоть слабого ветерка, и взбираются они на горные вершины, чтобы ветры вернули им силы. Или Маги Недр... сколько их живьем погребли себя в каменных шахтах. А сколько водяных магов бросались со скал в белые брызги океана!

Лучше умереть, чем оставаться бессильным магом.

Уф-фф... Неужели эти проклятые ступеньки закончились? Но дошел, поднялся... В сумраке Лонир не сразу разглядел охранника, очень похожего на того, который был внизу, тоже с кольцом в носу, но без шрама. Орк равнодушно глянул на свиток с королевской печатью и загремел ключами. Пять магов и две колдуньи в одной продуваемой ветрами камере с протекающей крышей. Вернее, живых магов уже четыре, один как-то умудрился удавиться на оконной решетке.

Из двух колдуний одна оказалась ведьмой, вторая — просто сумасшедшей. Сумасшедшую Лонир приказал просто выгнать из города. Ведьму — тоже, ее еще предварительно высекли вместе с одним из магов, оказавшимся жуликом и шарлатаном. Зато консилиум с тремя оставшимися магами оказался весьма продуктивен. Правда, первая часть научного совета была несколько смазана громким чавканьем — кормят заключенных в местных тюрьмах не самым лучшим образом, и принесенные магом яства мигом были съедены. В ходе последующего диспута выяснилось, что король Навер точно не болен белой лихорадкой, падучей, воспалением желчного пузыря, сужением сосудов, черной оспой, чумой, холерой и еще сотней известных болезней. Методом исключения оставалась болезнь королей — черный сглаз.

* * *

После настойки, которую Лонир прислал накануне, больному стало заметно легче, глаза короля, вчера мутные и почти безжизненные, сегодня приобрели живой блеск. Утром слуги омыли короля в ванне с розовым маслом и переодели в свежую рубашку.

— Он поел! Поел! Сам попросил куриного бульону! — не скрывал своей радости королевский лекарь, брызгая Лониру в ухо слюной. — Ты великий маг! Я буду рассказывать своим внукам, что имел честь говорить с тобой, стоять рядом...

Лонир посмотрел в глаза лекарю. Надо же! Не врет! Хорошие глаза у этого лекаря, «открытые». Вся жизнь как на ладони. Помогал своему отцу лечить короля, когда тот был еще принцем. Даже краснуху от него подхватил и втайне очень этим гордился. Прочитал много старых книг, пробовал учиться у магов, но без особых успехов. Унаследовав должность отца, сам стал хорошим лекарем: вывих вправить умел, рану зашить, зубную боль унять. Когда король в одном из походов подхватил болотную лихорадку — ночами не спал, сбивая больному жар. И каждое зелье, каждое снадобье, перед тем как дать королю, пробовал на себе. Добрый человек, беспредельно преданный своему хозяину. А что в магии слаб, так не всем быть магами...

— Ты все подготовил, что я велел? — попытался вклинить в нескончаемый монолог лекаря Лонир.

— Все, все, все, как вы велели! — замахал руками лекарь. — Достали даже мандрагору, вот корень, вот настойка. Все по твоему списку, великий маг! Даже красный перец и молотый зуб дракона! Купец клялся, что это — молочный зуб, и запросил такую цену, что...

Лонир уже не слушал лекаря.

— Тогда начнем, пожалуй, — сказал маг и кивнул начальнику стражи, стоявшему у дверей. Тот открыл двери, и в спальню вошел принц Эммер в сопровождении трех магов. Королевский лекарь близоруко прищурился и, узнав вошедших, хотел что-то сказать принцу, возмутиться, но встретился взглядом с Лониром и промолчал.

Лонир указал, куда встать магам, вытряхнул содержимое своей сумы на стол и быстро стал перебирать артефакты.

— Что это? — пролепетал лекарь, опасно поглядывая на гору магических штучек. И вздрогнул, когда некоторые из них стали шевелиться, светиться и даже попискивать.

— Соль, — ответил Лонир, прикрикнул на артефакты, после чего движение, свечение и писк немедленно прекратились, и вложил в руку лекаря флакон с душистой солью. — Если кто-то из нас лишится чувств, дашь понюхать. И сам не стесняйся, если голова кругом пойдет.

Его Величество отнесся к приготовлениям вполне спокойно, беспокойства не проявлял, лишь когда маги по очереди нарисовали на его лбу каждый по знаку стихий — несколько поморщился. Едва Лонир наклонился к королю, чтобы предупредить о начале церемонии, тот вдруг схватил его за запястье. Маг даже подивился, как крепка оказалась хватка у этого полутрупа.

— Послушай, маг, — громким шепотом зашипел король. — Обещай мне... Если на жизнь надежды больше не будет, пообещай мне... один день... Только один день... Я хочу... Через неделю моя армия выходит в поход на помощь южным баронам. Я хочу возглавить поход. Проехать на боевом коне по улицам... Чтобы ревели трубы и гремели барабаны, чтобы народ видел своего короля сильным. Я хочу провести свою армию хотя бы до заставы, а потом... Я готов к смерти. Но один день... Маг, сделай это и бери все, что хочешь. Слово короля!

Лонир взглянул на принца Эммера, тот неожиданно побледнел и только кивнул.

— Я попробую, — сказал маг, дал знак, стражник вышел и крепко затворил двери.

Глава 6

Гадюшник. Осторожно — змеи!

Я вышел из банка, вытащил из кармана карточку и украдкой ее рассмотрел. Золотая! Именная! С моим тисненным именем! Я теперь не только богач, но и обладатель счета в банке!

Надо сказать, что сегодня в банке меня встретили не так, как в прошлый раз, когда я приходил выпрашивать хоть небольшой кредит. Совсем не так! У этих банковских чутье, что ли, на людей? С кого можно содрать, а с кого нет. Нет, в прошлый раз со мной тоже очень вежливо общался молодой человек с бейджиком на лацкане черного пиджака. Вежливо до тех пор, пока не убедился, что дом закладывать под кредит на совершенно людоедских условиях я не намерен. Охота была остаться с братцем на улице! После чего потерял ко мне интерес и пообещал, что обязательно со мной свяжется. Как же, разбежался.

Теперь — совсем другое дело. Теперь мне мигом оформили вклад и дали взамен солидной пачки денег вот этот кусок золоченого пластика. Девушка, которая занималась оформлением бумаг, была очень вежлива и

внимательна. И смотрела на меня, можно сказать, с интересом, даже визиточку свою дала. Интересно, как бы она посмотрела и что дала, если бы я открыл счет не на 300 тысяч, а, допустим, «лимона» на три? Или на все тридцать?! Ладно, время покажет, а карточка пока пусть полежит в кармане. Лишь бы код не забыть. Да разве забудешь тот день, когда мама пропала...

А пока в кармане у меня шуршали семь тысяч рублей, еды домой я уже закупил, за ЖКХ заплатил и даже девчонкам в больничке представился шампанским и шоколадками. Соврал, что получил небольшое наследство. Побывал и в скупке цветмета. Дал заказ на свинец. Скупщик, похожий на артиста Ливанова, заказу подивился, но задаток взял. Обещал к завтраму что-нибудь придумать. Ну что, домой?

Домой я доехал на маршрутке. За 10 рублей. Стоя, согнувшись в три погибели. А в кармане семь тысяч, и на карточке — триста. Привычка...

* * *

Входная дверь была почему-то не заперта. И свет в коридоре горит. На кухне — тоже. У вешалки куча разного барахла — бахилы, старая ушанка, ОЗК, открытый ящик для зимней рыбалки. Батин. Перевернут и вытряхнут. Не иначе как с антресолей все скинули. Кто?!

Братец сидит в комнате на кушетке и вяло перебирает стопку компьютерных дисков.

На полу тоже диски, валяются в беспорядке, кто-то его любимую полку распотрошил. На ногах у брата почему-то болотные сапоги. Глянул на меня и ничего не сказал. Я осмотрелся — говорить было нечего. У нас кража со взломом. Вернее, без взлома. Потому что дверной замок точно был цел. Но вот все остальное носит явные следы квартирной кражи. Вещи разбросаны, постельное белье перевернуто, книжки с полок и стеллажей скинуты, все и вся кувырком. «Был на квартиру налет? К нам приходил бегемот?» Интересно, что украли? Новый телик, по крайней мере, на месте.

Подхожу к стеллажу и начинаю подбирать книги. Грабители не поленились и скинули на пол всю библиотеку! Вытаскиваю из кучи фолиантов «череп Йорика». Держу его на ладони, говорю, какой он бедный. Братец хмыкает, ставлю череп на полку. Подхожу к столу, стекло хрустит под подошвами — вся лабораторная посуда безжалостно сброшена на пол. Пузырек с кислотой разбился — пол прожгло. Ящики от стола валяются перевернутые. Горшок с геранью под подоконником разбитый, земля вокруг разбросана. Интересно, чего искали-то? А в спальне как? Иду к двери, но братец меня останавливает:

— Осторожней! Змеи.

— Что — змеи? — спрашиваю.

— Змеи там ползают. И на кухне тоже. Они замок в гараже сломали и клетки открыли. Змеюки на тепло приползли.

Соображаю, что «они» — это неведомые нам грабители. Спрашиваю:

— Что-нибудь пропало?

Братец пожимает плечами:

— В коробке три тысячи с мелочью лежали. Ну, ты мне вчера дал. Не взяли. Телик цел. Жратву в холодильнике тоже не тронули. А больше у нас и брать нечего.

Мысленно соглашаюсь с братцем. Матценностей в этом доме давно нет. До вчерашнего дня не было. Но ведь что-то искали. Причем очень тщательно. Под подоконником чем-то железным ковыряли. Тайник искали? На стенах в некоторых местах следы от ударов чем-то тупым. Простукивали? И змеи... В спальню-то к змеям зачем полезли? Лови теперь этих гадов ползучих.

Иду в прихожку, благо, лезть на антресоли не нужно. Вот они — бахилы, в них мне никакие змеиные клыки не страшны. Тут же плотный мешок и специальная палка с петлей на конце — змеюк отлавливать. Братец к моему призыву ловить змей относится без особого энтузиазма, но все-таки с кушетки поднимается и мешок берет.

Лимонного питона и двух кобр мы поймали в спальне: Сарочка спокойно спала прямо на подушке, «одноглазый» Мойша прятался за шкафом, увидев меня, раскрыл капюшон и зашипел. Ничего, братан, посидишь в мешке — успокоишься. На кухне под столом обнаружи-

лась гремучка Маруся, а ужик Вася пригрелся под батареей.

Иду инспектировать гараж. Здесь действовали не так аккуратно, как с входной дверью: навесной замок с петель сорван (не иначе как гвоздодером действовали), а врезной кодовый открыть не смогли — просто проломили косяк. Говорили же бате, в гараж железную дверь ставить нужно.

И все-таки, что за отважные личности покусились на наш гадюшник? Кому в голову взбрело лезть к этим ядовитым тварям? К счастью, большинство змей так и остались в своих клетках, на побег решились всего несколько гадин. Ставлю две перевернутые клетки на свои места, грустно констатирую, что стекло большого аквариума у анаконды придется заменить. Пока заклеиваю трещину прозрачным скотчем. Водворяю беглянок на место и провожу переключку, сверяясь по списку. Все на месте, слава богу, а то спать с опасениями, что ночью под твой теплый бочок заползет что-то скользкое, холодное и ядовитое — нет уж, увольте...

Дома братец уже собрал свои драгоценные диски, уложил их в кластер и теперь расставляет книжки по полкам. Сажусь на кушетку, закуриваю. Нажимаю кнопку на пульте. Новости. Тупо наблюдая, как хорошо живет наша новая Россия и как рады люди повышению стоимости услуг ЖКХ, спрашиваю:

— В полицию звонил?

Братец крутит в руках толстый том в черной обложке:

— Не-а. А че, надо было?

— Не знаю.

Я и вправду не знал, что теперь делать. Ну позвоню я в полицию, скажу, что нас ограбили. Спросят, что украли? Что отвечать? Ничего не взяли, только все перевернули. И замки сломали. Невелика утрата. Или сходить к участковому? Филиппыч — мужик классный, подскажет. И еще одна мысль меня тревожила: не связан ли данный инцидент с цыганами?

В этот момент зазвонил телефон.

Это обычно в детективах телефон звонит в самый нужный момент. И зловещий голос делает страшное предложение: «Если не принесете выкуп, получите вашу девочку по частям. Сначала ухо, потом палец...»

Голос, раздавшийся в трубке, менее всего был зловещим. Скорее, смешным.

— Миша? — спросило из трубки. — Миша, ты зачем так сдэлал?

— Что сделал? — оторопел я.

— Телевизор смотришь? Мэстный канал включи, да?

Я схватил пульт и нажал девятку. Шла хроника происшествий — местный аналог энтэвэшного «ЧП». Ведущая, явно считающая себя телезвездой, бойко сообщает, что в больницу «Скорой медицинской помощи» доставлены

два молодых человека с довольно редким диагнозом — укус ядовитой змеи. И тут же камера показывает укушенных: два чернявых хлопца характерной внешности. С испугом смотрят на медсестру, набирающую сыворотку в шприц. Крупный план: из иглы прыскает тоненькая струйка бесцветной жидкости.

Следующий сюжет уже из разряда банальных: облава в подпольном борделе. Те же менты задерживают тех же голых девок, по тому же адресу, что и месяц назад. Морды у ментов скучные, да и девки уже не прячут личики от камер, а спокойно обряжаются в одежды, досадуя, что рабочий день не задался.

— Зачем наших ребят укусил? — спросила трубка.

— Я укусил?

— Ну, не ты, змея твоя укусил. Зачем змея натравил?

Ну, слава богу, положение дел проясняется. Голос в телефоне явно принадлежит цыгану, и именно цыгане перевернули нам весь дом. В итоге двое из них вполне заслуженно понесли наказание от наших ядовитых питомцев. Почему-то сразу успокаиваюсь и сам перехожу в наступление.

— Зачем же в дом залезли?

— Так ничего не взяли. Просто посмотреть хотели.

— Посмотреть, — передразнил я. — А я вас звал? Перевернули все. Замок сломали. Я ведь могу и в ментовку...

— Послушай, Миша, нэ надо ментовки. Зачем? Мы — деловые люди, ты — деловой человек. А деловые люди всегда могут договориться. Давай сядем, покушаем, хороший коньяк выпьем, поговорим. Твой товар нам понравился, ромалы за хороший товар всегда хорошую цену дают. За неудобства извини — за все заплатим. Веришь?

Даже и не знаю, что ответить...

Глава 7

Клещ

Не сведущему в магии, наверное, трудно будет понять все тонкости магических обрядов. Впрочем, в каждом ремесле есть свои тонкости. Вот возьмется даже самый искусный маг сшить хорошие сапоги — ничего не получится. Сотворить сможет, но сработанные кем-то другим, хорошим сапожным мастером, а вот сшить самому — шиш с маслом.

Маги стояли по краям огромного ложа перед едва тлеющими жаровнями и по очереди читали заклинания: огненных сфер, воздушных сфер, водяных сфер. Лониру досталась роль Мага Земли — одна из важнейших. Ибо земля — начало начал, все из земли вышло, все в землю и уйдет. Но и остальные маги считали свои стихии не менее значимыми: разве возможна жизнь без воды, без воздуха, без огня?

Постепенно над всеми четырьмя жаровнями образовалось что-то вроде облачков. Очень быстро, не теряя ни мига, Лонир брызнул на угли настойкой мандрагоры и бросил горсть земли. Облачко над жаровней сразу выросло и вдруг поплыло к центру ложа, чтобы слиться в единое с остальными тремя.

И спальня исчезла — стены ее словно растворились во мраке, не стало больше и мозаичного пола под ногами, что-то тягучее и жаркое медленно лизало подошвы сапог. А над головой только звезды, далекие и холодные. Исчезло и ложе, тело короля мягко качалось в голубоватом облаке, в котором то и дело сверкали маленькие искры и поблескивали молнии.

Лонир поднял руку — всем приготовиться! Теперь лишь бы принц не подвел! Принц, ваш выход! Только принц крови может вызвать сведущего к телу короля. А принц стоял на месте как вкопанный, с неестественно белым лицом. На крики магов не реагировал никак. Смотрел только на отца, только на него. Так бывает со смертными, впервые увидевшими слияние сфер. Что делать, лихорадочно думал Лонир, что делать?! Своего места он покинуть не мог, а принц словно окаменел...

Кто бы мог подумать, что королевский лекарь сохранит самообладание? Едва не опрокинув одну из жаровен, он подбежал к принцу и сунул прямо в нос флакон с солью. Принц сразу пришел в себя, мотнул головой и громко прокричал, как учил его маг: «Именем крови отца сын велит отворить двери, дабы вошел ведающий!» Прокричать это принцу пришлось трижды, пока тьма в том месте, где совсем недавно были двери, медленно, словно неохотно расступилась, и в спальню медленно вошел... дракон. Вряд ли сейчас принц Эммер узнал того самого Мышата, над размерами ко-

торого совсем недавно подшучивал. Дракон был огромен, чешуя его сверкала серебром, а глаза светились огромными рубинами. Лишь бессмертным драконам дано пересекать границу миров, лишь дракон видел и мог показать смертным исчадий темного мира. Мышат выпустил струю белого дыма, и когда он рассеялся, все увидели исчадие.

На груди короля лежал огромный, с воловью голову, словно светящийся изнутри бордовым шар. Он медленно пульсировал, и от этого редкие волоски на нем шевелились. Лишь приглядевшись, можно было заметить на вершине шара голубое членистое тельце и ярко-алые щупальца, впившиеся в горло и в грудь короля. Исчадье словно почувствовало, что его заметили, из тельца поднялось два десятка крохотных глазок на тонюсеньких ножках. Глазки тихонько покачивались, словно стараясь запомнить всех присутствующих. И не просто запомнить, а заглянуть им в мысли.

— Ну конечно, так я и думал, старина Мород, — пробормотал Лонир, опуская в суму уже ставшую ненужной мандрагору. — Спасибо, Мышат. Верни нам свет.

Дракон снова выпустил клуб дыма, теперь уже голубоватого, искрящегося. Вернулись на свое место стены, исчезли звезды, уступив место деревянным балкам потолка. Королевский лекарь, издав тихий стон, повалился на снова появившийся пол.

Лицо принца бледно, как меловая стена. Он молча стоял у окна библиотеки и смотрел вниз, на площадь. Маг понимал его чувства, но не торопился давать объяснений, а задумчиво перечитывал свежую почту. Письмо на золоченом пергаменте, неизвестно каким образом появившееся на столе в библиотеке. «Маг Аррохона О.Раньи приглашает Мага Странствий Лонира нынешней ночью к себе во дворец по очень важному вопросу». И все, только размашистая подпись под двумя строками и оттиск перстня.

Великие маги редко ладят друг с другом, и если О.Раньи приглашает Лонира к себе во дворец, вопрос действительно очень важный.

— Послушайте, маг, — наконец прервал молчание принц, — что это было?

Старик помолчал, потом все-таки решился:

— Эммер, вы как сын короля должны знать правду. Ваш отец не просто болен! Недуг его почти смертелен. Исчадие, которое медленно пожирает жизнь вашего отца, невозможно убить, ибо оно бессмертно. И нельзя изгнать, ибо при изгнании оно забирает оставшуюся жизнь своей жертвы.

— Да что же это за тварь такая, проклятье преисподней?!

— Вы даже не представляете, Эммер, как вы правы. Точнее и не скажешь: именно проклятье преисподней.

— Так расскажите скорее, что тянуть, как кота за хвост?!

— А может быть, лучше мой помощник? Мне кажется, вам понравилось, как он поет.

— Овай? Прекрасный отрок! Мы с ним как-то тут поговорили про рыцарские обычаи — так парень просто умник! В свиту бы мне такого, я сделал бы из него отличного оруженосца! Так он здесь? Зовите его скорее.

Слуга быстро сбегал вниз за мальчиком, тот, явно волнуясь, укрепил шарманку на треноге, аккуратно вставил ручку и, сделав несколько пробных оборотов, запел.

Это была старинная баллада о временах, когда стихии еще враждовали между собой, а небесное боролось с подземным. Владыка преисподней Усорд, пораженный небесным воинством в решающей битве, спрятался в глубине смутного мира и теперь зализывал раны, мечтая о реванше. Сын его Досор, рожденный от гидры, решил, что отец ослаб и самое время занять его престол, дабы самому возглавить темное воинство. Но не осмелился выступить открыто, а с помощью матери сотворил из своей плоти три отвратительных исчадия. Первое — жаба Анара. Она должна была поселиться в груди Усорда, отравляя его дыхание. Второе — краб-паук Рвель, он должен был впиться в голову Усорда и лишить его памяти и воли. И, наконец, самое мерзкое существо — клещ Мород. Он должен был высосать

из Усорда жизнь. Коварный план почти удался, исчадия вот-вот должны были завершить свое черное дело, но... Забыв о позорном поражении, Усورد снова поднялся на Землю и без памяти влюбился в молодую ведьму из Темной лощины. Пообещав ей безграничную власть над темными силами, он добился ее любви. Но слуга ведьмы — старый дракон — предупредил ведьму об исчадиях, которые пожирают ее любовника. Взбешенный Усورد превратил исчадий в ледяные клинки. Он настиг своего коварного сына и вонзил в него все три клинка. После этого разрубил предателя на куски и разбросал по земле, навсегда запретив исчадиям вход в нижний мир. Потому они и бессмертны.

— Занятно, — сказал принц, когда шарманка смолкла. — Я бы сказал, познавательно. Значит, этот самый клещ и пьет жизнь из моего отца? Невероятно! Но... так есть какой-то способ его... оторвать?

— Если только король умрет! — сказал жестко, словно подписал приговор Лонира. — Клещ никогда не отпускает свою жертву. Только когда жертва умрет. Скажите, принц, есть в этом городе человек, который желал бы смерти вашего отца? Найдите мне его.

— Разум оставил тебя, старик! Если найдется такой, я сам проткну его вот этим мечом.

— Найдите мне его живого! Если хотите, чтобы ваш отец жил. Вы верите мне?

Принц долго молчал, наконец сказал:

— Да, верю и сделаю все, как вы скажете. Есть у вас еще какие просьбы? Вы вольны просить все, что хотите.

— Да, Ваше Высочество. Я прошу разрешения отлучиться на некоторое время с моими спутниками.

— Отлучиться? Далеко, если не секрет?

— Меня сегодня вечером ждут в Аррохоне. По очень важному делу.

— Постойте, как — сегодня? Ведь до Аррохона даже верхом неделя... А, понял, ваши магические штучки? Что ж, поступайте как пожелаете. Только возвращайтесь скорее

* * *

Овай ел очень жадно. Он хватал еду обеими руками, торопливо запихивал в рот мясо и откусывал большие куски булки. Давясь, запивал все сладким вином и снова набрасывался на еду.

— Что, так плохо кормят? — забеспокоился маг.

— Нет, нормально кормят, хорошо, — мотнул головой Овай, отламывая у курицы ногу. — Просто ночью были с дозором — поймали трех гоблинов, не успели вернуться к завтраку. А когда на обед позвонили, пришел посыльный от вас, вот я и...

— Кушай, кушай, — успокоился старик. — Но потихоньку вспоминай четырнадцатую заповедь.

Мальчик так и замер с набитым ртом. Лицо сразу посерьезнело, он отложил курицу и булку в блюдо, долго и медленно прожевывал еду, запивая маленькими глотками вина, потом взял в руки большую двузубую вилку, нож, отрезал от окорока маленький кусочек, подцепил его вилкой и положил его в рот. Прожевав и проглотив, громко, нараспев, провозгласил: «Доблестный рыцарь умерен в еде. Он без ропота переносит долгий голод, любую пищу принимает без жадности, с достоинством, ест, не чавкая и не рыгая, ведя за трапезой умную беседу».

— И как ты собирался вести умную беседу с набитым ртом?

Мальчик смутился и промолчал.

— Ладно, сегодня нам предстоит дальнейшее путешествие, поэтому временно освобождаю тебя от четырнадцатой заповеди, можешь съесть все, что на подносе. Оставшееся отдашь Мышату.

Дракон, услышав свое имя, поднял голову, внимательно посмотрел на мальчика, затем на стол. Видимо, наличие большого количества еды его успокоило.

Маг взял со стола свиток и, стараясь не обращать внимания на громкое чавканье, еще раз его перечитал. Текст уже изменился, стал более официален и учтив. «Великий маг Ар-

рохона, мэтр О.Раньи, приглашает сегодня вечером достопочтенного Мага Странствий Лонира в свой дворец на Большой Совет магов Средиземья».

И размашистая подпись с оттиском перстня мэтра. Оттиск — пароль для портала.

Лонир задумался. Это уже не просто приглашение на встречу. Это — собрание Совета. Далеко на часто в Средиземье собирается Большой Совет магов. Значит, случилось что-то важное. Или должно случиться...

Маг встал, подошел к окну, выглянул. Раскинувшийся внизу Квартал Магов уже не выглядит вымершим, тут и там степенно прохаживались служители стихий. И портал в центре квартала уже светится голубым. Что ж, в Аррохон так в Аррохон...

— Ты хорошо помнишь, что нужно делать?

Овай послушно кивнул, но старик заметил, как он побледнел. Все-таки боится.

— Не бойся, ведь в школе оруженосцев вас учат не бояться.

Овай кивнул:

— Да, а еще верховой езде, фехтованию, разбираться в оружии и прикрывать спину своего лорда в бою. А еще шахматам и танцам. Правда, я танцы не люблю, ходишь, как дурак, и кланяешься то и дело. Особо, когда с девчонками, они все такие дуры, хихикают постоянно...

Мальчик уже улыбался, поэтому маг легонько подтолкнул его к порталу. Овай громко прочитал заклинание и резко шагнул в просвет меж огромных валунов. Старик облегченно выдохнул, повернулся к дракону и подмигнул. Мышат выбрал просвет пошире и, помахивая хвостом, исчез в голубом сиянии. Все идет хорошо. Маг Странствий прошептал три слова и коснулся сияния свитком главного мага Аррохона.

Сначала холод, который пронизывает насквозь, потом жар, словно тебя жарят заживо, да еще вывернутого наизнанку, наконец, вспышка света. Можно выходить.

Маг шагнул в свет. Площадь в квартале Магов. Народу видимо-невидимо. Ну да, сегодня — ночь полной луны, большая магическая ярмарка...

Глава 8

Гадюшник. Обыск с ароматом cannabis

Снилось мне море. Черное. Как положено, с дельфинами и кричащими чайками. Мы ведь ездили на море всей семьей, когда Сашка был совсем маленький. В Лазаревское — на взморье. Доехали на своей машине, между прочим, «ушастый» показал себя молодцом даже на горном серпантине. А вот Сашку укачало, по дороге он пару раз блевал в бумажный пакет, но не жаловался и не плакал — настоящий мужик! Зато потом от души оторвался на пляжном мелководье, чуть ли не силком приходилось из воды его вытаскивать.

Да, классно мы тогда отдохнули: жили в палатках на самом берегу, купались до одури, ели с костра — батя показал себя истинным кулинаром! Однажды даже съездили посмотреть дольмены. Иногда шиковали — покупали совсем дешевую черешню на рынке и ходили в кафешку с мороженым. Спелая черешня с мороженым — это так классно! По вечерам кино и танцы в соседнем профсоюзном профилактории, ночью песни под гитару у костра. Батя

так классно играл на гитаре, а мама так здорово пела!

Мама загорела до черноты, а волосы у нее, наоборот, выгорели и стали цвета спелой пшеницы. Смуглая и стройная, она была такой красивой, что все курортные мужики и кафешношашлычные джигиты оборачивались ей вслед. Мы с папой это замечали и тайком мамой гордились. Только вечерами, укладываясь, Сашка капризничал — не хотел ночевать со мной в «детской палатке» и все просился «во взрослую», к маме.

Единственно, кто портил нам тогда отдых, были «пляжные бичи». Почти каждое утро они приезжали к берегу на старом, раздолбанном газике с надписью «Хлеб» и начинали закидывать в кузов камни. Они на какой-то стройке шабашили, забор из булыг подпольному миллионеру строили, благо, за булыги платить не надо. Вот и сейчас приперлись с утра пораньше, куря скверную «Приму» и дыша перегаром, начали неспешно зашвыривать в кузов каменюки. Гулкий такой звук, противный: бум, бум, буммм... Ну сколько можно?! Батя с соседями-дикарями ходил к ним, просил либо отъезжать подальше, либо приезжать попозже. Невозможно же в такую рань! Едва до мордобития не дошло. А они опять: «бум, бум, бум»... Пойти, что ли, разобраться...

Открываю глаза и соображаю, что до моря отсюда далеко. Добрая тысяча верст. И это не

пляжные бичи камни закидывают, это к нам в двери кто-то ломится. Нащупываю ногами тапки, спускаюсь вниз. Братца тоже разбудили, сидит на кушетке, весь взъерошенный, одеяльцем тощеньким прикрывается.

— Кто это к нам с ранья рвется? Ждешь кого?

— Не-а, — пожал плечами братец.

Глянул на часы. Ого! Девять уже. Проспал я, как есть проспал на дежурство. Да и хрен с ним, дежурством этим. Все, хватит, отдежурил свое! Пускай теперь кто другой алкашам вывихи вправляет и бабкам клистиры ставит.

В дверь снова барабанят кулаками. И, кажется, даже ногами. Упорные...

Я вышел в коридор, щелкнув защелкой, открыл дверь и зажмурился от яркого солнца, не сразу узнав незваных гостей. А вы знаете, даже и не удивился. Те самые менты в гражданке, что обыскивали меня на посту ГАИ. Я как раз решил проверить Реву в скоростном режиме и по трассе прокатиться.

Что? Я еще не представил вам Реву? Джип «Лендровер» — получен по генеральной доверенности от цыгана Яши за последнюю партию слитков. Цвет черный, возраст — три года, кожаный салон. Естественно, Яша меня надул. Золота в последней партии, по договоренной сторонами цене, было почти на миллион — для такой партии пришлось питона кончать и выдавливать его до шкурки. Яша приехал на

встречу, быстро взвесил товар и сказал, что денег с собой столько не взял, что доехать надо на «загородную дачу». И прокатил меня на этом самом «Лендровере». Психолог, мать его! Как он машину-то хвалил-расхваливал! И я в нее влюбился. И когда Яша как бы между прочим предложил это блестящее лаком и никелем чудо за последнюю партию золота — я почти не колебался. Так что вместо загородной дачи мы заехали к нотариусу, где и оформили по всем правилам генеральную доверенность на вашего покорного слугу.

То, что Яша меня надул, я узнал, когда первый раз на сервис заехал. Битая машина оказалась — бампер заменен, правое крыло крашено, да и ходовая разбита изрядно. Не жалели ромалы шикарного авто, сайгачили по бездорожью на предельных скоростях. 700 тысяч — в лучшем случае стоила эта тачка, но... я не жалел. Ездить на этой машине было просто наслаждением! А как она ревела движком, когда набирала мощность (отсюда и имя: Рева, Ревушка)! Надеюсь, водитель со стажем поймет мои чувства, а учитывая, что до этого я водил только батин «ушастый»...

Вот на посту ГИБДД меня и тормознул палкой унылый мент в салатовой накидке-распашонке. Пока он без особого интереса рассматривал мои документы, к машине подошли двое — длинный, тощий, похожий на Дон Кихота, и низенький-толстенький, похожий на

его верного оруженосца Санчо Пансу. Правда, главным в этой паре был коротышка. Они вылезли из красной «девяностодевятки» с затонированными стеклами, светанули красными корочками и начали в моем Реве копать. Конечно, ничего такого в машине не было, но настроение испортили напрочь. Спрашиваю: на каком основании производится обыск? Коротышка ответил, что это не обыск, а досмотр, и даже попросил запаску из багажника вытащить, на что я резонно ответил, что если ему надо, пусть сам и вытаскивает, а мне руки марасть особого желания нет. В общем, ничего они не нашли и меня отпустили, выразительно глянув напоследок. А эту красную девять-девяток я пару раз видел. Утром, когда с ночного дежурства возвращался, машина стояла у ворот больницы, и когда я Маришку в луга катать возил, на хвосте у меня висела. Теперь «девяностодевятка» стояла у нашей калитки, а коротыш на крыльце совал мне в нос какую-то бумагу.

— Попов Михаил Сергеевич? — спросил констатировал коротыш. — Вот постановление на обыск. Ознакомьтесь.

Я знакомиться не стал. Мало ли на свете бумажек с печатями? Но раз говорит, так оно и есть. Что ж, обыскивайте. Я открыл дверь на всю ширину и сделал приглашающий жест. Чуть было не сказал: «Заходите, гости дорогие»,

но вовремя сообразил, что в данном случае это вряд ли уместно.

Помимо коротыша и длинного на пороге дома стояли наш участковый Филиппыч в форме, невзрачный мужичок с мелкой длинной псиной на поводке, кажется — спание-лем, и еще две тетки, вроде, с соседней улицы. Понятые, подготовились заранее, значица.

Коротыш по-хозяйски прошел мимо меня, за ним длинный, потом собаковод и тетки, Филиппыч в коридоре чуть задержался.

— Говорил же я тебе, говорил! — напомнил он, погрозив указательным пальцем.

Ну, говорил. А чего говорил? Что доиграюсь я со своими гадюками? А гадюки-то здесь при чем?

Я пропустил незваных гостей, запер входную дверь, вернулся в комнату, едва не споткнувшись о спание-ля. Коротыш по-хозяйски развалился на кушетке и оглядывался, мерзко ухмыляясь, длинный стоял у окна и, крутя в руках папку, буравил глазами лабораторный стол, видно прикидывал, куда разместиться со своим протоколом. Остальные «гости» сбились в кучку около дивана и озирались по сторонам, офигевая от интерьера и плакатов на стенах.

Кстати, братец мой окончательно проснулся и теперь удивленно таращился красными глазищами на пришельцев.

— Та-а-ак, — наконец разродился коротыш, — гражданин Попов, в соответствии с

предъявленным вам постановлением, у вас будет проведен обыск. Прошу добровольно предъявить оружие, взрывчатые вещества, наркотики, если таковые имеются. А также ценности.

К оружию, наркотикам и взрывчатке я имел отношение сугубо отрицательное. В доме из ценностей у нас с Сашкой помимо библиотеки, моей лаборатории и его компа имелся еще новый телевизор и змеи. Но плоскими теликами сейчас никого не удивишь, а змей коротыш, по его же признанию, ценностью не считал. Скорее, наоборот. Да, имелась еще в кармане золотая карточка, но я решил ее особо не светить, и валюта — двадцать баксов. Сашка перед школой продал какому-то чудику ужа на Птичьем рынке, а он возьми, и баксами расплатись.

Я залез в карман, извлек американскую двадцатку, присовокупил к ней сотни три рублей с мелочью и выложил все это на крохотный пяточок свободного места, оставшегося на столе. Коротыш презрительно на деньги глянул и уточнил:

— Ювелирные ценности: золото, камни, бриллианты.

— Сашк, у тебя бриллиантов нету? — спросил я брата. Тот отрицательно замотал головой. — Тогда нет у нас ценностей, гражданин начальник.

— Бросьте паясничать, Попов, — сказал коротыш укоризненно. — Давайте не будем тя-

нуть волынку, выдайте наркоту по-хорошему, и начнем писать явку с повинной.

— Наркоту-у-у-у, — протянул я. Дело обрелось совсем другой оборот. Я-то думал — это чекисты, а они... Как бишь они называются?

— Позвольте еще раз ваши документики посмотреть, — попросил я.

Коротыш предъявил. Ну да, ОБНОН.

— Отдел по незаконному обороту наркотиков. Слышал такой? — с ухмылкой сказал коротыш, оказавшийся капитаном Согомоняном. Ну и фамилия. С такой не наркотиками, а борьбой с самогоноварением заниматься. Хотя нет, Согомон — имя такое армянское.

— А, понятно, незаконным оборотом наркотиков занимаетесь? — ответил я ему в тон.

— Борьбой с незаконным оборотом, понял? Борьбой!

— Ну так боритесь, — пожал я плечами.

— Ясно, добровольной выдачи не будет. Тем хуже для вас. Приступаем к обыску, понятых прошу быть внимательнее.

Спаниель начал бродить по комнате, очень тщательно все вынюхивая. Коротыш с длинным начали снимать книжки с полок, надо отдать должное — весьма аккуратно, выдвигать ящики в столе и шкафах. Очень скоро наблюдать за всем этим нам надоело.

— Гражданин начальник, а пожрать во время обыска мы имеем право? — подал голос братец из своего угла.

Филиппыч посмотрел на коротышку, тот на длинного, который как раз закончил обыскивать кухню. Длинный отрицательно мотнул головой, коротышка пожал плечами и сказал:

— Только оставьте ключи от этой комнаты — он кивнул на дверь спальни — и от вашего гаража тоже. Не ломать же...

— Так на здоровье, только осторожнее, там змеи — сказал я, кинул ключи очкарику и вышел с братцем на кухню.

Вот в чем мой братец специалист, так это в компьютерах и в омлете. Во всех остальных сферах человеческой жизни он — полный лох и лузер. На рынок пошлешь, купит не то, да еще обсчитают, с приличной девчонкой познакомится — уведет из-под носа какой-нибудь мажор на первой же дискотеке. В прошлом году пришлось отлучиться на пару недель и оставить его одного. Раз в жизни поручил ему хозяйством заняться. Итог — сломал две лопаты, просрал шланг для полива огорода и дом чуть не спалил, когда задумал листву прошлогоднюю сжечь. Да еще ключи потерял — домой через окно лазил. Хорошо хоть змей по округе не распустил, а то бы устроили нам соседи суд Линча. В общем, ничего путного моему братцу доверить нельзя, все испортит. За исключением компьютера и омлета. Не спорю, возможно, есть в нашем захолустье хакеры и программисты покруче моего Сашки (хотя я

подобных пока не встречал), но вот по части омлета он просто бог!

Омлет Сашка жарит непременно со свежими помидорами, репчатым лучком и тертым сыром. В дни материального благосостояния, как сегодня, добавляет тонюсенько нарезанный бекон. Но дело даже не в ингредиентах. Смешивает и жарит омлет Сашка по-особому. Такая вкуснотища получается — не оторвешься. Никаких ресторанов не надо.

Пока проводился обыск, Сашка сварганил большую сковородку омлета, и мы за милую душу умяли его прямо из сковородки. На запах в кухню появился Филиппыч.

— Дядь Жень, может, омлетику с нами? — предложил Сашка.

Участковый снял фуражку, протер лысину платком и отрицательно мотнул головой.

— А может, того... Сто грамм, — подмигнул я и кивнул в сторону холодильника, где у меня всегда хранился бутылек с чистым медицинским для опытов.

Филиппыч глянул на холодильник глазами побитой собаки, снял фуражку, вытер пот, вздохнул и снова отказался. Оно и понятно, служба...

— Вы бы посмотрели, дядь Жень, как бы нам гражданин начальник наркоты какой не подбросил. Или гранатомета, — попросил Сашка. — Ужо больно неохота в тюрьму на самой заре жизни.

— Да ладно тебе, Саша, Самогон — мужик дотошный, но законник. Он на такие вещи не...

— Попов, подь-ка сюды, — раздалось из комнаты. Я поднялся и прошествовал в зал. Особых признаков обыска в комнате я не обнаружил. Ну, книги на полках стояли неровно, некоторые вообще у стены были сложены стопкой, ну, люк подвала открыт, ящики в столах выдвинуты, колба одна на полу валяется разбитая. Видно, длинный пытался все-таки разместить свой протокол на лабораторном столе. Но грохнул колбу, отчаялся и теперь сидел на диване, используя для написания табуретку. Рядом с ним стоял коротыш, светясь широчайшей улыбкой. У ног его лежал старый чемодан. Елы-палы! Нашел-таки, Пинкертон хренов. Ну, спасибо, ну, порадовал! А я-то, когда свинец искал, все голову ломал, куда его батя засунул.

Коротышка торжества не скрывал:

— Граждане понятые подтвердят, что это было найдено в соседней комнате под аквариумом со змеей...

— Под каким именно? — перебил я.

— У окна который, — пояснил коротыш. Я посмотрел на него с уважением. Надо же, не побоялся у эфы под аквариумом пошарить. А она жуть какая ядовитая.

— Скажите, Попов, вам вот этот чемодан знаком?

— Конечно, знаком, — сказал я, почесываясь. — Это батин еще. Подтверди, Сань, — призывал я на помощь братца, закончившего мыть сковородку и решившего выйти в зал.

— Ага, — подтвердил братец и тут же сделал плачущее лицо, увидев диски, сваленные в беспорядке на его любим кресле. — Ну, че вы, не могли поаккуратнее? Я ж эти диски неделю по порядку разбирал. Сначала цыгане, теперь вот вы. Че вы там найти вообще хотели?

Сашка встал перед креслом на колени, театрально вознес руки к небесам и потрясал ими, как безутешная мать над телом усопшего младенца. Клоун!

Понятые тетки жались в уголке, со страхом посматривая в сторону гадюшника. Наверное, все-таки заглянули туда разок, когда коротышка чемодан нашел.

Видимо, Согомоняну не понравилось спокойствие, с которым я отреагировал на чемодан. Не иначе, как он всерьез считал, что именно там хранится куча наркоты.

— И что же в нем? — спросил коротыш.

— Да так, ерунда разная.

Капитан решил не тянуть долго резину. Взялся за ручку чемодана, собираясь положить его на кушетку, да не рассчитал тяжести.

— Ого! Кирпичи, что ли, здесь держите? — спросил он.

— Я ж говорю, фигня разная, — напомнил я.

Коротыш с кряхтением уложил чемодан на кушетку и вопросительно глянул на меня.

— Ключ? — догадался я. — Так нет ключа. Я его обычно скрепкой открывал. Помочь?

Замок открылся быстро, благо, скрепок у Сашки в ящиках всегда навалом. Что-то щелкнуло, крышка чемодана откинулась. Она оказалась сплошь заклеена с внутренней стороны папиросными коробочками и картинками с красотками по моде тридцатых годов прошлого века. Отец говорил, что это еще дедов чемодан.

— Понятых прошу подойти поближе, — с важным видом приказал Согомонян.

Не уверен, что понятые теткы обнаружили что-либо интересное для себя в этом чемодане. Скорее, его содержимое могло бы привести в восторг какого-нибудь мальчишку. В чемодане были солдатикки. Но не оловянные, а из свинца. Это я для Сашки отливал еще в детстве. С игрушками у нас было туго, вот я и наловчился отливать солдатиков из свинца в гипсовых формах. Почему из свинца? А из чего еще? Где я вам олова возьму? Зато у автобазы валялась куча старых аккумуляторов. Долби их кувалдой, вытряхивай из них нутро, разводи костер, плавь в старой жестянке, вот тебе и свинец.

Вид у капитана стал совсем кислый. Он взял одного солдатика — наполеоновского гвар-

дейца в высокой медвежьей шапке, зачем-то взвесил на руке. Бросил фигурку в кучу.

— А это что? — поднял он пакет с кругляшками. Кругляшки представляли собой монеты. Опять же свинцовые. Самых разных стран и эпох. Римские, греческие, византийские. Даже пиастры были и испанские дублоны. Это батя, перед тем как коллекцию продать — копии отлил-отчеканил. Я же говорил, что большой он был специалист по части нумизматики, на консультации его в Питер приглашали. Только после покупки дома ни одной золотой монеты в собственности не имел. «Средствами не вышел, — говаривал батя и указывал на нас с братцем, — вот мое золото». По-моему, он был прав.

— Да так, батя увлекался, — сказал я честно. — Мечтал собрать самую полную коллекцию старинных золотых монет из свинца.

— А это? — Согомоян взвесил на руке тяжелый пакет. Николаевские двадцатки — с полсотни будет.

— Я же говорю, батя упражнялся. А что, нельзя? Что-нибудь еще нашли, или как? Расстреляете за незаконное литье?

— В законе про свинец... — начал было капитан, но в это время с улицы раздалось тьяканье и крик собаководы: «Товарищ капитан, кажется, Джульбарс нашел!»

Совсем было загрустивший Согомоян снова расправил плечи, глянул на меня, мол,

мы еще посмотрим, чья возьмет, сделал знак понятным и быстро вышел из комнаты.

Через пару минут со стороны гаража раздался истошный вопль.

* * *

Капитан Согомоян сидел на кушетке, с ужасом смотрел на две красных точки на своем запястье и грозил мне самыми страшными карами, из которых самым гуманным было четвертование. Этому была веская причина. Капитана укусила гадюка, спавшая в рюкзаке, который нашел капитан. Вернее, нашел ярко-оранжевый Сашкин рюкзак спаниель Джульбарс, а капитан с радости в него пятерню засунул. А гадюка, которую мы считали пропавшей после цыганского вторжения, оказывается, просто пригрелась в рюкзачке и теперь вот со страху капитана цапнула.

Набирая сыворотку в шприц, я увещевал Согомояна, что зимой яд гадюки не так опасен, что он не умрет, если, конечно, у него нет аллергии, что в худшем случае у него просто повысится температура со рвотой и диареей. И что я предупреждал!

Согомоян меня не слушал, видимо, он серьезно собрался склеить ласты, и лишь когда я ввел ему сыворотку в волосатую лапу, немного успокоился.

«Скорая» приехала оперативно, Согомояна увезли, длинный задумчиво рассмотрел

бутылочку «Хеннеси» и баночку черной икры из Сашкиного рюкзака, потом открыл пачку «Мальборо», заглянул туда и сказал:

— Ладно, понятые свободны, участковый тоже...

Понятые, что-то быстро черканув в протоколе, с облегчением вышмыгнули из комнаты, за ними собаковод с псиной, Филиппыч, плюнув в сторону гадюшника, тоже удалился.

Услышав, как хлопнула входная дверь, длинный вытащил из пачки две длинных папиросины, смачно их понюхал и вопросительно посмотрел на меня:

— Ваши?

— Впервые вижу, — ответил я и в упор посмотрел на Сашку. — Твой, засранец?!

Засранец глянул на меня сначала с вызовом, но тут же покраснел и потупился.

— Ну давай, давай, кайся, — сказал я сурово. Признаюсь, такой подлости я от родного брата не ожидал. Наркота в нашем доме?! Если бы батя узнал, его точно кондрашка хватила бы.

— С Иринкой хотел... — промямлил Сашка. — Пикничок, чтобы все по-взрослому... На субботу договорились на турбазе. Они на перемене встретили и говорят, все равно не даст... коньяк — отстой, травка — круто! С травкой даст... Я и взял-то всего попробовать...

— Так, школа №12, ты ведь в двенадцатой учишься? — задумчиво сказал длинный. — Они — это Балабанов с Разуловым? Ну да, кто

же еще? Местные отморозки, но трава у них, надо признать, хорошая. Настоящая чуйка! У Разулова брат оттуда родом, передает с оказией. Пшел вон!

Братец удивленно посмотрел на длинного и, не заметив в его глазах ничего хорошего, послушно поднялся.

— Чтобы через полчаса был в школе! Проверю! А мы пока с твоим братом по душам побеседуем.

* * *

Дверь за братцем захлопнулась, длинный перестал вертеть папиросу в руках, засунул ее в рот, чиркнул красивой зажигалкой и с явным наслаждением затянулся. Вторую папиросу протянул мне:

— Закуривай, братан.

— Если честно, я никогда и не...

— Верю, верю, — махнул рукой длинный. — Но за пару косяков не привлечешь, а чего ж добру пропадать? Обычно у торчков принято одним косяком на всю шоблу затягиваться, но я несколько брезглив. Дыми, Попов, говорить будем.

Вот так дела, наркополицейский предлагает мне затянуться марихуанкой. Отказаться? А смысл? Провоцирует? Сейчас я затянусь, а он меня за шиворот и в отдел. Там — мочу на анализ. И что? За употребление у нас пока не привлекают. Испортить мне жизнь хочет?

А смысл? Да и так бы мог, когда папиросы нашел. А, была не была — чем черт не шутит. Дым показался мне горьким и неприятным.

Длинный еще раз глубоко затянулся, вытащил из внутреннего кармана пачку фотографий и бросил на кушетку рядом со мной.

Я посмотрел фотки. Ваш покорный слуга в разных ракурсах. Вот я на остановке у цыганского дома, вот говорю с Яшей в кафешке, протягиваю ему пакет, вот он достает аптекарские весы. Слава богу, не видно, что именно он взвешивает. А они-то подумали, что я табор герычем снабжаю. Нет, ведь чуяло мое сердце — не надо было с цыганами связываться, особо, с теми, кто наркотой торгует. Так ведь других и нет. Разве что из театра Сличенко, те, если прессе верить, и без всякой наркоты прилично зарабатывают.

Возвращаю фотки длинному.

— Ну и?.. Что вы мне инкриминируете?

— Надо же! — очень натурально удивился длинный. — Какие мы слова знаем. Начитанные!

— Телевизор много смотрю, — буркнул я. — Детективы разные.

— Тогда не будем тянуть! — обрадовался длинный. — Сам знаешь, чистосердечное признание смягчает наказание...

— Но увеличивает срок. Вы все неправильно поняли, товарищ...

— Капитан. Капитан Демидов Михаил Павлович. Что мы не так поняли, тезка?

— Я принципиально против наркотиков.

— Ну да, конечно. И цыгане тебе эту машинку подогнали за красивые глаза.

— За золото.

— Что?!

По лицу капитана было видно, что он удивлен. Искренне.

А горьковатый дымок уже развязывал язык, будил фантазию:

— От бати нам золотые монеты достались. Батина коллекция. Хотели сохранить, но сами знаете, какая нынче жизнь. На зарплату санитара вдвоем особо не проживешь. Хотел продать по закону, но наше доброе государство очень любит налогами подобные сделки обкладывать. А лучше — просто отнять...

Не помню точно, что я еще плел, кажется, клялся в отвращении к наркотикам. Подумал, посмотрел на остаток папиросы и добавил: «тяжелым». Кажется, Демидов мне поверил.

Он сунул протокол обыска в карман, встал, приложил руку к пустой голове, сверкнул глазами и сказал:

— Гражданин Попов Михаил Сергеевич, от имени российской полиции приношу вам извинения за причиненное беспокойство. Можете обратиться по этому поводу с жалобой в установленной форме, в определенный законом срок.

— Да ладно, че уж там... — махнул я рукой и пошел провожать «гостя».

Обкуренный мент уселся за руль и с «буксами» удалился. Я зачем-то помахал вслед рукой, вернулся в комнату, улегся на кушетку и погрузился в наркотический сон. Снилось мне море с дельфинами и чайками. И еще одна картинка: мы с батей и Сашкой догоняем-таки пляжных бичей и скидываем их вместе с фургоном в море...

Проснулся я, когда за окном стемнело. Сашка уже вернулся из школы, привел комнату в относительный порядок и теперь, водрузив на уши толстенные наушники, наклоняясь в кресле «на виражах», гнал по узким улицам Монако болид «Формулы». Не наигрался еще. Ничего, братан, дай срок, я куплю тебе такой болид, такую тачку, что Шумахер позавидует...

По идее стоило устроить братцу трепку за эти папиросы, но какое-то благодушие напало.

Добираюсь до санузла, возвращаюсь. Братец снимает наушники, смотрит виновато. Ладно, живи пока, зарадец, завоевывай свой Гран-при.

Плюхаюсь задницей на кушетку, открываю чемодан, начинаю в нем копать, выставляя солдатиков в каре на журнальном столике. Потом выложил пакеты с монетами. На дне чемодана лежал лист бумаги, запаянный в пластик. Завещание. «Я, Сергей Михайлович Попов, будучи в трезвой памяти... все свое имущество... дом с участком... и коллекцию старинных золо-

тых монет.. своим детям Михаилу Сергеевичу и Александру Сергеевичу в равных долях. Опись коллекции прилагается». Подпись, печать нотариуса. Дата — за неделю до исчезновения.

Так что же, батя, ты все знал заранее? Что я прочту твою чертову алхимическую книгу, перенесусь в другой мир, добуду это чертов философский камень?! Что превращу твою фальшивую свинцовую коллекцию в настоящую — золотую?! Ну, спасибо, батя...

Я стер предательски накатившую слезу.

— Слышь, братец, — крикнул я сквозь рев движка из всех шести динамиков. — Да выключи ты свою бандуру на минутку!

Послушный братец нажал пробел, рев стих.

— Глянь-ка в Интернете, почем нынче золотые николаевские двадцатки?

Глава 9

Второе пришествие меня

Вот уж никогда не думал, что опять увижу этот лес, это кладбище. Может, зря я все это затеял? Ну чего мне теперь, по жизни, не хватало? Хотя... назад ничего не вернешь, как говаривал Цезарь — перейдем Рубикон, если не потонем — накупаемся! А если честно — господин О.Раньи просто не оставил мне выбора. Он умеет убеждать. А что бы вы на моем месте сделали? Неделю назад мирно сижу дома, пялюсь в телик и вдруг вижу, как Сашка внезапно бросает мышь своего компа, встает и, как зомби, бредет в центр комнаты, там, где у нас пентаграмма. Встает в ее центр и начинает вещать голосом мага О.Раньи. А я-то, наивный, думал, что связь у нас односторонняя. Разбежался... Одним словом, маг посредством моего непутевого братца потребовал принести ему книгу из хранилища в районной библиотеке. Ту самую, которой батя очень интересовался и даже отксерил полностью. Все перевести хотел ту часть на неизвестном языке, да не вышло у него ничего, нету у нас пока специалистов по эльфийскому... И пообещал мне маг за это...

В общем, маг сделал предложение, от которого я не смог отказаться. И вот я здесь!

В центре сферы появляется книга, беру ее, сую в суму. Где уже лежат свечи. Вот черт! Опять кровь из носу. Залью Реддису всю сутану, или как это у них называется. Ничего, постирает. Ой, что это за жуткий звук? Всего лишь сова. Все, пора отсюда двигать.

Дорога знакомая. Самая неприятная часть пути к городу — через кладбище. Не могу назвать себя, по понятным причинам, верующим, но и в юные годы, будучи убежденным материалистом, я кладбища в темное время суток тоже недолюбливал. Есть в них что-то такое... пугающее. А уж это конкретное кладбище и подавно! Особо склепы с изваяниями. Поди, разберись в такой темноте, что это притаилось у склепа с гарпиями — безобидная каменная статуя страдающей вдовы или что другое? А может, это призрак какой, дух неприкаянный бродит, за злодеяния свои прижизненные расплачивается.

Опять же, ночная стража. Тут законы суровые, тут по ночам по кладбищам шляться не положено. А вдруг ты на скорбный погост с колдовскими целями забрался, чтобы навести порчу на семью усопшего или, того хуже, похитить его душу. Можно и в Башню угодить, а то и на эшафот. Хотя... В ночной страже тоже люди живые, хрен ты их ночью на кладбище заманишь, да они вообще предпочитают за крепостные стены не высываться. Опять же,

ночная стража мне знакома. Любит студента Реддиса ночная стража, любит и ценит.

Где-то на середине пути мне пришлось-таки остановиться, набившийся в обувь мусор превращал ходьбу в истинную пытку. Я присел на мраморную плиту у богато отделанного склепа и с облегчением стянул башмаки с ног. Тут же сморщился. Амбре, однако! Ног Реддис не мыл минимум неделю. Вытряхнул из обуви песок, сухие травинки, снова обулся. Эх, покурить бы сейчас, одну маленькую сигаретку, но зря губищи раскатал — табака в этом мире я еще не встречал.

Уже собираясь уходить, глянул на склеп, украшенный изваянием рыцаря в доспехах. На щите у рыцаря алела чуть выцветшая роза, на мраморной плите имелась надпись: «Доблестный рыцарь О.Вайлант нашел здесь покой, мир его праху. Слава пережила героя, бесстрашного победителя драконов». О как!

Так, лодка на месте, а где Харон, то есть Репей? Вместо него другой гоблин. Морда-то какая разбойничья. Ну и ладно, зато болтать не будет, охота была опять анекдоты травить.

Плачу два медяка — в этот раз кошель на поясе не совсем пустой, чего-то там позвякивает. Но гоблин показывает три пальца. Ну вот, и здесь инфляция. В кошеле как раз три медяка.

Гоблин гребет умело, на место добираемся быстро. Выбираюсь из лодки, вот и заветная дверь. Стучу кольцом три раза. В окошке мель-

кает чей-то глаз. Дверь тут же отпирается — меня уже узнают.

Знакомый двор, ставшая почти родной ночная стража. Капитан ДэЭйрс, как всегда великолепный и слегка пьяненький, принимает меня в свои объятия. Как бы кровью его прекрасный камзол не замазать. Рассказываю приготовленный анекдот про похотливую графиню. С чувством рассказываю. В этот раз застигнутый врасплох голый любовник притворился статуей. И, зайдя ночью в столовую, доблестный рыцарь из гуманизма потихоньку наливает ему вина в кубок, мол, на, выпей, а то я вчера всю ночь простоял — никто и не налил... Финальная фраза — взрыв восторга! Трахтенберг мог бы мной гордиться.

Пока служивые хохотали, обнимаясь, толкая друг друга локтями и утирая слезы, рассматриваю большую железную клетку в углу двора. Странное дело, обычно эта клетка пустовала, а теперь в ней кто-то был. И судя по фигурам, явно не люди.

— А что, господин капитан, у вас сегодня гости? — спросил я как бы между прочим, указывая на клетку кувшином вина.

— Гости? — переспросил господин Дэ-Эйрс, оборачиваясь. — Ах это... Да орки, змея им в потрох, распоясались совсем. Указ Его Светлости им не указ. Шляются, змея им в потрох, среди ночи по улицам, честных граждан пугают. Нет, ты скажи, когда такое было, чтобы орки по улицам Аррохона по ночам шлялись,

а? Тем более по улице Кузнецов. Ну скажи, господин студент, что делать оркам, змея им в потрох, ночью на улице Кузнецов? Они ведь не лошади, им подковы не нужны.

Раздался дружный хохот — стражники шутку своего капитана дружно оценили.

— О да, эти орки после перемирий соффсем опнаклеть, — важно сказал молодой господин с перевязью и бантом лейтенанта. Судя по жуткому акценту — наемник из северных кантонов королевства. — У нас ф столица орки появляцца на улиц таше в день роштений Его Фелиттшестфо.

— Можно глянуть? — спросил я, когда ржание чуть стихло.

— А что на них смотреть? — удивился господин ДэЭйрс, принимая новый кувшин вина. — Орки как орки. Хотя тот, что поменьше — какой-то ненормальный. Больной, наверное. Забился, понимаешь, в угол, не орет, не дебоширит, змея ему в потрох. При аресте почти не сопротивлялся. Зато второй хорош. Настоящий боец! Мурашу с Козявой едва головы не оторвал. За такого и два десятка золотых от Его Светлости получить можно, только сетями его и взяли. А за хилиака хорошо, если пять монет дадут.

Я взял из бочки факел, запалил его от костра и двинулся к клетке. Надо же, настоящие орки! У нас-то они только в книгах да в кино, а тут вот — обычное дело, даже по улицам городов шляют. Я остановился метрах в двух

от клетки и жадно принялся рассматривать орка, сидевшего прямо у прутьев. Морда, конечно, хуже не придумаешь. Широченные надбровные дуги, сплюснутый негритянский нос, свиные уши, поросшие щетиной, здоровенная пасть, не вмещающая, однако, пары острых, загнутых клыков. Одного взгляда на лапы пленника хватило, чтобы начисто отбило охоту знакомиться с ним поближе. Железные прутья клетки сжимали длинные мощные пальцы, заканчивающиеся острыми когтями. Выпусти такого на ринг, и Валуев сразу за канаты сиганет. Стоит признать, чем-то напоминает тех тварей, что хулиганили в фильме «Властелин колец», только ростом повыше, кожа темно-зеленая, бородавчатая, и глаза в темноте светятся. Как на фотографии от вспышки. Под левым глазом у орка отсвечивал лиловым здоровенный фингал. Видно, буян оказал сопротивление при задержании. Да, ничего не скажешь, отвратительное существо.

Но орк, по всей видимости, был такого же мнения по поводу моей скромной персоны. Оглядев меня с ног до головы, он обнажил острые зубы и глухо зарычал. Потом рычать перестал и... широко улыбнулся. Честное слово — это была улыбка, а не оскал. Чего это его так развеселило? А-ааа, теперь ясно чего. Рыжий долговязый стражник нанизал на острие пики курицу и протягивал в сторону клетки. А орк оказался не прост. Сначала он попался на старую уловку и протянул лапу

за курицей. Но когда рыжий отдернул пику, и в лапе у орка остался лишь пучок перьев, монстр глухо зарычал. Он отбросил перья в сторону, демонстративно отвернулся к нам спиной и не реагировал, даже когда под радостный хохот стражи рыжий стал тихонько толкать его острием пики в зад. Но в миг хохот стих, сменившись воплями ужаса. Вопили рыжий и... я, потому что в какой-то момент орк развернулся на месте и, выбросив вперед неимоверно длинные лапы, сгреб нас к самым прутьям. Пика звякнула о брусчатку, тут же на мостовую свалился и рыжий стражник, которого орк, резко дернув на себя, приложил каской о железные прутья. Я остался с орком лицом к лицу, вернее — лицом к морде. Злобной морде с огромной пастью, из которой исходило такое зловоние, что словами не передать. Страшно мне было до одури, к тому же я сразу понял — сопротивляться этой горе мускулов совершенно бесполезно. Хватка лап, стиснувших мою руку и горло, казалась просто железной. За моей спиной тут же что-то заскрипело. Ну правильно, тетива арбалетов доблестных стражников. Но как они собираются стрелять? Ведь между орком и стражниками есть еще и мое брненное тело. Вернее, грузное тело студента Реддиса.

Не знаю, чем бы все это кончилось, но тут из дальнего угла клетки донесся рык. Резкий рык, как команда, как приказ. Стальная хватка немедленно разжалась, и, морщась от боли, я

все-таки разглядел у дальней стены клетки еще одного орка. Он сильно отличался от того, что схватил меня. Кожа была не зеленая, а скорее сероватая, кроме того, на голове у него имелась растительность белого цвета. Седой орк? Еще я заметил на мощной груди орка большой медальон. Орк одним прыжком преодолел расстояние до прутьев и быстро зашептал мне в ухо чуть хрипловатым голосом:

— Выкупи меня — не пожалеешь!

Я, еще не оправившийся от шока, только промямлил:

— Но у меня нет денег...

— Выкупи, когда будет золото, и не снимай этого, — что-то круглое легло мне в ладонь. — Отпусти его...

Почувствовав свободу, я немедленно отскочил от клетки, тут же орк-громила громко завыл. Оказалось, стражник-коротышка ловко ткнул в морду чудовищу факелом. Отвратительно пахло паленой кожей.

— Как ты, господин студент? — участливо спросил капитан Дэйрс, давая команду страже опустить арбалеты. — Право же, с орками надо быть осторожнее. Не хватало еще, чтобы эта тварь разорвала нашего лучшего сочинителя, змея мне в потрох!

Я потерял локоть, огляделся. Рукав моего и без того ветхого одеяния был разодран острыми когтями, но больше повреждений не было. Жив, и слава богу! А стражники тем временем помогали подняться своему рыжему коллеге.

Тот очумело озирался по сторонам, видно, еще не пришел в себя от мощного удара.

— Нет, вы посмотрите на него, каков красавец! — хохотнул стражник-коротышка, указывая рукой на клетку. Да, в настойчивости этому орку не откажешь: наскоро отряхнув опаленную факелом морду, он стащил с острия брошенной пики курицу и теперь с хрустом и чавканьем пожирал ее сырой, отплевываясь перьями.

— Не люблю этот народец, но уважаю как воинов, — сообщил господин ДэЭйрс, покручивая ус. А я почему-то продолжал смотреть на седого орка. Он тоже сверлил меня взглядом. Глаза его чуть светились красным, как на фотографиях от вспышки. Неожиданно он приложил лапу к груди, где-то в районе сердца, и тут же указал когтистым пальцем на меня. С чего бы это? И только тут я обнаружил у себя в руке что-то круглое. Это ж тот самый медальон, что был на седом. Я рассмотрел его, обычный медный диск без всякого рисунка или надписи, только в центр впаяно... что-то похожее на большой коготь. Орлиный, что ли? А, после разберусь. И чего это орк себя по груди хлопает? Намекает, чтобы я медальон надел? Извольте...

Удивительно, но стража отнеслась к случившемуся инциденту как-то обыденно. Рыжий стражник уже сидел у костра, пил вино, похихатывал и порой грозился в сторону клетки кулаком. Коротышка же нанизал опципанных кур на свою пику и теперь жарил их на огне, распространяя по округе аппетитный

запах. Мне предложили кувшин с вином, отказываться я и не думал — все равно одному идти по улицам этого города ночью — дело более чем рискованное.

Глухо пробил колокол над ратушей. Половина одиннадцатого. Я осмотрел куриную ногу, доставшуюся мне от щедрот ночной стражи, убедился, что мяса на ней не осталось, и бросил кость рыжей дворняге, ожидавшей чуть поодаль.

Жест седого орка не выходил у меня из головы, и я то и дело посматривал в сторону клетки. Но седой больше не показывался, зато второй громила охотно грыз кости, что кидала в него стража, и показывал неприличные жесты. Веселье продолжалось. Наконец капитан приказал строиться.

* * *

А что-то не то в этом городе сегодня. Словно вымер. Даже в Веселом квартале тихо. Куда жрицы любви подевались? Зато виселица на Мясной площади отнюдь не пустует. Полдюжины кулей покачиваются тихонько на ветерке, и с колеса раздается что-то похожее на стон. Казнь затянулась? Суровый охранник с алебардой охраняет эшафот. Салютует ночной страже и сурово смотрит мне в спину. Нехороший взгляд, колючий. А вот и квартал Магов. Только бы ворота пропустили...

Я перевел дух, шагнул в проем и едва не ослеп и не оглох — от звуков, запахов, вспы-

шек. Так вот где все горожане — большая магическая ярмарка! Скидки на все магическое! Лучшие цены на гробы и саваны! Только один месяц — спешите воспользоваться!

Народу на площади много, да еще из портала прибывают. Я смешался с толпой и прошелся вдоль прилавков. Забавные вещички порой встречаются. Шапки-невидимки не видел, зато один чудака торговал эльфийскими плащами — накинешь на плечи, и тебя не видно. Был тут и маг, торговавший глиняными фигурками воинов. Оказывается, капли бальзама из склянки хватает, чтобы малюсенький солдатик превратился в двухметровую дылду. Но особо мне запомнилась горбатая ведьма с совой на плече. Торговала волшебным эликсиром. В самом деле, волшебным. При мне розовощекая толстуха в туго зашнурованном корсете выложила на прилавок приличный такой столбик золотых монет и получила от старухи склянку. Явно торопясь, выпила содержимое тут же у прилавка. Так что вы думаете? На глазах толстуха стала превращаться в стройную красавицу. Пышное платье повисло на ней, как балахон Пугачевой, когда Кристина его примерила. Закупить, что ли, бальзамчику на гонорар от господина О.Раньи? Такой бизнес дома можно сделать — моментальное похудание без всяких диет...

Внезапно у меня за спиной раздался гомон, какой-то шум и тут же заиграла музыка. Странная какая-то музыка, несуразная. Я обернулся

и чуть не остолбенел от удивления. Из «Стоунхенджа» на площадь выходил... дракон. Да, многого я здесь уже повидал, но драконов по-прежнему считал выдумкой. Но это был самый настоящий дракон со всеми драконьими атрибутами: зубастой пастью, крыльями, когтистыми лапами, гребенчатым хвостом. Только какой-то маленький, размером чуть больше пони. Дракона вел на веревке мальчик лет семи-восьми, а впереди ковылял очень бедно одетый старик с шарманкой. Вот из этой шарманки и раздавался странный мотив.

Старик остановился в центре площади, не переставая крутить ручку шарманки, установил ее на складной треноге, скомандовал дракону: «Сидеть», повесил ему на шею табличку с какой-то надписью, кинул свою шляпу на брусчатку и не лишенным приятности голосом запел. Пел он старинную балладу о доблестном рыцаре О.Вайланте, ушедшем в поход в Святые земли, чтобы завоевать сердце прекрасной дамы Эмилии. В честь этой самой Эмилии совершил он немало подвигов, в одну харю одолел кучу злющих гоблинов, троллей и циклопов, изничтожил добрую дюжину великанов и одолел ужасного дракона. После каждой победы он посылал любимой алую розу. И весть о каждой новой победе доблестного рыцаря О.Вайланта заставляло трепетать сердце прекрасной леди Эмилии. Когда, наконец, доблестный рыцарь О.Вайлант, победив кого только можно, повернул боевого коня в

сторону родного города, где ждала его дама сердца, огромная орда речных гоблинов окружила его и потребовала отречься от любви. Но рыцарь гордо отказался предать светлый идеал любимой и пал в неравной битве. Безутешная Эмилия похоронила своего возлюбленного, после чего до самой смерти не смотрела на мужчин, носила только черное и умерла, собственно, на могильной плите павшего героя, прижимая к груди букет алых сушеных роз, каждая из которых напоминала ей об одном из подвигов любимого.

Песенка была жалостливая, но, на мой взгляд, нелогичная. Во-первых, с какой стати гоблинам заставлять рыцаря от кого-то там отречься? Вряд ли они подозревали даже о существовании какой-то там Эмилии. И на хрен им не уперлась эта самая Эмилия! Скорее всего просто решили поживиться кошельком, конем да латами странствующего рыцаря, вот и пустили ему кровь. Во-вторых, если рыцарь погиб в Святых землях, как прекрасная леди Эмилия могла его похоронить? Кто тело доставил? В-третьих, рифма в балладе местами сильно хромала. Скорее всего старик-шарманщик просто заменил горных орков на речных гоблинов из соображений политкорректности. После последнего замирения указом герцога орков ругать категорически запрещалось.

Хотя с чего это я ударился в критиканство? С какой стати? Послушать нашу эстраду, вот где кошмар. Одни эти «уси-пуси» чего стоят.

Или «ты целуй меня везде, да мне палкой по...». Ну и в том же духе. А тут — красивая история о любви, почти готовый сценарий для любовного сериала. И еще имя этого рыцаря смутило, О.Вайлант. Где-то я его определенно слышал.

Старик тем временем закончил петь и кивнул мальчику, который уже успел обрядиться в игрушечные латы, очень похожие на настоящие: шлем, кирасу, алый плащ. И в таком вот виде пацан вооружился копьем с длинным полосатым древком, оседлал палочку с головой коня и начал «наезжать» на дракона. Судя по комментариям старика-шарманщика, малец изображал исторический бой доблестного рыцаря с драконом. Дракон-недомерок охотно мальцу подыгрывал: щетинил гребень, пятился, щеря пасть, рычал и изрыгал из пасти пламя. Но факелок у него получался жидким, больше дыма, нежели огня, а шипение совсем не впечатляло. В финале «битвы» пацан таки умудрился ткнуть дракошу своим копьем прямо в «сердце», дракон испустил душераздирающий стон, опрокинулся гребенчатой спиной на брусчатку и «издох», задрав лапки. А «доблестный рыцарь» поставил на тушу ногу и победно протрубил в рог.

«Бой» закончился, публика заплодировала, в шляпу посыпалась медь и даже серебро. Дракон поднялся на лапы и начал раскланиваться во все стороны. Что ж, стоит признать, роль свою сыграл он неплохо. Тут я разглядел, что было написано на табличке, украшавшей его

грудь: «Дракон Мышат. Ранен в неравном бою с гоблинами. Подайте на лечение в Пьюатаре». Господи, везде одно и то же...

А меж тем мне стоило поторопиться. Великий маг вряд ли привык долго ждать. Я еще раз оглядел площадь и заметил подсказку. Еще один истукан держал над головой светящийся голубым фонарь и рукой указывал в сторону переулка. Я подошел к статуе, осторожно рассмотрел ее лицо. Те же грубые черты, тот же рот — щель, как у истукана на Мясной площади и у таверны. А лицо другое, совсем другое, нежели у тех, что попадались мне раньше.

— Не совсем приятное зрелище, да? А ведь когда-то этот парень неплохо пел смешные песенки. Теперь вот стоит столбом с легкой руки вашего О.Раньи, — услышал я за своей спиной. Повернулся, да так и замер. Передо мной стоял эльф, самый настоящий эльф. Высоченный, явно за два метра в высоту, в зеленом плаще, с белыми выющимися волосами. За спиной у него виднелся странно изогнутый лук и колчан со стрелами, на поясе висел короткий меч в богато украшенных ножнах. Судя по одежде, эльф был явно из знатных, пальцы его украшали серебряные перстни, на груди висела массивная, серебряная же цепь с крупными драгоценными камнями. Эльф щелкнул пальцем по носу истукана, хмыкнул, повернулся ко мне спиной и подошел к прилавку с цветами и кореньями. Тут же я вновь услышал его резкий, высокий властный голос:

— Эй, откуда у тебя цветы папоротника, смертный?! Отвечать! Отвечать мне! Такой папоротник цветет только в Эльфийских лесах! Смертным входить туда запрещено договором! Откуда у тебя (он сделал особо ударение на «у тебя») эти цветы? Ты не можешь торговать этими цветами!

Торговец, жабообразный мужчина с необъятным брюхом, кое-как затянутым в халат, гулко расхохотался. По всему устрашающий вид эльфа его совершенно не устрасил.

— Господин эльф, не хватайтесь вы за свой меч и не мечите таких молний из глаз, — прокотал жирдяй. — Это вам не Синие эльфийские леса, господин эльф, и не долина Синоры. Это Аррохон. Здесь торгуют чем хотят, когда хотят. Купите лучше корень мандрагоры, господин эльф, кстати, из тех же мест и...

Торговец не договорил — эльф ударил его заклятием. Так, не очень сильно ударил, скорее отвесил пощечину. Но вокруг толстяка немедленно образовалось голубоватое сияние, заклятие, скрикошетив, багровой молнией ушло в сторону и раскололо один из булыжников мостовой. Брюхо торговца заколыхалось:

— Ха-ха-ха... Шли бы вы дальше, господин эльф, если не хотите ничего покупать. А то ведь кликну магическую стражу, за применение магии на торге мало вам не покажется...

— Да как ты смеешь, презренный смертный, — прошипел эльф, в руках его оказался натянутый лук, но... Жирдяя за прилавком уже

не было. Да и самого прилавка тоже. Исчез! Вид у эльфа был более чем глупый.

Я хихикнул и снова повернулся на звук заигравшей шарманки. Оказалось, старик-шарманщик изъяслялся из шляпы звонкую монету и теперь на бис показал мастерство дрессуры: заставлял дракона выполнять команды «сидеть», «лежать», «голос», прикидываться мертвым, выть на луну. Дракончик работал добросовестно, я бы сказал — со рвением. Что ж, признаю, свою похлебку, или чем там кормят прирученных драконов, он заработал. Тут кто-то дернул меня за край плаща. Я обернулся, передо мной стоял мальчик, тот самый, что изображал рыцаря в бою с драконом. Он сурово смотрел на меня, сжимая в руках шляпу шарманщика, на дне которой позвякивала мелочь.

— Ты — чужеземец, — то ли спросил, то ли заявил малец, — издалека?

— Ну да, — ответил я удивленно. — А ты откуда...

— Тогда ты должен заплатить. В Аррохоне принято платить, если смотришь представления!

— Я бедный студент. У меня ничего нет.

— А ты поищи получше, — приказал пацан сурово.

Я снял с пояса опустевший кошелек, демонстративно вывернул его наизнанку. Куриная косточка сухо щелкнула по брусчатке.

— А говоришь, что нет, — сказал парень с явным презрением, быстро нагнулся, поднял косточку с мостовой и, воровато оглянувшись в сторону шарманщика, сунул ее за пояс. Во дела! Кость для оплаты сгодилась. Э, погоди, так эта та самая косточка, что я поменял на песочные часы в прошлый раз. Эй, пацан, а ну, погодь. Но пацана уже не видно. Ну и хрен с ним.

А дракон на площади уже ходил на задних лапах. Не знаю, сколько бы я еще наслаждался этим зрелищем, но тут на ратуше гулко ударил колокол. Половина двенадцатого. Мне пора к магу...

Знакомая дорога, знакомый дворец, те же истуканы с фонарями.

Двери открылись, едва я к ним приблизился. Сразу за дверями уже знакомый мне кот. Теперь на нем был ошейник, украшенный серебром. Кот глянул мне в глаза и разинул пасть: «За мно-о-о-о-о-о-оуй»...

Я приказу подчинился, спустился по лестнице и через пару минут входил в огромный зал.

Глава 10

Торг

Вот это другое дело! Вот это помещение вполне соответствует высокому рангу его владельца — великого мага: высокие сводчатые потолки, хрустальные люстры с тысячами свечей, на стенах зеркала, ковры и гобелены с гербом О.Раньи, по углам рыцари стоят с тем же гербом на щитах. Нет, скорее — это просто рыцарские латы. Центр зала украшал большой круглый стол с чашей в середине. Большая чаша, размером с таз для белья. Судя по блеску — золотая, на золотом же блюде. В чаше горел огонь, голубоватые такие языки пламени. Ну этот фокус нам известен — спирт наверняка. Или ром, как у пиратов.

За столом сидели... Ну, прежде всего, сидел сам великий маг О.Раньи. Теперь он был наряжен в серебристый камзол и черную, покрытую звездами мантию. Э-эээ, а кроме него кое-кто из сидящих здесь мне тоже знаком. К примеру, тот самый эльф, что ругался с продавцом цветков папоротника. Он сидел с надменным видом, водил по ногтям маленькой пилкой, то и дело посматривая в большое напольное зеркало. Кажется, он себе очень

нравился. Еще одним знакомцем оказался, к моему великому удивлению, старик-шарманщик. Правда, теперь он сменил свое тряпье на белоснежный, расшитый серебряными звездами плащ, да и лицом вроде как помолодел... Мальчик, развлекавший публику на площади, стоял тут же, за спинкой кресла шарманщика. Дракон мирно дремал у камина, таблички с просьбой пожертвований на его шее я не заметил. Рядом с драконом вальяжно развалился кот, указавший мне дорогу.

Помимо упомянутых лиц за столом сидели: еще один эльф, вернее — эльфийка в голубом плаще, и два натуральных гнома. И хотя раньше я гномов не видел, разве что в детских книжках и в кино, мне почему-то показалось, что это именно гномы. Оба были бородаты, коренасты, но ростом — с семилетнего ребенка. Чтобы видеть что-то со своих кресел, им пришлось сидеть на больших атласных подушках. Гномы о чем-то перешептывались, касаясь друг друга кончиками своих колпаков. И уж совсем я удивился, увидев за столом... орка в сверкающем золотыми звездами плаще. Орк сидел в кресле и мирно беседовал с эльфийкой, иногда щелкая пальцами, униженными перстнями. От его щелчков в воздухе появлялись бабочки самых немислимых расцветок. Видимо, орк просто развлекал даму. А дама была хороша, очень красивая девушка, я бы сказал — изящная. Встретил бы на улице — залюбовался, за

фото модель посчитал. Только огромные голубые глаза без зрачков, очень длинные, тонкие пальцы рук и заостренные ушки выдавали в ней представителя народа эльфов. Еще два кресла у стола оставались незанятыми.

Едва я вошел, сидящие за столом бросили свои занятия и уставились на меня. Я бы сказал — с явным любопытством. Интересно, что им маг про меня наплел? Надеюсь, только хорошее. А маг тем временем встал, сделал театральный жест рукой и представил меня:

— Вот, уважаемые коллеги, тот самый маг, о котором я вам говорил. Не обращайтесь особого внимания на его вид, сами знаете, внешность обманчива. На самом деле в теле моего слуги Реддиса сейчас находится очень могущественный маг из Запределья. И именно его предложение мы должны будем сейчас рассмотреть.

Предложение? Интересно, что господин О.Раньи имеет в виду? Как-то не думал я ни о каком предложении. Ты — мне, я — тебе, какое тут, на хрен, предложение? Сделка! Но вслух, конечно, я ничего подобного не сказал, а лишь послушно сел в указанное мне кресло. Сам великий маг садиться не спешил, он подошел к большим настенным часам, сложил руки на груди и безотрывно смотрел на циферблат. Интересно, чего ждет, чего высмотреть хочет? А, теперь понятно чего. Полночи он ждет, двенадцатого удара. Когда часы начали бить, я с трудом удержался, чтобы не заткнуть уши.

С такой акустикой казалось, что барабанные перепонки не выдержат. Как только стих двенадцатый удар, маг протянул к циферблату руку и остановил большую стрелку. И время остановилось.

Я не знаю, как мне это объяснить, но время, действительно, остановилось. Замер огонь на поленьях в камине, замерли язычки пламени на фитилях свечей, застыли в воздухе бабочки, выпущенные орком, даже воздух словно замер — один из гобеленов на стене в момент двенадцатого удара колыхнулся от сквозняка и теперь висел неестественно выгнувшись. Лишь в чаше на столе языки голубого огня продолжали свой магический танец.

— Надеюсь, коллеги, вы не против того, чтобы мы обсудили наши дела спокойно, без помех?

Никто не возразил, только девушка-эльф указала пальчиком на пустующее кресло и сказала:

— Господин О.Раньи, я вижу, наш коллега Сногт задерживается. Можем ли мы решать такой важный вопрос неполным составом Большого Магического Круга?

О.Раньи поморщился, глянул на орка и спросил:

— Господин Эллотт, вам что-нибудь известно о коллеге Сногте?

Орк удивленно глянул на пустое кресло, словно впервые обнаружил, что оно пусто:

— А что, его еще нет? Странно. Мы вместе ехали почти до самого портала Северных гор, но коллега Сногг сказал, что у него какое-то срочное дело в городе Аррохоне и он подойдет к самому собранию.

— Обычно он не опаздывает. Не случилась ли с ним беда? — подал голос один из гномов.

— Вряд ли, — покачал головой орк, — на нем был медальон защиты Орра. Даже не знаю, какая беда может случиться в Аррохоне с магом, защищенным этим амулетом.

— А что говорит закон Большого Магического Круга? Можем мы принимать решение без одного из членов круга? — громко спросил эльф, не переставая заниматься полировкой ногтей.

Господин О.Раньи задумался, потом щелкнул пальцами. Немедленно над столом возник развернутый свиток. Маг пробежался по нему глазами и отрицательно покачал головой:

— Судьбу предмета нашего сегодняшнего обсуждения может решить только Большой Магический Круг в полном составе... Даже не знаю, что теперь и делать? Может быть, подождем?

И тут медальон на моей груди пришел в движение, словно мобильник в режиме вибрации.

— Скажите, а вашего... коллегу не могла задержать ночная стража? — неожиданно для самого себя спросил я.

— Ночная стража? — удивленно переспросил О.Раньи.

— Да, стража. Когда я входил в город, то видел в клетке на внутреннем дворе сторожевой башни двух орков. Одного очень крупного и второго — седого. Капитан стражи господин ДэЭйрс сказал, что их задержали на улице Кузнецов. У одного из них был медальон, и он дал мне его с просьбой выкупить.

Я распахнул плащ и продемонстрировал подарок седого орка.

— Проклятье! — вскричал господин О.Раньи. И словно от этого крика свиток с законами немедленно растворился в воздухе. — Как я мог забыть?! Последним договором о замирении оркам запрещено появляться в городе с наступлением темноты, и вполне естественно, что стража его схватила.

— Но почему в этом случае он не воспользовался порталом в квартале Магов? — поинтересовалась девушка-эльф.

— Я же говорю, у него было какое-то дело в Аррохоне, — охотно пояснил орк.

— А медальон почему не применил? — хмыкнул эльф. — Или орки после последней войны разучились заговаривать свои амулеты?

В воздухе сверкнуло. Небольшая такая молния. Пара бабочек осыпалась прахом на мраморный пол. Придя в себя, я обнаружил, что все сидящие за столом окружены голубоватым

сиянием купола защиты. Кроме меня, грешного.

— Прошу вас извинить меня, не сдержался, — прижал лапу к груди орк, сверля эльфа полным ненависти взглядом. — Но я прибыл сюда не для того, чтобы выслушивать, как оскорбляют мой народ.

Сияние вокруг присутствующих медленно погасло, а О.Раньи, словно и не заметив инцидента, задумчиво сказал:

— А медальон он не применил, чтобы не было лишних жертв. Благодарю вас, коллега, за сообщение, сейчас я все исправлю.

Маг подошел к часам, двинул стрелку и щелкнул пальцами. Время снова двинулось. Заплясали языки огня в камине, запорхали над столом бабочки, чуть покачнулись перья на шлеме рыцаря в углу. О.Раньи вернулся на свое место и громко крикнул:

— Эй, кто там!

Дверь зала немедленно открылась, и на пороге возник лакей в ливрее с вышитой змеей. Оказывается, есть у великого мага живые слуги в замке, или он тоже, того...

— Пойдешь к сторожевой башне, — сказал маг, снимая с пальца перстень, — найдешь капитана ночной стражи господина ДэЭйрса. Скажешь, что задержанный им седой маг-орк — мой гость в эту ночь. Отдашь ему перстень и благодарность от меня.

Лакей принял перстень, низко поклонился и, пятась задом, исчез за дверью. А великий маг подошел к часам, почесал в задумчивости бородку и перевел стрелку часов на пол-оборота вперед.

Трудно передать словами, что я почувствовал вслед за этим. Словно попал в фильм, который крутят на ускоренной перемотке: бабочки носились вокруг, словно заведенные, эльф наяривал пилкой по своим ногтям, словно задумал стесать их до костей, взявшийся говорить гном жестикулировал так, словно отбивался от роя диких ос. Продолжалось все это недолго, не больше минуты, но когда течение времени восстановилось, я почувствовал, что вот-вот из носа хлынет кровища.

— Прошу простить меня, коллега, — прозвучал голос мага, — я совсем забыл, что в нашем мире вы не...

О.Раньи не договорил и протянул мне белый платок. Тот соскользнул с пальцев мага и без чужой помощи перелетел через стол. Утирая нос, я случайно перехватил взгляд орка. Тот без отрыва смотрел на покрытый алыми пятнами платок и жадно облизывался. Встретившись со мной взглядом, он явно засмутился и начал рассматривать свой перстень на указательном пальце. Но самое удивительное: в соседнем с ним кресле теперь сидел тот самый седой орк из клетки. Он с улыбкой поглядывал на меня, разглаживая серебристый плащ на

своей груди. Интересно, и как он тут появился? Когда успел? А, опять штучки магов...

— Если не ошибаюсь, мне стоит поблагодарить вас, юноша? — сказал седой орк хриплым голосом. — Иначе сидеть бы мне всю ночь в клетке, как дикому зверю. Считайте меня вашим должником.

Я пожал плечами, а господин О.Раньи снова остановил время и сказал:

— Что ж, ход времени остановлен, тем более, не будем терять ни минуты. Скажу коротко, этот юноша — маг из Запределья. Он хочет стать посвященным в Большой Совет, а значит, получить часть Того, Что Не Имеет Названия.

За столом воцарилась тишина, потом один из гномов хохотнул. Второй немедленно его поддержал, через пару секунд хохотали все сидевшие за столом за исключением меня, мага О.Раньи и того самого седого орка. Но и он улыбался, показывая крепкие белые клыки.

— А больше ваш запредельный маг ничего не хочет? — все еще хохоча, спросил эльф. — Может, ему больше подойдет Кольцо Небесных Сфер? Ха-ха-ха...

— Или Перстень Повелителя Драконов? Хи-хи-хи... — добавил гном, одетый в алое.

— А может, он хочет Скипетр Абсолютной Власти? Гы-гы-гы... — хохотал орк, названный Эллоттом.

О.Раньи нахмурился и поднял руку. Смех за столом медленно затих:

— Благодарю вас за прекрасное чувство юмора, коллеги, — сказал он сквозь сжатые зубы, — однако вы еще не услышали, что он предлагает взамен.

— Ха, есть ли что-либо сравнимое по ценности с Тем, Что Не Имеет Названия? — спросил эльф, снова берясь за пилочку.

— Судите сами, — сказал О.Раньи и щелкнул пальцами. В том самом месте над чашей, где еще недавно висел свиток законов, теперь возникла книга. Старинный фолиант в обложке из телячьей кожи завис в полуметре от поверхности стола и медленно вращался, словно экспонат на выставке. На обложке его тускло поблескивала змея, кусающая себя за хвост.

Появление книги явно не осталось незамеченным среди присутствующих. Оба гнома как по команде выкатили глаза и раскрыли рты. Шарманщик сказал: «Эхма!» и переглянулся с драконом, эльф вскочил с места и даже протянул руку, словно хотел книгу схватить. Лысый орк скривился, словно от зубной боли, седой, напротив, улыбнулся. А в руках эльфихи появился зеленый прутик сантиметров двадцати в длину, и она крепко сжимала его тонкими пальчиками.

— Надеюсь, нет смысла долго объяснять, что это такое, — сказал О.Раньи. — И заметьте, никто уже не смеется.

— Но... но это полностью меняет дело, — сказал один из гномов смущенно. — Книга Непознанного очень дорогого стоит.

Ну, наконец-то я узнал название этого манускрипта. Книга Непознанного, значит. Ничего себе названьице, креативненько.

— Только хотелось бы выяснить, откуда она у него, — сказал один из гномов. — Если это действительно то, о чем мы все думаем.

— Смею вас заверить, это она, — сказал маг и, сделав пальцем движение в воздухе, открыл книгу, перевернул первую страницу, — надеюсь, вы все узнали руку Безымянного Мастера.

Судя по воцарившемуся молчанию за столом, руку узнали все. Хотя я лично никакой руки не заметил.

— Но мы видим образ книги. Где сама книга? — не унимался эльф.

— Книга находится там, где и находилась долгие годы до этого — в Запределье, — спокойно ответил О.Раньи. — Но может очутиться здесь, если мы согласимся отдать этому магу то, о чем он просит.

— А как же ваша бесценная жизнь, господин О.Раньи? — спросил эльф насмешливо. — Если мы отдадим то, о чем он просит, тогда...

— Ириз, я всегда уважал твоего отца, — резко оборвал эльфа маг, — но вижу, он не тра-

тил много времени на твое воспитание. Моя жизнь — это моя жизнь, и только мне судить о ее ценности. И хоть время остановилось, я не хочу тратить его на пустую болтовню. Что касается дела, я ставлю вопрос четко: согласен ли Большой Магический Круг Средиземья отдать часть Того, Что Не Имеет Названия, в Запределье — взамен на Книгу Непознанного, написанную рукой Безымянного Мастера? Прошу высказываться и голосовать. По традиции первым выскажется младший. Говори, Ириз, сын великого зеленого мага Ароина, правителя Эльфийских лесов, чье имя ты тут представляешь.

— Но почему я?! — возмутился эльф. — Я представляю здесь своего отца, старейшего из вас, следовательно — должен говорить последним.

— Есть закон, и он гласит, что первым должен высказываться младший по возрасту, чье бы имя он ни представлял, — объяснил О.Раньи с нотками раздражения в голосе. — По возрасту сегодня младший — ты. Говори либо отказывайся от слова до голосования.

— Тогда я скажу. Да, скажу! Я скажу решительное нет! — с ходу заявил Ириз, поднявшись с кресла. — Конечно, Книга Непознанного бесценна, но мы не можем нарушать равновесия в природе. Мир Запределья почти неизвестен нам, но это враждебный мир. Что мы знаем о нем? Что там главенствует одна-единственная раса. Я не расист, но захотели бы вы, уважа-

емые коллеги, жить в мире, где правит одна раса, а остальные вынуждены быть рабами или веками скрываться?

Я сидел и офигевал от таких слов. Он что, про наш мир говорит? С чего это он взял про одну расу и про рабов? Это он наших китаезов рабами считает? Или афроамериканцев? А эльф продолжал с не меньшим напором:

— Да, нарушится равновесие! Вспомним, чем закончилось та история, когда мы приняли в наш мир того мага из Запределья?

— А чем, собственно, закончилось? — с явной иронией в голосе переспросил орк Эллот. — Маг научил нас делать арбалеты, и эльфы умылились со своими луками...

— Чушь! — вскричал эльф. — Никогда и ничто не сравнится с эльфийскими луками! Но я говорю не о них, я говорю о равновесии сущего, а Книга Непознанного может внести хаос в наш мир. Ведь тот, кто получит ее, станет не только всемогущ, но и... Я даже слова не могу подобрать, чтобы описать возможности владельца этой книги.

— Ириз, — сморщилась девушка-эльф. — Господин О.Раньи прав, тебе действительно следует чуть меньше упражняться в стрельбе и чуть больше сидеть в библиотеке твоего отца. Закон Большого Магического Круга гласит, что Книга Непознанного может принадлежать только всем магам Большого Совета. Я права, господин О.Раньи?

Маг лишь утвердительно кивнул, и я почувствовал облегчение. Судя по насмешливой улыбке, которой эльфийка одарила взбалмошного эльфа, они не в восторге друг от друга. А я-то думал, что все эльфы заодно.

— Я голосую за, — сказал, поднимаясь с кресла, орк, названный Эллотом. Видимо, по возрасту он был моложе всех, за исключением Ириза. — Если вспомнить, сколько сил потрачено на поиск этой книги... Тем более, мы отдаем в мир Запределья лишь часть Того, Что Не Имеет Названия. Я за!

Орк уселся на свое место, дружелюбно кивнул своему соседу. Седой орк встал, скрестил руки на груди:

— Книга Непознанного, мудрость, в ней заключенная, — это конец споров и путь к миру в нашем мире. И это серьезное оружие против нежити. Народ орков севера — за.

— Это потому, что в этой книге вы, орки, надеетесь найти старые карты со старыми границами, — подал голос Ириз, — ха-ха, надейтесь сколько угодно, в любом случае не видать оркам наших лесов.

Орк лишь хмыкнул в ответ. А я снова удивился, потому что с места поднялся О.Раньи. Я-то думал, что он тут самый старший. Впрочем, куда людям в долгожительстве с гномами мериться, тем более — с эльфами, они, говорят, вообще бессмертные. Маг был краток:

— Помимо соображений общего блага я, не скрою, имею в обмене и личный интерес. Этот великий маг в образе юноши оказал мне огромную услугу. Я — за!

— Благодарю вас, коллега, за искренность, — донеслось из угла зала. Я и не заметил, как старик-шарманщик очутился у камина. Он сидел на скамеечке, грея спину о застывшее пламя камина, и чесал дракона за ухом. — Хотя я и не сторонник того, чтобы магические артефакты передавались в другие миры, но все же... Книга Непознанного... Сколько лет я мечтал заглянуть в нее хоть одним глазком. И вот появляется шанс... Я — за!

— Народ гномов гор давно ждал этого, у нас даже легенда такая есть, что придет юноша из другого мира и принесет нам Книгу Всего Непознанного. Я — за! — важно сказал гном, одетый во все темно-красное, и театрально вскинул руку. Выглядело это так забавно, что я едва со смеху не прыснул. Представьте себе мужичка ростом с первоклассника, который размахивает короткими ручками и важно трясет бородой, рассуждая о высоких материях.

Второй гном был наряжен во все зеленое, он дождался, пока его коллега заберется обратно в кресло, и тихонько поднялся в воздух. Как небольшой бородатый дирижабль. Взмыл, завис таким образом и сказал:

— Полностью присоединяюсь к своему коллеге, тем более у нас есть положительный

опыт общения с магами Запределья. Помните, как его... этот...

— Толкиен, — подсказал второй гном.

— Да, Толкиен, все время забываю его имя. Если помните, тогда тоже многие сомневались, стоит ли отпускать его обратно в Запределье? И что? Ничего страшного не произошло. Наши народы стали обладателями бесценного эпоса законов рыцарства, а народы Запределья узнали нашу великую историю. Пусть и несколько упрощенную. Что в этом дурного? Я — за!

Черт, неужели эта обалденная деваха с острыми ушками и есть самая старая в этой пестрой компашке? Кто б мог подумать? А эльфийка встала и, постукивая прутиком о ладонь, сказала:

— Народ синорских эльфов уже больше ста лет не знает войн, и нам это нравится. Книга Непознанного — хороший шанс установить вечный мир. И хотя я лично никогда не верила в существование Книги Непознанного, рада признать свою ошибку. Я — за!

— Что ты говоришь, Иолли?! — вскочил со своего места Ириз. — Ты, бессмертный эльф, хочешь, чтобы смертные узнали наши тайны, стали равными нам?!

— Делиться знаниями, что может быть благородней? Разве не так говорил твой благороднейший отец?

— Да, но... — замялся эльф. — Не для всех знания безопасны. Попробуй дать гоблину заговоренный рыцарский меч или наши магические стрелы. Что хорошего из этого выйдет? Разве ты не понимаешь этого?!

— Успокойся, Ириз, — поднял руку О.Раньи, — ты уже имел возможность высказаться. Ну и, наконец, старейший из магов...

Я еще раз глянул на присутствующих в зале. Нет, великий маг чего-то перепутал, все восемь персон на месте, семеро за столом, один — у камина с драконом. И все они уже высказались. Оказалось, это я поспешил. Девятым и старейшим магом Большого Круга оказался... дракон. Он поднялся, неспешно подошел к столу, сел, совсем как собака, на задние лапы, расправил и сложил крылья, словно разминаясь, и заговорил-зашипел, показывая длинный раздвоенный язык. Нет, не назвал бы звуки, издаваемые им, речью. Но от них в голове возникали какие-то образы, видения, понимание сущности вещей. Если попытаться перевести все это в привычные нам слова, получилось бы примерно так:

— Народу драконов известно, что в мире Запределья почти не осталось наших собратьев. Это прискорбно. Также народ драконов против всяческого пересмотра границ. И тем не менее, от имени древнего народа драконов я голосую за. У нас в лапах окажется Книга Непознанного, а значит, народ драконов наконец

сможет жить в гармонии с остальными народами, как учил Великий Безымянный Мастер.

— Шут гороховый, — пробурчал со своего места эльф. — Хрен вы теперь совете хоть одно гнездо в Эльфийских лесах.

О.Раньи пропустил реплику эльфа мимо ушей и поднял обе руки. Из чаши на столе вырвался язык пламени.

— Выбор сделан, великие маги, — сказал О.Раньи, — совершите, что должны совершить.

Оказывается, маги должны были положить на края блюда свои волшебные палочки, и первым это сделал сам великий маг, громко и торжественно сказав:

— Великий повелитель змей, черный маг Аррохонский — за!

Палочка у мага была из черного дерева с хрустальным шариком на конце. Или это не хрусталь? Неужели это алмаз величиной с куриное яйцо?

— Хранитель тайны камней, великий изумрудный маг Северных гор Бианн — за!

Не удивлюсь, если палочка у гнома была из чистого изумруда, а у рубинового мага подземелий Суарры Саттара — из рубина. Хотя не представляю, что ж это за кристаллы такие, из которых получились «палочки» толщиной в большой палец и тридцати сантиметров в длину. Впрочем, гномы, они по камням и драгметаллам — самые главные спецы, у них и не такое бывает. Рубиновый маг, кстати, оказался

в звании великого хранителя ключа недр. А с виду такой коротышка.

Шарманщик престал греть свой бок у камина, подошел к столу и представился Лониром — великим белым Магом Странствий и повелителем ветров. Палочка у него была обычная — словно грубо оструганная ножом ветка.

Орк Эллот, оказавшийся великим золотым магом и хранителем сокровищ Морона, положил на край блюда железную палочку, точнее — металлическую, она явно звякнула о золото. На конце ее блестел какой-то предмет, похожий на звериный коготь. Почти такая же палочка была и у седого орка — великого серебряного мага, хранителя сил Орра, только вместо когтя был небольшой диск. Эльфийка назвалась великим голубым магом, хранителем озер и дельты Синоры, покровителем таежных ведьм, и тоже положила на край блюда свой прутик.

Теперь на краю блюда лежало семь магических жезлов, семеро магов молча смотрели на восьмого.

— Я голосую против, поэтому я, Ириз, сын великого зеленого мага Эльфийских лесов, повелителя сил живого древа Ароина, чье имя я здесь представляю, не положу своего жезла к чаше огня, — сказал Ириз с вызовом, поднимая над головой короткую стрелу с серебряным наконечником и оперением.

— Ириз, ты можешь голосовать как угодно, но жезл свой на блюдо положить обязан, — тихо, но твердо сказал О.Раньи, — таков закон.

— Ах, закон, — Ириз театрально расхохотался, — так знай же, повелитель змей О.Раньи, и все вы знайте. Если Большой Крут Магов не считается с мнением эльфов, то и эльфы не желают считаться с желаниями магов Большого Круга.

— Не говори за всех эльфов, Ириз! — громко крикнула Иолли.

— Да какие вы эльфы?! — Ириз стал во весь рост. — Иолли, вы давно перестали быть эльфами. Эльфы — это прежде всего воины, а вы... Да вы, озерные, уступили всем все что можно ради вашего позорного мира. И оркам, и людям, даже ваши горы дырявы от нор гномов. Да вы...

Похоже, этот Ириз — тот еще подарок. Очень мне напомнил Витьку Коршунова с соседней улицы. Он как-то отличился на обще-школьном комсомольском собрании. Ему комсорт выволочку устроил, за то, что Витька за девками в раздевалке подсматривал перед физкультурой, а Витька в ответ: «А ты, комсюк, джинсами на переменах фарцуешь». Парторг школьный хотел его к порядку призвать, а он и ему правду-матку прямо при всех: «У вас, Петр Иванович, жена больная, да детей трое, а вы химичку-практикантку после уроков в лаборатории за сиськи тискаете». В общем, выгнали Витьку из ВЛКСМ, а ему хоть бы хны, тем

более через год сам комсомол медным тазом накрылся.

Ириз тем временем закончил перечислять грехи Озерных эльфов и стоял, тяжело дыша.

— Ты закончил свою речь? — поинтересовался О.Раньи. — Тогда просто положи жезл на блюдо.

— Никогда! — рявкнул Ириз, резко оттолкнул кресло, так, что оно упало, и двинулся к дверям. Но двери не открывались, не открылись они и после того, как эльф направил на них свой жезл и произнес заклинание. Так, обуглились немного.

— Коллеги, надеюсь, вы не против, если я применю магию? — спросил О.Раньи. — А то этот юноша разнесет мне весь дом.

Маг взял свой жезл, начертил в воздухе треугольник, что-то прошептал, и рыцарские латы вдоль стен с жутким скрежетом пришли в движение. Ириз пробовал сопротивляться, но с таким же успехом пьяный футбольный фанат может отбиваться от пары злых омоновцев. Правда, одному из рыцарей он все-таки вмазал заклинанием, оторвав «руку» и сбив шлем, зато трое оставшихся стиснули эльфа своими железными тушами и таким вот образом доставили обратно к столу.

— Хорошо, я подчинюсь насилию, — крикнул эльф, покраснев лицом, — но знайте — Лесные эльфы против!

— Это право Лесных эльфов, — спокойно сказал О.Раньи. — Устав Магического Круга

гласит, что голосовать должны все, а «за» или «против» — это личное дело каждого.

Маг снова махнул палочкой, Эльф швырнул свой жезл на стол. Едва он коснулся края блюда, из чаши вырвался сноп голубого огня, пришлось даже зажмуриться. Открыв наконец глаза, я увидел, что все жезлы магов стали светиться и помигивать, словно лампы дневного света с неотрегулированным стартером, а к столу подходил дракон. Он вроде как увеличился в размерах и выглядел совсем не так смешно, как во время представления на площади. Дракон расправил крылья, вытянул шею и выпустил сноп пламени прямо в чашу. В мгновение свет в зале погас, только языки голубого пламени продолжали вырываться из чаши. О.Раньи перегнулся через стол, протянул руку и опустил ее прямо в огонь.

— Свершилось, — сказал маг громко. Он обошел вокруг стола и уже стоял около меня, протягивал небольшой кубок с горящим содержимым.

— Выпей это, — приказал маг.

Черт, когда мы заключали с магом сделку, никто не предупреждал, что придется пить горящий спирт. Но что делать, придется подчиниться. Я взял кубок, закрыл глаза и поднес его к губам. Пламя не обжигало, а в кубке был совсем не спирт. Что-то сладкое с привкусом полыни. Абсент? Едва вернув кубок в руки мага, я почувствовал головокружение и провалился в сон.

* * *

Проснулся я от того, что где-то рядом истошно заорал петух. Поднял голову, огляделся по сторонам. Я лежал на кушетке в той самой комнате, где когда-то общался с магом О.Раньи, а петух-крикун был совсем рядом — маленький, но с очень ярким оперением петушок в золотой клетке на маленьком круглом столике. Вот, блин, будильник нашелся.

Великий маг О.Раньи в своем простом одеянии — широкой белой рубаше сидел в кресле, похожем на трон, и играл в шахматы со стариком-шарманщиком. Фигур маги не трогали, те переходили с клетки на клетку сами. На удобном диванчике у стены с большим гобеленом, изображающем битву дракона с рыцарем, сидела девушка-эльф. На коленях у Иолли дремал уже знакомый мне кот, а в углу тихонько наигрывал музыкальный ансамбль инструментов без музыкантов.

— Проснулся? — спросил маг и положил на стол довольно толстый свиток. — Вот, это твоя доля. У тебя мало времени, советую поторопиться. И не забудь выполнить обещание, данное коллеге Сноггу.

— Обещание? — спросонья я не мог вспомнить ни о каких обещаниях.

— Да, ты обещал его выкупить, вот деньги. — Маг положил рядом со свитком звякнувший мешочек. — А теперь уходи. Бери свою часть книги и уходи. Но здесь не смотри, посмо-

тришь там, у себя, — сказал маг, отвернулся и сделал ход конем.

Не очень трогательные слова на прощание, я, признаться, ожидал чего-то другого.

Ну не в десны целоваться, конечно, хотя бы «пока, до встречи». Но... хозяин — барин. Я взял со стола свиток, бережно уложил его в суму, устроил ремень сумы на плече. В последний раз глянул на магов, причем мне показалось, что шарманщик мне весело подмигнул. Отдельно и почтительно кивнув эльфийке, я пошел к дверям.

Внизу все было, как вчера. Лишь рыцарские латы без правой железной перчатки и шлема продолжали топтаться на лестнице, то и дело ударяясь о перила. Ослеп он, что ли?

Все! Домой! Хватит с меня этих магов, этих орков, этих эльфов! Их магических штучек и непонятных мне разборок. Хочу домой, к асфальту, теплomu совмещенному санузлу и телевизору. И как можно быстрее. Если с площади Мясников свернуть в Веселый квартал, а наискосок, через Горшечную улицу...

Они появились, как в песне, из-за угла. Трое, в одинаковых серых колпаках, с почти одинаковыми ножами в руках. Скорее даже не ножами, а тесаками с широким лезвием, такие обычно в ходу у мясников. Вышли, перегородили узкую улочку. Не иначе как будут просить закурить. Испугался ли я? В первый момент нет.

В первый момент я начал проклинать себя на чем свет стоит — зачем не пошел привычной дорогой через площадь Мясников? Зачем решил срезать и пойти через квартал Кузнецов? «Наискосок быстрее, наискосок быстрее»! Вот сейчас аукнутся мне эти искоски.

Один из серых, подойдя ко мне вплотную, без всяких просьб закурить протянул руку к моей суме. И что делать? Орать «Караул, грабят!»? А толку? Вот тут я, действительно, испугался. И не книги мне стало жалко. Что ни говори, а без сумы в свой мир мне не вернуться, там же свиток с заклинаниями. Кричать разбойникам: «Возьмите все, оставьте свиток»? Послушают ли? Зачем брать часть, когда можно взять все? Что же делать? Отдать суму и молить, чтобы не тронули?

Наверное, логичнее было именно так и поступить. Их ведь трое, и у них тесаки. Но... во-первых, они встали неправильно — двое маячили за спиной вожака, вместо того, чтобы окружить меня. Во-вторых, я все-таки был парнем с Садовой, поэтому поступил так, как учила улица с детства. Я покорно снял суму с плеча, левой рукой протянул ее грабителю, а когда тот взялся за ремень и на мгновение, всего на мгновение переключил все внимание на нее (не исключено, что его приятно удивил вес сумы), я дернул ремень на себя и нанес удар. Двумя пальцами, указательным и средним, в глаза. А когда грабитель завыл, бросил тесак и

схватился обеими руками за лицо, ударил его в горло, прямо в кадык, отправив в объятия подельников.

После этого надо было делать только одно: бежать, и бежать очень быстро. И я убежал бы, точно убежал! Если бы не эти чудовищные башмаки. Почти сразу один из них сполз на пятку, я захромал, споткнулся и кубарем покатился по улице, не выпустив, однако, сумы. Единственно, что я успел, когда преследователи настигли меня — перевернуться на спину и закрыть лицо руками в ожидании неминуемых ударов. Ударов не было, зато медальон на моей груди вдруг стал горячим.

А потом кто-то дико закричал. Клянусь, такого крика я не слышал в жизни. Орал человек, словно ему живьем вырывали потроха. Впрочем, так оно примерно и было. Убрав руки от лица, я стал свидетелем незабываемой сцены. Огромный орк, тот самый, с синяком под глазом, с глухим рычанием рвал на части одного из грабителей. Второй лежал здесь же с неестественно вывернутой головой. Там, где должно было быть его лицо, почему-то был затылок. Сверху что-то пискнуло. Я глянул вверх — румяная физиономия, увенчанная смешным ночным колпаком, паялилась на происходящее из окна второго этажа и беззвучно шевелила губами. С большим трудом я разобрал, что все-таки пытается сказать потревоженный горожанин: «Стража! Стража!» Где ж ты, сволочь,

раньше был, когда меня прессовали? Встретившись со мной взглядом, толстяк мгновенно испарился, ставня захлопнулась.

Орк бросил еще дергающееся в агонии тело, повернулся ко мне лицом, то есть мордой, и... подмигнул. Совсем по-человечески.

— Чем могу еще помочь хозяину? — прорычал-прохрипел орк, изобразив что-то вроде поклона.

Мать моя женщина! Так я теперь еще и хозяин? У меня есть свой раб лампы, то есть раб медальона. Ну спасибо, господин маг, удружили бедному студенту. Совсем не так, как подобает хозяину, я встал на четвереньки и лишь потом поднялся на ноги. Глянул на растерзанные тела и отвернулся. И в этот момент услышал свист стрелы. Наверное, это было бы последнее, что я услышал в своей жизни, если бы не орк. Он щерил свои ужасные клыки, демонстрируя мне стрелу, зажатую в кулаке. Тут же я увидел и стрелка. Это был эльф, настоящий эльф в зеленом плаще, с луком. Эльф медленно натягивал этот самый лук, целясь уже в моего защитника. Свистнула стрела, орк громко захохотал, поднимая высоко над головой второй трофей с оперением. И тогда эльф, не надеясь больше на лук, ударил орка заклятием. С очень близкого расстояния ударил. Но заклятие срикошетило от орка, как горошина от стены. Через минуту эльф уже хрипел, стискиваемый лапами орка, а я все никак не мог понять, что

к чему. Меня хотели ограбить какие-то головорезы, а потом меня решил убить эльф. С какой стати, что я ему сделал? А спас меня громила, появившийся из медальона.

— Господин, вы будете допрашивать этого бледнокожего уроды? — поинтересовался орк.

— Да, действительно, господин эльф, а зачем вы хотели меня убить? — возмутился я.

— Ты не должен... не должен уносить Это из Этого мира, — прохрипел пленник, которому очень мешала говорить когтистая лапа на горле.

— А какое вам дело до того, что мне дал господин О.Раньи? — резонно возразил я.

— Ты не понимаешь... Это не должно... Нарушится равновесие... Отдай его мне.

— Ага, щас, разбежался! А ну-ка... как тебя? — спросил я орка.

— Мое имя Орт, но вы можете звать меня просто раб, хозяин, — ответил орк.

— Нет, раб мне не нравится, пусть будет Орт. А ну-ка, Орт, дай этому красавцу по шее, и пусть проваливается.

Униженный эльф уже не пробовал меня убить, он совсем раскис и хныкал, наблюдая, как Орт ломает его лук и стрелы о колено. И лишь когда мы отошли на приличное расстояние, осмелел и осыпал нас проклятиями. Орт отбил их одним движением мощной лапы.

До городских ворот мы добрались уже без приключений. Завидев вооруженных людей

у еще дымящегося костра, орк повернулся ко мне и выразительно глянул на медальон. Что? Домой хочешь? Ну давай, я не против...

* * *

Медальон на груди внезапно ожил и завибрировал. С чего это он? Ах да, я же обещал выкупить у стражи седого орка. Но ведь он был в доме О.Раньи. Или это был не он? Да нет же, он. Он же еще благодарил меня. Так с какой стати ему быть опять в клетке? Как у них тут все запутанно...

— Ну что, пошли выручать твоего хозяина, — сказал я, когда мы миновали улицу Кузнецов.

— Вы мой хозяин, господин, — ответил орк, — я готов идти с вами куда угодно. Вы не против, если я пока побуду в медальоне? Мне надо восстановить силы. Если понадобится, только коснитесь амулета Орра.

Орк низко поклонился, протянул лапу к медальону и... его словно втянуло внутрь маленького диска.

Успел я вовремя — ночная стража как раз закончила свои бдения и дожидалась смены. Сонные стражники вяло мне салютовали, господин Дэйрс, закутанный в плащ, дремал на бочке, привалившись спиной к стене башни. Прежде чем обратиться к капитану, я глянул на клетку. Седой орк сидел в одиночестве у прутьев, встретившись со мной глазами, он под-

мигнул, похлопал по груди, словно хотел сказать: «Что, пригодился медальончик-то?» А то, конечно, пригодился.

Я подошел к капитану и осторожно звякнул мешочком золота о стену. Господин Дэ-Эйрс моментально открыл глаза.

— Что? Где? Какого дьявола, змея мне в потрох?! А, господин студент, чего-то ты рано. Чего это ты мне суешь?

— Тут золото, господин капитан. Тридцать монет. Выкуп за орков.

При словах «золото» и «тридцать монет» господин Дэ-Эйрс окончательно проснулся. Он взял кошель, взвесил его в руке. Потом глянул в сторону клетки.

— Тут такое дело, господин студент. Представляешь, один орк ночью сбежал, змея мне в потрох. Вот только что был, раз, и нет его. Только один хилак и остался.

— Хорошо, я возьму одного за те же деньги.

Капитан прищурился:

— Хорошо! Господин студент не только гениальный сочинитель, он еще и безумно щедр! Хотя... по уставу я должен сдать его коменданту крепости и...

— Так вы не берете золото? — «удивился» я, протягивая руку за кошельем.

— Беру, беру, — Дэ-Эйрс прижал кошель к груди. — Черт с ним, с комендантом. Только скажи, на кой черт тебе этот урод?

— Мне незачем, — пожал я плечами, — а вот господину О.Раньи...

Капитан закивал головой, прижал палец к губам, всем видом показывая, что все понял, и дал знак стражникам открыть клетку. Тут я разглядел на пальце капитана перстень в виде змеи, показавшийся мне очень знакомым. Не с пальца ли он господина верховного мага?

— Эй, бездельники, хватит дрыхнуть, змея мне в потрох! Господин лейтенант, ключи от клетки у вас? Так отоприте же ее скорее...

Заскрипели ворота, загрохотал механизм подъемного моста. Тут же пришлось посторониться, чтобы пропустить закованного в броню рыцаря в окружении герольдов, оруженосцев, челяди и прочей прислуги. Сразу за ними в ворота вышел отряд в два десятка лучников. Готов поспорить, это были те самые лучники, что стояли на прилавке у мага-торговца на площади. Только сейчас они были большие, в человеческий рост. Сунувшийся было за ними крестьянин на телеге вдруг натянул вожжи и громко крикнул «Тпр-р-р-у!» Увидел нас с орком, испугался. Сногт хмыкнул и первым ступил на мост, я поспешил за ним. А он как будто заранее знал дорогу. Молча мы дошли до кладбища. У самых ворот орк остановился и повернулся ко мне лицом:

— Ты помог мне, чужестранец, я благодарен тебе, — сказал он чуть хрипловатым голосом.

— Это вам спасибо, вашему амулету. Я должен его вернуть?

— Нет, оставь себе. Он может еще пригодиться. Я провожу тебя.

— Ничего не понимаю. Почему вы хотите мне помочь, а эльф, наоборот, пытался меня убить? И этот, Ириз, тоже... Эльфы, если по книгам, ведь добрые.

— Эльфы? По книгам? — скривился Сногг. — Эльфы бессмертны, а то, что ты несешь с собой — путь к бессмертью. Эльфы этого не любят, ты нарушаешь их монополию. Теперь тебе надо быть очень осторожным и здесь, и в твоём мире.

— Но в моём мире нет эльфов. Гномов и орков тоже нет.

— Расхожее заблуждение, — усмехнулся седой орк и первым вошел на кладбище.

Без Сногга у меня не было бы ни малейшего шанса. Ни единого! Не знаю, как эльфы узнали место перемещения, но засаду они устроили мастерски. И если бы не Сногг, лежать бы бедному Реддису у этого пня с дюжиной стрел в спине. А интересно, что стало бы со мной в том, нашем мире? Впрочем, не об этом надо думать. Где же этот чертов трут?! Я вывернул суму наизнанку, но трута и кремния не было. Чем же зажечь свечи? Без свечей пентаграмма бесполезна.

— Что-то не так? — крикнул Сногг, заметив мое замешательство.

— Огонь, мне нужен огонь, — лепечу я умоляющим голосом.

Орк что-то презрительно рычит, видимо в переводе на человеческий это означает: «Тоже мне маг, огня добыть не может». Он щелкает пальцами, фитили всех пяти свечей разом вспыхивают. Пентаграмма начинает светиться, но медленно, очень медленно.

Стрелы с глухим стуком отскакивают от магического защитного купола, сотворенного седым орком Сногтом, а я торопливо готовлюсь к возвращению домой. Поторопиться стоит — эльфы прибывают, и защитный купол становится все тоньше с каждым попаданием стрелы. Хорошо еще, Орт выручал, он порой выскакивал за край защитного купола и так махал свой дубиной, что зеленым плащам пришлось отступать в кроны деревьев. У меня на глазах он достал дубиной сразу двух стрелков, не успевших вскарабкаться по стволу дуба, но тут же стал похож на дикобраза — в спину его вонзилось не меньше дюжины стрел. Орт покачнулся, упал на четвереньки и в таком вот виде вполз обратно под защитный купол.

— Мне нужно в амулет, — простонал он, бессильно падая к моим ногам.

Я снял медальон с шеи, не зная, как его употребить. Но Орт просто протянул лапу, коснулся медальона и немедленно исчез.

— Сколько времени тебе нужно? — крикнул Сногт, с трудом удерживая купол.

— Минут десять, — ответил я, дрожащими от холода губами. — Может, семь.

— Плохо дело. Их слишком много, скоро я просто не смогу их сдерживать.

Я оглянулся, эльфов, действительно, было очень много, от их зеленых плащей уже рябило в глазах. Не опасаясь больше дубины Орра, они спустились на землю и теперь били магическими стрелами в упор. А сфера только начинала светиться. Нет, не успеть мне, нипочем не успеть. Совсем скоро эльфы пробьют защитный купол, сотворенный Сноггом, и превратят меня в подушечку для иголок. Оставалось надеяться только на чудо. И оно свершилось. Воздух рядом со Сноггом потемнел, сверкнула молния, прогремел гром, и на поляне появился великий маг О.Раньи собственной персоной.

— Почему ты так долго? — прошипел Сногг сквозь зубы. По всему было видно, он уже с большим трудом удерживал защиту.

В дебильных американских боевиках в таких случаях обычно отвечают: «Пробки на дорогах» — типа, с юмором. Но сейчас и главному магу было не до шуток. «Собирал свою армию», — ответил он, подошел к краю купола, поднял руку и громко крикнул: «Я хочу говорить с вашим главным!»

Свист стрел сразу стих, из-за дуба после недолгой паузы вышел высокий эльф.

— Ну, конечно, Ириз, это ты, — сказал О.Раньи высокому эльфу с длинными белыми волосами. — Интересно, а твой уважаемый отец знает, чем занимается его сын?

— Мой отец велел мне сделать все, чтобы То, Что Не Имеет Названия, не ушло в другой мир, черный маг. Любыми путями препятствовать этому.

— А как же договор?

— Я не подписывал его.

— Но по закону меньшинство должно подчиниться большинству...

— Брось, маг, ты просто тянешь время. Пусть маг из Запределья отдаст нам То, Что Не Имеет Названия. Даже не нам, пусть он отдаст это тебе. Пусть отдаст и уходит в свой мир. Или снова засвистят наши стрелы.

— Ириз, опомнись, ты нарушаешь Союз Магов!

— Ты сам его нарушил, коварный О.Раньи! Чужак забрал у тебя остатки разума. Эльфы, к бою!

— Что ж, Ириз, стихии свидетели — я не хотел этого!

Почему-то я был уверен, что великий маг нам поможет, но не ожидал, что таким способом. Он поднял обе руки над головой и, не обращая внимания на стрелы, отскакивающие от совсем тонкого защитного купола, произнес заклинание. Снова мелькнула молния, только вместо грома у нас за спинами раздался треск. Я обернулся. Сквозь бурелом, ломая кусты и

тонкие деревья, ломились истуканы. Много. Не меньше сотни. В руках они сжимали топоры на длинных рукоятках.

Победа была полной, враг отступил, унося раненых. Наши потери были минимальны. Даже магические стрелы не причинили истуканам видимого вреда. Они стояли недвижимые, утыканные стрелами, лишь штук пять лежали в траве, вяло дрыгая конечностями.

— Ничего, я могу их починить, — заверил маг О.Раньи, кивнул Сноггу и исчез... Да, с манерами у него совсем туго, никакого намека на сентиментальность. Хотя... мне ли его судить?

Зато орк Сногт на прощание протянул мне лапу... Нет, все-таки руку. Я пожал ее, не без опасения. Конечно, когти его выглядели устрашающе, но рукопожатие получилось дружеское, крепкое...

Что ж, пора... Больше меня в этом мире ничего не держит, и вряд ли я его еще когда увижу. Прощай, мир магов и колдунов, мир рыцарей, драконов и прекрасных дам. Мир, где орка встретишь запросто, как у нас гаишника на дороге. И неизвестно еще, что хуже. Прощай и ты, студент-философ академии его величества Реддис, купи себе наконец приличную обувь.

Я аккуратно уложил свиток внутрь «раскочегаренной» сферы. Руку сразу закололи тысячи маленьких иголочек.

— Медальон, — прохрипел орк.

Вот черт! Про медальон-то я совсем забыл. Снял его с шеи, крепко зажал в кулак и сунул его в сияние. Ух ты, чуть не обожгло! Разжав кулак, я резко выдернул руку из сферы. Теперь медальон и свиток висели рядом в голубом сиянии.

Я отошел на три шага, развернул свиток, нашел заклинание. Прочитал. Сфера послушно мигнула и исчезла. Все! Магические артефакты покинули этот мир. Пора и мне. Я еще раз посмотрел на седого орка, шагнул в центр пентagramмы и произнес заклинание.

В глазах полыхнуло красным...

* * *

Сразу же пришлось утирать кровь из носа. В этот раз полилось особенно обильно, заляпало всю грудь — майку придется выкидывать. А жаль, хорошая маечка, не китайская — настоящая фирма. Что ж, за все приходится платить. Я быстро произнес заклинание, едва свечи погасли, вышел из дымящейся звезды, стянул с себя окровавленную майку, тщательно вытер чистой стороной лицо. Бросил майку в корзину у стола, отстирывать кровь с белого — гиблое дело.

Только теперь огляделся. Вроде все нормально: дом в порядке, Сашка, надеюсь, в школе, сфера на месте, висит над столом, светится. Глянул на часы. Ну давай, пора уже. Уселся на

кушетку, перекурил. Сфера продолжала светиться. Пришлось поторопить ее заклинанием. Сработало. Сияние погасло, на стол с тихим стуком упал свиток, рядышком звякнул медальон.

Немедленно повесил его себе на шею. Ну вот, теперь можно будет спокойно ходить по родному городу ночью, не опасаясь, что незаметная часть молодежи захочет вдруг покурить моих сигарет. Если только в этом мире медальон работает. Надо бы проверить. Как? Потом разберемся. Но теперь главное. Я аккуратно развернул свиток. Там, у мага, это были шестнадцать сшитых пергаментных листов. А сейчас? Книга. Толстая, в яркой обложке. «Французская кухня. От лучших поваров Парижа». На обложке повар в высоком колпаке на фоне Эйфелевой башни. Держит в руках блюдо, на нем что-то аппетитное. Что — не разобрать, надеюсь, не лягушки. Только все равно не понял. Я что, едва не сгинул в параллельном мире из-за какой-то кулинарной книги, да еще на французском? Хотя жрать реально хочется. Но не лягушек, конечно, а чего-нибудь существенного, мясного. На миг показалось, что обложка книги стала теплее. Это уже не Париж, а большой красочный альбом «Октоберфест». На обложке румяная германская деваха в белом чепце держит в одной руке кружку пенного, в другой тарелку аппетитнейших на вид колбасок. Сглатываю слюну, откладываю альбом, иду

на кухню. Колбасок в забитом до неприличия холодильнике нет, зато есть приличный кусок «Докторской». Отечественный продукт, вкусный до безумия! Особо в виде бутерброда. И кружка сладкого кофе со сливками сейчас тоже оказалась очень кстати. Утоляю голод, мою кружку в раковине, стряхиваю крошки в ведро. Возвращаюсь, сажусь на кушетку, с наслаждением закуриваю. Только теперь беру книгу в руки. Это уже не рекламный буклет, а довольно толстая брошюра о вреде курения. На обложке — веселый Роджер и огромные буквы «КУРЕНИЕ — УБИВАЕТ!». Так вот что это такое! Меня собираются учить жить?

«Я собираюсь помочь тебе жить», — отвечает книга.

От испуга роняю ее на пол. Потом понимаю, что книга ничего сказать не могла, и начинаю озираться по сторонам. Никого! И телевизор выключен. Значит, все-таки книга.

Осторожно поднимаю ее, теперь это уже толстый туристический справочник: «Отдых. Лучшие пляжи сезона». Значит, мысли мы читать умеем? Ну да, давненько подумывал я об отдыхе. Бросить все, взять братца и махнуть куда-нибудь из этой стужи к теплему морю. Белый песочек, пальмы, все включено, загорелые курортницы. Только про лучшие пляжи с курортницами я могу и в Интернете посмотреть. Чем ты лучше Интернета, книга?

«Я никогда не вру!»

Сильное заявление! Выдвигаю верхний ящик стола, кладу туда правдивую всезнайку. Пусть пока полежит. Все это, конечно, очень круто, но на умные разговоры пока нет сил. И кофе не помог, спать хочется — сил нет. Прилягу прямо здесь, на кушеточке...

* * *

Ярко вспыхнул огонь в камине, маг Лонир очнулся от дремоты и быстро поджал ноги под кресло — у О.Раньи в последнее время появилась отвратительная манера материализовываться в самых неожиданных местах. В прошлый раз он, сверзившись из-под потолка, довольно чувствительно отдал Лониру ноги. Старееет, теряет былую легкость.

Но в этот раз О.Раньи появился почти точно в центре пентаграммы посреди комнаты.

Едва появившись, маг отступил в сторону, странным образом скрестил руки и произнес заклинание. В центре звезды вспыхнуло голубым огнем, появился человек. Старик узнал того самого мага из Запределья, что принес Книгу. Вернее, слугу О.Раньи, студента Реддиса, в чьей личине маг из другого мира появлялся здесь.

Реддис тут же хлопнулся на задницу и принялся очумело озиаться по сторонам. О.Раньи, явно раздраженный, снял плащ, бросил его в угол комнаты.

— Отправил? — спросил Лонир, зевая и прикрывая рот ладошкой.

— Да.

— Пришлось повозиться?

— Немного.

— Эльфы?

— Они.

— Кто бы сомневался. И, наверняка, Ириз?

— Он. Бедные эльфы! — закатил глаза О.Раньи. — Что будет с великим народом, когда этот кретин взойдет на Большой Дуб?! Даже за-сады приличной не смог организовать.

— Ошибаешься, коллега, король эльфов давно не забирается на дубовые ветви, — возразил Лонир, — нынче он восседает на троне. Но ты зря беспокоишься, вряд ли Великий Эльф доверит свой трон Иризу. Крапива — вот она будет великой королевой.

— Не спорю. — О.Раньи подошел к столику, взял с него два свитка, взвесил их на ладонях, протянул тот, что полегче, Лониру. — Твоя доля, коллега.

Сам же немедленно уселся на лавку и развернул свой экземпляр.

— Не терпится прочитать очередную мудрость Мастера? — усмехнулся старик.

— Что? — О.Раньи так глянул на старика, что улыбка сразу исчезла с его лица. А маг свернул свиток, встал, подошел к камину, щелкнул пальцами. В тот же миг одна из стен комнаты, до того завешенная коврами, исчезла, за ней

появились стеллажи с книгами. Много, много стеллажей, много, много книг. Лонир даже не смог разглядеть, где библиотека заканчивается.

— Я ведь никогда не говорил, что завидую вам? Нет, не в том смысле, что именно тебе. Вам, урожденным, потомственным магам. Особенно эльфам. Очень завидую. Вы мудрость и силу свою получили вместе с кровью при рождении. А потом всосали с молоком матери. А я все отсюда, — О.Раньи указал пальцем на книги. — А ты не знал, что я — не потомственный маг? И вот эти книги...

О.Раньи указал рукой на библиотеку и хотел было продолжить, но вдруг замолчал, сел в кресло и уставился на огонь в камине.

Лонир почувствовал, что его свиток стал теплее, и вдруг увидел юного О.Раньи. Нескладный подросток с вечно непокорными вихрами. Его отец, почерневший от работы, пахал землю, рубил лес, пас коз, а в их хижине было всего одно окно, затянутое бычьим пузырем. Когда хозяйка разжигала очаг, чтобы сварить похлебку, дым ел глаза. У подростка есть брат — старший. Он красив и силен, но плохой помощник отцу. Он пасет свиней местного барона и мечтает о красивой, веселой жизни. Однажды братья сбегают из дому. Стоят на перекрестке дорог. Старший показывает рукоятку меча и указывает рукой в сторону леса. Подросток не идет за ним. У него своя дорога — в малюсенький городок. Он нанялся в ученики к

сельскому магу — бездарному и вечно хмельному, служил ему за еду, скреб пол в его лачуге, стирал его тряпки, чесал пятки перед сном, он очень это любил, а потом ночи напролет переписывал слабенские магические заклинания, которые тот продавал беднякам за гроши. Зато перечитал все книги из библиотеки и научился начальной магии. Через год юноша сбежал от своего совсем спившегося учителя в Аррохон, чтобы учиться большой магии.

О.Раньи встал, подошел к студенту, все еще сидящему в центре звезды, схватил его за шиворот и резко поднял:

— И этому идиоту я тоже завидую. Смотри, какую рожу отожрал. Я в его годы был тонкий, как тростинка. Меня ветром качало, от голода падал в обмороки. Веришь, маг? Но те немногие деньги, на которые можно было купить хлеб, я отдавал за уроки магии. А потом мне повезло — взяли мыть полы в библиотеку Его Светлости...

Маг отпустил студента, снова сползшего на пол, брезгливо вытер руку о камзол.

— А ты говоришь, не терпится прочитать... Да, не терпится. Тебе силу дают пройденные дороги, а мне — новые знания. Ну вот, ты вынудил рассказать мою самую страшную тайну, старик. И теперь я должен тебя убить. Обоих вас убить, — добавил маг, — повернувшись к Реддису. — Ладно, не надо так бледнеть. Шутка...

О.Раньи щелчком пальцев закрыл проход в библиотеку, но теперь вместо шкафов с книгами потайная комната оказалась набитой стеклянной и медной посудой, горелками, ступами, бесчисленными сосудами. В одной их банок Лонир разглядел летучую мышь, в другой — свернувшуюся змею. Лаборатория алхимика. Сам маг уселся на лавку и снова развернул свиток.

Лонир решил не мешать коллеге и встал, взял свой посох.

— Ты куда теперь? — спросил О.Раньи, не отрываясь от чтения.

— Как обычно, в дорогу.

— Подбросить?

— Нет, я как-нибудь сам. Через портал надежнее.

— Значит, обратно в Атар. Собираешься-таки спасти старину Навера?

— Я дал слово, — ответил Лонир.

— Дал слово... Условности, вечные условности, — поморщился О.Раньи. — Вот у гномов условностей нет. Уходили чуть ли не в обнимку. Даже завидую этому циничному народу.

Глава 11

Коллеги

...И все-таки, уважаемый коллега, позволю себе с вами не согласиться. Давать знания основ магии смертным — нет уж, извините. Да, без сомнения, знания — величайшая из ценностей, которая дана нам свыше, но каждая ценность имеет две стороны. Как золотая монета. Согласны? Или тот же змеинный яд, которому вы, уважаемый Саттар, отдаете предпочтение в своих замечательных опытах. Давайте попробуем рассмотреть данный предмет подробнее. Итак, первоначальная субстанция, яд в клыке змеи — это смерть! И чаще всего — мучительная смерть. А в вашей лаборатории, в склянке, за которую без колебаний выкладывают не одну сотню золотых, тот же яд, но к которому вы применили чуточку своих знаний. И это уже не яд, это уже великолепное лекарство, это — жизнь! Это не просто комплимент, уважаемый коллега, это — констатация факта! Свой застарелый радикулит я лечу только вашим чудодейственным бальзамом на яде змеи, за что вам моя безмерная благодарность. Но идем дальше. А если по незнанию потребить всю мазь или весь порошок из склянки за один

раз? И что мы видим? Это опять смерть. И не менее мучительная, нежели в первом случае. Какой же мы сделаем из этого вывод? Во всем нужна мера! Согласны вы со мной? И если мы даем смертным малую крупицу знаний — это для них хорошо. Да, ограничиться хотя бы курсом начальной магической школы, чтобы они... умели избавляться хотя бы от паразитов...

— ... И чтобы от них не так сильно разило, — добавил Саттар, и оба гнома рассмеялись, вспугнув ворона, дремавшего на верхушке сухой сосны.

Ворон хрипло каркнул, выражая свое недовольство вторжением, и взлетел, шумно хлопая крыльями. Сделав круг над просекой, пересекающей чахлый лес, ворон уселся на ту же сосну и, склонив голову набок, рассмотрел пришельцев.

Да, весьма забавная парочка — два бородастых гнома на осликах. Одеты богато, один во все зеленое, другой — в темно-красное. Тут и там на платье гномов поблескивали драгоценные камни. К блестящим штучкам ворон был равнодушен, но по богатому жизненному опыту знал: приближаться к любому двуногому, у которого в передних лапах палка, а тем более — длинный посох, крайне опасно. Так что в данном случае лучше не связываться. Ворон устроился на суку поудобнее, закрыл глаза и задремал.

Откуда ему было знать, что два смешных гнома — величайшие маги: великий изумрудный маг Северных гор, Хранитель тайны камней, кавалер полного банта Ордена Недр господин Бианн и великий рубиновый маг Подземелий Суарры, куратор Вершин, покрытых снегом, господин Саттар. Впрочем, а ворону оно надо?

— ...Да, чтобы от них не так воняло, — продолжил первый гном, все еще посмеиваясь. — И этого, на мой взгляд, вполне достаточно. Но если все смертные получают доступ к магии второй степени и научатся, допустим, управлять погодой, разгонять или, наоборот, притягивать дождевые тучи... Вы представляете, что из этого может получиться?

— Да передерутся просто-напросто. В засуху тучи дождевые друг у друга будут красть, саранчу насылать на соседей, град, чуму, прочие пакости, ну, и воевать.

— Это точно! Воевать — в первую очередь. Война для них — как алмазная погремушка для юного гнома...

Гномы снова рассмеялись, постоянная тяга смертных к войнам их веселила более всего.

— Да, но вы забываете, уважаемый Бианн, про магов среди смертных, — возразил гном, названный Саттаром. — Есть же среди них и настоящие специалисты. К примеру, тот же господин О.Раньи, у которого мы имели удовольствие гостить. Великий человек и вели-

кий маг! Согласны? И очень гостеприимный хозяин. Я уже не говорю про уважаемого мага странствий господина Лонира. Кстати, вас не удивило, что он оказался в Аррохоне как раз сейчас? И почему-то именно с драконом?

— Думаю, он, как и мы, прибыл специально по приглашению уважаемого господина О.Раньи. Кто бы, скажите, удержался, если бы появилась возможность получить доступ к Книге Непознанного. Вот вы, уважаемый Саттар, смогли бы?

— Конечно, смог бы! Видите, меня же здесь нет! И в моей суме не лежит десятая часть драгоценной Книги Непознанного.

Раскатистое эхо от хохота гномов долго не затихало в кронах деревьев.

— Да, конечно, господин О.Раньи — великий маг, — сказал гном, наряженный во все зеленое. — Но, если откровенно, коллега Саттар, можно ли считать О.Раньи обычным смертным, если с помощью магии он может продлить свою жизнь практически до бесконечности?

— Не могу не восхищаться вашей проницательностью, уважаемый Бианн, я тоже думал о том, что...

Гном не договорил, о чем он, собственно, думал, потому что ослик под ним вдруг резко остановился, поднял голову, принюхался и отчаянно заревел.

— Мой серый друг кого-то почуял, — сказал Саттар, — причем этот «кто-то» явно не один и находится довольно близко.

— О, да! — кивнул Бианн, шумно втянув ноздрями воздух. — И судя по запаху, этот «кто-то» давно не мылся.

Словно в подтверждение его слов в придорожных кустах зашуршало, и из зарослей появились сутулые фигуры в лохмотьях и звериных шкурах с дубинами в руках.

— Гоблины, — только и охнул рубиновый гном, — и смертные? Вместе?! Как странно...

— И рыцарь с ними, — добавил Бианн, указывая посохом на дорогу.

На дорогу, действительно, выезжал вооруженный всадник в латах, которого с некоторой натяжкой можно было назвать рыцарем. С натяжкой, потому что оруженосца при нем не было видно, да и герба на щите не наблюдалось.

Всадник подъехал к спутникам ближе, дождался, когда чуть сзади него соберутся гоблины и люди в обносках, поднял забрало, отсалютовал рукой.

— А латы на нем явно с чужого плеча, — шепотом сказал Бианн, — да и от ржавчины их почистить не мешало бы.

Саттар согласно кивнул головой, а рыцарь тем временем начал говорить:

— Приветствую вас, чужеземцы! Вам нечего бояться, я властитель этих мест благород-

ный рыцарь Харрстарр. Победитель дракона Морра!

— Морра? — удивился Саттар. — Вы — победитель старины Морра?! О!!! Это очень странно. Я слышал еще лет двадцать назад, что старина Морр до того одряхлел от старости, что уже не мог не то что летать — даже ползать. Да и сто лет назад, когда мы встречались с ним в последний раз, он уже был совсем плох и по причине выпавших зубов ел только жиденькую пшенную кашку, которую варили ему крестьяне из долины. Так вы его победили?

— Когда я зашел в его ужасную пещеру для решающей битвы, страшный дракон был вполне жив, — не очень уверенно возразил рыцарь, — и я лично, вот этой самой рукой одним ударом перерезал ему горло.

— Ооо!!! — снова восхитился гном Саттар. — Так вы еще и гуманист?! Разве это не благородно — одним ударом прекратить мучения издыхающего от старости существа...

Рыцарь пропустил издевательскую реплику мимо ушей и звякнул ножнами:

— Как властитель этих мест, хочу узнать ваши имена...

— Каких именно мест? — поинтересовался Бианн вместо того, чтобы назваться. — Вы не могли бы представиться полным именем?

Рыцарь явно замешкался, но, наконец, представился, перечислив, согласно рыцар-

скому Уставу, все регалии, правда, опустив в своем имени упоминание о драконе:

— Я доблестный рыцарь Харрстарр, владеец Сухого леса Эрра, Большой просеки и Малого моста!

— Да? — удивился Бианн, — а я наивно считал, что нахожусь еще во владениях Его Светлости герцога Аррохонского, охранную грамоту от которого мы со спутником имеем.

— Но... — рыцарь был явно не готов к подобному повороту, — мои предки веками правили этими землями. Они даже построили Малый мост. И на поддержание его в порядке регулярно требуются большие средства.

— А-а-аа, вы называете Малым мостом те три бревна, что перекинуты через засохший ручей, — догадался Бианн, краем глаза наблюдая, как пара гоблинов потихоньку заходят к нему за спину.

— Не такой уж он и засохший, — не согласился «рыцарь», — весной в разлив он очень даже... Впрочем, хватит болтать! Вы проехали по моему мосту и должны за это заплатить!

— Так я и думал, — вздохнул Саттар, — банальный грабеж и вымогательство. Что ж, коллега, думаю, мы действительно должны заплатить этому доблестному рыцарю. Ведь ремонт мостов — довольно хлопотная вещь. Хотите расплатиться первым или уступите очередь мне?

— Пожалуйста, уважаемый коллега, как я могу вам отказать?

Рубиновый маг приложил правую руку к груди и глубоко поклонился своему спутнику. После чего вдруг резко поднял левую руку с посохом и произнес заклинание. В первый момент на просеке практически ничего не изменилось. Но вот один гоблин тихо зарычал, ухватил поудобнее дубину и со всего маху обрушил ее... на голову своего соседа. Тут же два гоблина в звериных шкурах двинулись с пиками наперевес прямо на всадника. А тот вдруг сбросил шлем с головы, обнаружив солидную плешь, выхватил меч из ножен и наотмашь огрел по спине ближайшего к нему крестьянина. Через полминуты на просеке дрались уже все. Бились серьезно, отчаянно, с каким-то звериным рычанием. Особо усердствовал горбатый гоблин, сломав дубину о голову своего сородича, он теперь вцепился клыками лошади в круп, словно пытался сожрать ее живьем.

Гномы наблюдали за происходящим спокойно и даже несколько равнодушно, лишь изредка приветствуя особо удачные удары ленивыми хлопками в ладоши.

— Что ж, уважаемый Бианн, ваша очередь, — сказал Саттар с почтительным поклоном.

— Извольте, уважаемый. — Бианн поклонился в ответ и, подняв свой посох, тихо произнес заклинание. Драка на просеке немедленно прекратилась. И гоблины, и люди поднимались на ноги и удивленно озирались по сторонам, утирая кровь с лиц и морд. Гор-

батый гоблин, кусавший лошадь, сидел в грязи и тер грязной когтистой лапой ушибленную копытом грудь. Благородный Харрстарр продолжал держаться в седле и с ужасом смотрел на отрубленное ухо в своей руке. Зачем-то попытался приставить его обратно к голове, словно надеялся, что ухо прирастет обратно.

И тут рыцарь квакнул. Громко, раскати-сто. Удивленно глянул по сторонам и квакнул снова. За ним заквакала вся его свита. И не просто заквакали, а один за другим опустили на четвереньки и теперь квакали, совершая нелепые, но довольно длинные прыжки в сторону кустов.

— Тут, кажется, болото недалеко, — пояснил Бианн. Саттар понимающе улыбнулся и кивнул.

Последним с просеки ускакал незадачливый рыцарь-грабитель. Скакать по-лягушечьи ему было трудно — очень мешали латы. Даже после того, как он скрылся из виду, еще долго раздавался лязг и бряцанье ржавого железа. Через пару минут лишь недвижимые тела пары разбойников, укушенная в круп лошадь да с полдюжины дубинок и поломанных пик напоминали о состоявшейся на просеке потасовке. Видимо, лошадь до конца не пришла в себя от потрясения, она часто мотала мордой, взбрыкивала левой задней ногой и громко ржала.

— Признаю, признаю вашу полную победу, — поклонился коллеге Саттар. — Что и

говорить, задумка с жабами превосходна, куда лучше и веселее банальной драки, которую задумал я. И долго они будут квакать в том болоте, если не секрет?

— Пару часов, не больше. Потом очухаются и выберутся. Если, конечно, не утонут в болоте. Впервые вижу смешанную банду из людей и гоблинов, да еще с рыцарем в придачу. Скажите, вы где-нибудь подобное видели?

— В Средиземье много чего странного происходит. Особенно в Пограничных землях. Ну что, я предлагаю ехать дальше, а то к порталу до темна не успеем...

Ослики послушно тронулись с места, трясая на ходу гривами, а Бианн меж тем продолжил:

—...если рассматривать ситуацию с учетом вашей версии происхождения гоблинов...

— О, коллега, — польщенно улыбнулся Саттар, — так вы знакомы с моей последней монографией? Ведь она только-только вышла в свет, и притом весьма ограниченным тиражом.

— Как я мог обойти вниманием этот бесценный труд! Читал с восторгом и, признаюсь, даже с тайной завистью. Поверьте, ваша книга не только опровергла многие, казалось бы, прописные истины, но и указала новый подход ко всему процессу исследования гоблинизма! Да! До прочтения вашей монографии я, как и подавляющее большинство, считал, что гоблины появляются сами собой из мусора и грязи. Но теперь... ваш оригинальный подход,

ваши умопомрачительные в своей смелости выводы... Признайтесь, коллега, как вы пришли к таким умозаключениям? Они же просто... не побоюсь этого слова — гениальны!

— Вы меня смущаете. На самом деле, все очень просто. Начну с того, что меня никогда особо не устраивала гипотеза, что гоблины за-рождаются сами собой из грязи. Да, гоблины любят грязь, но довольно ли только этого? Ведь и медведи любят мед, но мы не утверждаем, что они рождаются сами собой в дуплах диких пчел. Опять же, способность гоблинов говорить, относительная приручаемость, зачатки разума. Согласитесь, все это как-то странно. Но окончательно я составил полную картину после посещения Голубых озер. Помните ту инспекцию по итогам большой зачистки и депортации после третьей Озерной войны?

— А как же, кто не помнит той славной битвы? Тогда объединенная армия эльфов и смертных здорово наkostenяла оркам и разогнала самую большую в истории армию наемных гоблинов. Добавлю, что не без нашей помощи наkostenяла.

— Да, да, конечно. Как же было не помочь славным эльфам! Но продолжу: поскольку эльфы в ходе войны все-таки понесли немалые потери, оттого разозлились и после заключения мира решили обычными мерами по обустройству территории не ограничиваться. Применили сплошную зачистку с полной лик-

видацией гоблинского отродья на всей территории Голубых озер. И могу с уверенностью сказать — работу они выполнили со всей старательностью, присущей эльфам. Через неделю после замирения на Голубых озерах не осталось ни одного живого гоблина. Ни одного! Даже конюшни эльфам чистили смертные и полукровки. Кстати, смертных с Голубых озер тоже выселили, правда, не всех, и без избиения. Переселили их, как вы помните, в Осочье — на земли Болотных эльфов, которые отказались присоединиться к объединенному войску. Там же поселили и племена орков, воевавших на нашей стороне. Конечно, получилось тесновато, но никто особо не роптал.

— Ха, ха, ха, — рассмеялся Бианн, — попробовал бы тогда кто-нибудь пороптать...

— Согласен. Итак, во время первой инспекции я почти не встретил ни одного живого гоблина.

— Извините, коллега, что значит «почти»?

— Был один живой, но эльфы его вздернули прямо у меня на глазах. В общем, воздух на Голубых озерах стал несказанно чист, и я провел там великолепную неделю единения с девственной природой. Потом пришлось ехать на Осочье. Там, конечно, немного пахло болотцем и грибной брагой, но без гоблинского духа это было похоже на сказку. И вот ровно через пять лет я снова провожу инспекцию в тех местах, радуюсь идиллии и

красотам природы Голубых озер, но едва въезжаю в Осочье, как нос к носу сталкиваюсь... с кем бы вы думали?

— С гоблином?!

— С целой бандой гоблинов! Два десятка особей! Естественно, возникает вопрос, откуда они там появились? Ведь Осочье окружено землями Лесных эльфов, куда гoblin по своей воле нипочем не сунется, Гиблыми болотами, через которые пройти не сможет даже эльф-разведчик, и нашими горами, где гоблина можно увидеть только под землей и только в цепях с кайлом в лапах.

— Но... здесь я бы возразил, уважаемый коллега. Как известно, в Осочье хватает грязи, почему бы гоблинам не родиться естественным путем в мусорной куче?

— Вот! В этом все и дело! Я тоже сначала так подумал. Но тут меня словно осенило! Это не могли быть вновь рожденные гоблины. Почему? Да потому что тогда бы им было не больше, чем пять лет! Уж я-то могу отличить взрослого гоблина от пятилетки. А эти были явно матерыми. В общем, я взял банду в плен и приказал им показать свою деревню. Да, коллега, это была деревня гоблинов на месте бывшей деревни смертных. А чуть поодаль стояла еще одна деревенька, которую ранее населяли мирные орки. Теперь там тоже жили гоблины. Причем, у некоторых из них я заметил острые ушки. Совсем, как у эльфов.

— Постоите, постоите... Грандиозно! И на основании этого вы сделали свой замечательный вывод о перерождении?

— Вот именно! Вот именно, коллега! Когда обнаружилась еще пара подобных деревень, пришлось вызывать ударную группу гномов и попросить пару отрядов разведчиков у Лесных. Деревни окружили, я провел исследование, мои предположения подтвердились, и вот вам результат. Не буду пересказывать, он подробно изложен в моей монографии.

— И как смело! Гоблины — не отдельный ошибочно-тупиковый вид полумразумных, но бывшие представители разумных рас, опустившиеся на эволюционное дно по причине чрезмерного потребления браги на основе фиолетовых грибов, отвращения к труду и презрения к личной гигиене. Ладно бы, от орков и людей этого вполне можно было ожидать, но от эльфов... Пусть даже и болотных...

— Факт есть факт... Причем, немалая вина в этом самих эльфов!

— ???

— Да, представьте себе! Ведь эльфы взяли на себя обязанность содержать переселенцев, поставлять им все необходимое: пищу, вино, шкуры, даже топливо для очагов... И чем же занялись переселенцы, попав на все готовое? Самосовершенствовались? Постигали науки, приобщались к культуре и началам магии? Отнюдь, коллега! Из всех земледельческих куль-

тур они возделывали лишь овес, пригодный для изготовления бражного пива. Да и то, предпочитали красть его из соседских амбаров.

— Да, люди, орки, от них этого можно было ожидать. Но эльфы...

— Посудите сами. Вы эльф, живете в деревне, охотитесь, постигаете науки, сливаетесь с природой. А тут же, в соседней деревне каждый день — пир горой. Никто ничего не делает, столы ломаются от разносолов, и сплошное веселье под грибную брагу. И так почти без перерыва. Не каждый способен удержаться от соблазна, эльфы, как вы знаете, легко поддаются дурному влиянию и не устойчивы к алкоголю. Кстати, а не выпить ли нам вина?

— Почему нет? Не вижу ни одного препятствия для столь достойного занятия.

Гномы раскрыли свои сумки, Бианн достал пузатую бутылочку темного стекла:

— Хочу порекомендовать вам, коллега, вино из Феркаса, — маг вытащил из горлышка пробку и налил в серебряный кубок темно-красного вина.

— Из Феркаса? — удивился Саттар. — Никогда не знал, что в Феркасе делают вино. Разве на этих голых скалах растет виноград?

— Вы немного отстали от жизни, коллега. Феркас — давно не та дыра, какой была еще пару лет назад. Говорят, там появился странный маг и разом сделал эту страну счастливой.

Но взамен взял любимого сына тамошнего короля.

— Вот как? Интересно. Занимательная история. И кто же этот маг?

— Имени не указывают, но намекают, что с ним был дракон.

— А-а-аа, дракон... Тогда легко догадаться, что это наш уважаемый Маг Странствий ошастливил жителей этой дыры на окраине цивилизации. Что ж, очень гуманно. Но должен вам возразить насчет сына. Король Феркаса наплодил полдюжины дочерей, а вот сына стихии ему не послали.

— Да? Признаюсь, не знал. Ужель этой унылой страной будут править бабы?

— Кто знает? А я в свою очередь предложу вам вина эльфов Голубых озер. Привез как раз с последней инспекции. Признаюсь, ничего подобного раньше не пробовал. И обратите внимание на то, как именно они хранят вино.

Бианн принял в руки небольшую серебряную подушечку, внутри которой что-то булькало. С удивлением рассмотрел ее:

— Что это за ткань? Неужели эльфы приручили жидкое серебро?

— Вынужден признать, коллега, что сие остается для меня тайной. В сущности этого материала я так и не разобрался. Знаю лишь, что он не промокает, не мнется и не боится огня. А чтобы налить, там есть такой краник. Давайте покажу...

Маг взял обратно подушечку и, нажав на клапан, наполнил кубок, протянул его коллеге:

— Попробуйте, прошу вас...

— Превосходно! Просто великолепно! Да, эти Озерные эльфы знают толк в вине, а судя по этому жидкому серебру, и в магии тоже. Жаль, что они так часто спиваются, ха-ха-ха. Кстати, а наших собратьев вы среди этих гоблинов не наблюдали?

— К счастью, нет! Хотя постоит. Был там один, кажется, с Изумрудных гор. Уж извините, коллега, но говорил он явно на вашем наречии. Совсем спился, развлекал толпу дешевыми магическими фокусами, очень любил повалиться в грязи на потеху остальным. В общем, настоящий гоблин...

— И вы?..

— Превратил его в крота. Считаете, я поступил жестоко?

— Вовсе нет. Я бы превратил такого в жабу. Ведь, что ни говори, а если и есть истинно разумный народ в Средиземье, то это мы — гномы. И лучше мертвый гном, чем падший гном.

— Совершенно с вами согласен, коллега. Гномы — суть цивилизации. Вот возьмем, допустим, орков... Нет, про орков можно и не говорить. Тупиковая ветвь когда-то разумной расы. Весь смысл их жизни: война и грабеж. Не было бы других народов, даю слово — они перебили бы друг друга. Да и так бьют. Опять

же эта их манера поедать тела умерших сородичей...

— И не говорите, коллега. А люди? Разве можно себе представить более глупых, жадных и трусливых существ. Ведь подавляющее большинство из них в душе — рабы. Либо раб, либо господин. Причем господин — опять же чей-то раб.

— А их уродливые города? Где вы еще видели такое скопление грязи, нечистот и отвратительных манер? А их самомнение...

— Нет, вот в этом позвольте с вами не согласиться. По части самомнения равных нет эльфам. Вот уж кто мнит себя пупом вселенной, а всех остальных считает каким-то недоразумением, мешающим им, бессмертным и великолепным, сливаться с природой. А поставь перед таким чан грибного эля, не отойдет, пока весь не вылакает. Тут же около него и повалится.

— Совершенно верно. Что ж, тогда предлагаю еще раз выпить за великий народ гномов.

— Великолепное предложение и очень своевременное!

Не успели гномы выпить, как ослик господина Саттара снова поднял голову и отчаянно заревел.

— Вы слышите, коллега? — спросил Саттар.

— Да, и восхищаюсь вашим замечательным животным. Надо же, услышал! Шагах в тысяче от нас.

— Я бы сказал, в восьмистах. Четыре крупных особи.

— Пожалуй, да, восемьсот шагов, — согласился Бианн. — Но особой явно больше. Пять или шесть. Нет, точно пять.

— Согласен с вами полностью. А посему предлагаю как можно быстрее покинуть дорогу.

Гномы разом натянули поводья и, подгоняя осликов ударами посохов, свернули с дороги, углубляясь в лес. И очень вовремя — долго ждать не пришлось. Через пару минут земля затряслась, и мимо притихших гномов прошествовало пять пар огромных лохматых лап.

— Странно, очень странно, — сказал маг Саттар, когда гул шагов затих. — Это не семья, это пять молодых самцов. Впервые вижу сразу пять самцов троллей, которые идут в одном направлении, ни разу при этом не отдавив друг другу пяток и не подравшись.

— А лично меня радует, что пошли эти тролли совершенно в противоположную сторону той, куда мы направляемся, — добавил Бианн. — Что ж, кажется, они отошли достаточно далеко, тронемся дальше...

* * *

— ...И все-таки, коллега, возвращаясь к нашей беседе. А вот скажите, как вам этот маг из Запределья? Он вам не показался странным? — спросил Саттар.

— Очень даже показался. И поведение его... Давайте рассуждать логически, коллега, у него в руках была вся Книга Непознанного. Представляете, не частями, не главами — вся! А он отдает ее. Зачем?! Почему?! Допустим, он выучил все заклинания, узнал все рецепты магических снадобий... Но что они без самой силы всей Книги?! Что вы об этом думаете?

— То же, что и вы, уважаемый Бианн, — это не поддается логике. Маг, обладающий Книгой Непознанного единолично — самый великий и могучий маг во всем Средиземье. Да что там в Средиземье — в мире, во всех мирах! А признайтесь, коллега, только честно, ладно? Когда О.Раньи показал Книгу целиком, у вас не возникло соблазна...

— ...немедленно наложить на уважаемых коллег Заклятие не подвижности, схватить Книгу и удрать? Ну что вы! Как вы только могли такое подумать?! Конечно, возникло! Ха-ха-ха. Я даже успел прикинуть, как быстрее можно добраться до ближайшего портала, пока истуканы О.Раньи не порвали меня на куски.... Ха-ха-ха... А вы ведь тоже за жезл схватились, я заметил. А уж как у эльфа губы затряслись...

— Да, это было забавно, ну и видок был у всей нашей компании. И только маг из Запределья сидел, как ни в чем не бывало, и пялился на грудь нашей восхитительной Иолли. На редкость привлекательная особа, не так ли? Вот я и думаю, почему он отдал Книгу? Полу-

чить всего десятую часть, когда можно получить все целиком? И за что? Всего лишь за философский камень и участие в нашем клубе? Весьма сомнительная привилегия, если откровенно...

— Быть может... он не знал, что именно отдавал. Или... в его мире Книга не имеет той силы, что в нашем? Или... просто О.Раньи задумал какую-то хитрость. Мы можем только гадать. Признаюсь, возвратившись домой, я много буду об этом думать... Кстати, вот и Горбатая гора показалась. Можно считать, мы почти дома...

— Вот так дела! Открытый портал и без всякой охраны?! Воистину, странные дела творятся в Пограничье, — великий изумрудный маг Северных гор, Хранитель тайны камней, кавалер полного банта Ордена Недр Бианн воздел руки к небесам.

Его спутник, великий рубиновый маг Подземелий Суарры, куратор Вершин, покрытых снегом, господин Саттар также сокрушенно качал головой:

— Открытый портал без всякой охраны, но разве это возможно?! Впрочем, у смертных бардак — это норма. Только на кого я теперь оставляю моего серого друга?

Портал — небольшая пещера в почти отвесной скале — мирно светился изнутри голубым светом, и ни одной живой души вокруг.

Иди куда хочешь, делай что хочешь. Бардак, он и есть бардак.

— Что ж, мой дорогой коллега, — сказал Саттар, слезая с ослика. — Как бы там ни было, наше приятное путешествие подошло к концу. Как в старинной балладе: «Мне налево, вам направо, ну и до свидания». И по очень давней традиции гномов, в знак глубочайшего моего к вам уважения, хочу сделать вам подарок, уважаемый Бианн. Примите этот скромный дар.

Саттар открыл суму, вытащил сверток бордового цвета и протянул его спутнику.

Тот осторожно развернул ткань и не смог сдержать восторженного возгласа. На атласной подушке лежала платиновая звезда тончайшей работы в алмазах и рубинах на толстой платиновой же цепи. Лучи заходящего солнца словно соревновались, отражаясь в тысячах гранях драгоценных кристаллов.

— Ну что вы, не стоило этого, — растроганно проговорил Бианн, прижимая руку к сердцу.

— Скажите честно, вам понравилось?

— Это... Это великолепно! Это просто волшебно! Уж насколько мастера Изумрудных гор знают толк в камнях, но это... Погодите, я ведь тоже чту традиции, и у меня тоже есть подарок для вас...

Бианн накинул цепь на шею, разместив звезду в центре груди, и в свою очередь полез в суму. Достал большой сверток и развернул его.

Пришла очередь восторгаться Саттару. Мантия изумрудного цвета из драгоценного шелка, усыпанная тысячами изумрудов.

— Наденьте же, дорогой друг мой, — сказал Бианн, накидывая манию на плечи коллеге. — Тут на плече еще есть пряжка белого золота, также покрытая изумрудами. Работы лучших мастеров Изумрудных гор! Давайте помогу вам ее застегнуть. Надеюсь, надевая эту мантию, вы всегда будете помнить о моем безграничном к вам уважении. И о том, что где бы гномы ни жили, будь то Изумрудные горы, Красные горы, Синие, Великие, Снежные, будь то Золотые шахты Эрра или алмазные копи Саламмоса, мы, гномы — великий и единый народ! Прощайте, и счастливого вам пути.

Гномы троекратно обнялись, Бианн расстроганно шмыгнул носом, Саттар смахнул слезу. Он молча снял суму с седла и двинулся к portalу, Бианн проводил его к самой пещере, поддерживая под локоток.

— Прощайте, друг мой, — сказал он и снова шмыгнул носом.

— Прощайте, коллега. — Саттар низко поклонился другу и шагнул в портал. Полы мантии прошелестели по траве, только кусочек шелка изумрудного цвета оставался снаружи. И маг Бианн не замедлил этот кусочек подхватить, быстро намотать его на руку и упереться в скалу ногой.

Портал осветился голубой вспышкой, кончик мантии в руках Бианна резко дернулся, материя натянулась. Ее словно дергали из портала еще и еще. Наконец из пещеры раздался странный хрип, стон, звук рвущейся материи...

— Все, — тихо сказал Бианн, почувствовав, что край мантии перестал рваться из его рук. Выпустил ткань, вернулся к своему ослику. Взял посох, подошел к пещере, осторожно пошарил им в голубом сиянии. С третьей попытки у него получилось. Загнутым концом жезла он сумел подцепить суму Саттара за ремень и вытащить ее из портала. Торопясь, раскрыл ее, испачкав руки в еще теплой крови, и очень спешно стал выбрасывать содержимое сумы на землю. Какие-то коренья, мешочек с рубинами, пачка пергаментных листов... Наконец маг вытащил со дна сумы свиток, прижал его к груди, выдохнул «Есть!»

— Неплохо, коллега, весьма неплохо, — раздалось у него за спиной. Гном быстро обернулся:

— А, это ты...

Маг-орк Эллот, Великий Золотой Маг, хранитель сокровищ Морона, мерзко ухмыляясь, восседал на спине довольно упитанной горгульи. За его спиной виднелось еще два десятка всадников на таких же «скакунах».

— Извини, коллега Бианн, ты так увлекся изучением вещей покойного коллеги Саттара,

что я не осмелился тебя потревожить в столь увлекательном занятии.

— Вечно ты со своими шуточками, весьма глупыми, кстати, — буркнул гном. — Скажи, Эллот, почему здесь, у портала не оказалось охраны?! Он мог бы что-то заподозрить. Этого Саттара на мякине не проведешь. Да он и заподозрил, поэтому и поспешил в портал, даже осла своего бросил. Где охрана? Куда делась?

— Прости, Бианн, — орк прижал когтистую лапу у груди, к тому месту, где у орков расположено левое сердце. — Моя вина. Но охранники портала попались на редкость несговорчивыми. Представляешь, не взяли золота, не стали даже брать твоих изумрудов. А горгульи у нас, как на грех, оказались не кормлены, ха-ха-ха... Но к делу. У нас теперь три части Книги...

— Ты торопишься, Эллот. Давай будем точнее, у тебя одна часть книги, и две у меня...

— А что, я не спорю. Но мы ведь теперь заодно, так? А раз так, то зачем же спорить? Я прав, коллега?

— Хватит болтать, где твое войско? — нахмурившись, сказал гном.

— Троллей ты, кажется, уже видел. — усмехнулся орк. — Что касается остального... А где камни и золото для войска?

Гном презрительно скривился, поднял жезл и ударил им в скалу. Портал немедленно осветился голубым светом, расширился втроекратно, и через минуту из пещеры на середину

поляны выкатилась телега. Орк даже прикрыл лапой глаза, чтобы не ослепнуть от блеска камней и золота, горой наваленных на доски.

— Этого хватит? — спросил гном.

— Вполне, — хохотнул орк. — С тобой приятно иметь дело, гном.

— Мне нет дела до твоих приятностей. Где войско?

— А посторонись-ка.

Гном недоверчиво глянул на клыкастого партнера, потом в сторону портала и все-таки отошел в сторону.

Портал засветился голубым, и первый боевой орк, закованный в стальную кирасу, выбежал на поляну. За ним последовал второй, третий... сотый... тысячный...

— Ну что, ты доволен, коллега? — ощерил клыки Эллот, указывая лапой на все прибывавших и прибывавших воинов.

— Я буду доволен, когда твои воины осадят Аррохон, принесут мне голову мага О.Раньи и остальные части Книги, — сказал гном и погладил рукой платиновую звезду на груди.

Глава 12

Клещебой

Маг Лонир вышел из портала и зажмурился от яркого света. Да, денек обещает быть солнечным. Около портала стояла запряженная четверкой карета с атарскими королевскими гербами на дверях. Посыльный в ливрее, украшенной графской башней, видимо, утомился в ожидании. Но немедленно вскочил на ноги, низко поклонился и выпалил скороговоркой:

— Принц ждет великого мага в харчевне «В дальний путь». Просит прибыть немедленно.

Старик обернулся, кивнул мальчику, потом дракону, забрался в карету.

Когда старик вошел в «В дальний путь», Его Высочество мерялось силой на руках с мясником. Мясник явно побеждал, но в последний момент поддался. Принц сделал вид, что не заметил подвоха, и, довольно улыбаясь, сунул за пояс выигрыш — серебряную монету. Завидев мага, мясник немедленно удалился, подмигнув трактирщику.

Принц был явно навеселе, перед ним стоял почти полный кувшин вина, осколки его глиняных собратьев валялись на дощатом, посыпанном опилками полу.

— А! Великий маг! Прошу за наш стол! Эй, бездельники! Вина магу! Лучшего вина! — принц бросил на стол горсть монет. — Великий маг подарил вашему принцу очень хороший день и веру в вас, бездельников и проходимцев! Теперь я верю, что в нашем королевстве все любят нашего короля Навера, да продлятся дни этого любимца стихий! За короля! Вина всем!

И хотя в харчевне никого кроме принца и мага не было, слуги послушно начали выставлять на стол кувшины. Принц схватил ближайший к нему, в несколько глотков опорожнил и тут же разбил вдребезги.

— Ух! Доброе вино! Да, маг, вы доставили мне истинное удовольствие! Просто радость! Сейчас объясню! Вчера с утра и до самого вечера шайка бандитов, разбойников и клятвопреступников, по нелепой случайности называемая личной стражей моей любезной тетушки, урожденной графини Норрской, прибывшей в Пьюатар по моей личной просьбе, являлась к лучшим людям этого королевства и предлагала... придушить моего доброго папеньку. За деньги, естественно, и немалые. Все до единого, кому они делали такое предложение, немедленно приказывали схватить мерзавцев и тащить прямо в руки королевского прокурора. Кроме одного! Лорд-канцлер, мой дядюшка, очень горячий мужчина, не стал разбираться и лично заколол посланца кинжалом. Придется тетушке компенсировать ущерб

за этого висельника. Я про посланца, а не про дядюшку. Так вот, хорошо, что королевский прокурор был мною предупрежден и немедленно отпускал лжеубийц, иначе за день бы не успели. Не найдя желающих угробить моего папашу среди знати, взялись за поместных баронов. И что ты думаешь? Нашелся один такой. Барон Эпер из Нижней Сагали. Тот, как услышал такое предложение, так с места и вскочил, двери запер и торговаться начал, словно только этого и ждал. Впрочем, его можно понять, он и жив только потому, что папаша приболел и не может делами занимался. Этот Эпер тот еще мерзавец! Его старший брат отправился в Великий поход за Книгой Суцего, а он влез к его жене в постель и тихой сапой прибрал все баронство к рукам. Жена, надо сказать, тоже стерва! А когда брат вернулся из похода больной и израненный, просто упрятал его в темницу. Вот сюжет для рыцарского романа, а?! Но история эта быстро вскрылась, королевский прокурор вызволил несчастного и с соответствующими почестями водворил обратно в замок, а Эпера с коварной женой-гадюкой привез на королевский суд. Батюшка в таких делах суров, и ждала бы Эпера плаха в лучшем случае, в худшем — клетка на Башне. Так что резон его понятен. Умрет король, глядишь, простит наследник вчерашнему барону и жене-падлюке эту мелкую шалость. Мой старший братец, он такой мнительный.

— И где же сейчас этот Эпер?

— Живет с этой коварной бабой в «Резвом зайце», сегодня ночью они будут ждать моего человека. Так что, маг, я нашел убийцу короля, слово за вами. Что скажете?

Старик обдумывал услышанное и лишь потом сказал:

— Этот убийца согласится снизить цену в два раза, но при этом лишь проведет самого барона в спальню. И убивать будет сам барон и его любовница.

— Но он не согласится!

— Согласится. Я знаю эту породу людей. В случае чего ваши люди пригрозят донести на него. Или пообещают, что новый король обязательно помилует его и даже наградит. Хотя, думаю, этого не потребуется. А теперь позвольте откланяться, мне еще нужно поработать.

* * *

Старик долго сидел за столом, не разворачивая свитка. Думал, решал. Читать ли эту Книгу? Нужна ли ему чужая мудрость? Или же мудрость не бывает чужой. Или лишней.

Тем более, если это может помочь больному.

Наконец решительно развернул свиток и впился в него глазами...

Старик увлекся чтением и не сразу услышал, что в окно стучатся. Стук был громким и настойчивым. Встал, подошел к окну, открыл

створку. На мраморную плиту подоконника степенно, вразвалочку вошел большой черный ворон. Остановившись, он внимательно посмотрел на мага и поклонился. Затем повернул голову к дракону, отвесил поклон и ему.

Старик улыбнулся и погладил птицу кончиками пальцев по голове:

— Что скажешь, мой старый Карг? Не удивлюсь, если ты принес мне дурные вести.

Ворон мигнул, отступил на два вороньих шага и вдруг начал вертеться на месте, приседая и хлопая крыльями, разевая клюв и иногда хрипло каркая. Минуты две он исполнял дивный птичий танец, наконец остановился с широко открытым клювом.

Старик давно не упражнялся в птичьем языке, но общий смысл сообщения понял:

— Значит, коллеги Саттара с нами больше нет. Жаль, очень жаль, славный был гном, очень любил науку. Так ты говоришь, что Аррохон уже окружен?

Ворон хрипло каркнул.

— Я так и думал. Я знал, что эта книга принесет еще много бед... Что ж, спасибо, мой верный Карг, будут новости — залетай.

Ворон улетел, а старик снова уселся за стол и раскрыл Книгу. Быстро нашел нужное место. От нахлынувших чувств едва не прослезился. Хотел было даже поцеловать Книгу, но сдержался. Маг почувствовал себя готовым к сражению...

Клещ Мород уже не прятал личины от мага. Если в первое время он еще хранил презрительное молчание, то скоро, абсолютно уверенный в своей неуязвимости, разговорился, особо часто поминая последнюю победу над Лониром. Было это в далекой восточной стране, где местный владыка в полгода «сгорел» без всяких видимых причин. Подозревая отравление, владыка казнил каждый день по знатному вельможе, и перевел бы всю знать, а заодно и свое семейство, не возжелай его старший сын сам стать владыкой.

Уж как убеждал его Лонир не проливать крови отца, не послушался принц. Ночью ворвался в спальню и ударом острого кинжала отправил того в сумрачный мир. Но через неделю после возложения на голову царского венца слег сам. Мород с удовольствием поменял тело полуистлевшего тирана на полное жизненных соков тело тирана юного.

Плохо все кончилось в той далекой восточной стране, до того сытно там было Мороду, что клещ оставил многочисленное потомство. Благо маги быстро научились с потомством справляться древними заклинаниями, но вот с самим Мородом... Подданные быстро поняли, что властитель — не жилец, и знать начала делить власть. Тогда Маг Странствий признал свое бессилие и под покровом ночи бежал из древнего города, где уже занимались пожары, а вче-

рашные добропорядочные граждане доставали из тайников острозаточенные кинжалы и сбивались в банды, чтобы урвать и себе хоть часть из того, что еще вчера было славным государством.

Королевский лекарь в очередной раз свалился в обморок, когда вошел в спальню и увидел, как Маг Странствий беседует с пустотой на непонятном языке со множеством шипящих, свистящих, цокающих и чокающих, а в ответ из груди его короля раздается скрип, шипение и скрежет.

Ближе к ночи Мород разговорился и оказался занятым собеседником. Войдя во вкус, он с удовольствием перечислял венценосных представителей презренной расы смертных, чей сок (клещ называл кровь именно соком) он собирался испробовать в ближайшем будущем. Поскольку время для бессмертных понятие относительное и растяжимое, Мород частенько сбивался и называл среди современных королей великих владык уже ушедших эпох. Лонир со смехом отвечал, что в голове Морода поселился его родной брат Рвель, отнимающий память. Клещ сердился и пучил глазки на стебельках. Признаки беспокойства Мород проявил, только когда маг вдруг резко встал, задул свечу и спрятался за ширму в углу спальни. А уж когда тихо-тихо отворилась дверь и в спальню вошли трое — двое мужчин и женщина, — клещ запаниковал всерьез.

Один мужчина остался у дверей, другой и женщина подошли к ложу. Женщина взяла подушку и сунула ее в руки мужчине, тот повер-

тел ее в руках и начал совать обратно в руки женщине. Некоторое время они таким образом боролись, наконец женщина с подушкой в руках подошла к изголовью ложа, а мужчина навалился королю на ноги. Предсмертные стоны умирающего короля были слышны даже сквозь подушку...

Сердце мага бешено билось. Мысли путались. Сейчас, сейчас, сейчас... Нет, рано, рано, рано... Если сделать это чуть раньше, все теряет смысл. Пора! Нет, рано! Пора! Теперь уже точно пора! Ну, еще одну секундочку, всего одну. А вдруг будет поздно? Пора!

Маг даже сам не понял, как закричал это вслух. Пора! Ширма опрокинута на пол, стражники набрасывают сеть на мужчину и женщину, уже бросившихся к выходу. Но и у дверей стража. Без мечей, даже без кинжалов. Принц грозился самыми страшными карами, если на убийцах появится хоть царапина. Маг бросается к королю. Тот мертв, без сомнения, мертв, задушен! Глаза выкатились из орбит, посиневший язык вывалился изо рта, свесился набок. И клеща нет на груди. Потому что клещ обязан постоянно питаться чьей-то жизнью. Клещ немедленно покидает труп. Но с клещом потом, позже. Сначала — король!

Лонир хватает заранее приготовленный курдюк, вставляет ее горловину глубоко в рот королю и с силой сжимает. Грудь короля вздымается, ведь в курдюке «выдох дракона» — самый почитаемый среди магов Воздушных

Стихий артефакт. Но король не дышит. Маг Странствий творит заклинание, грудь короля снова вздымается, но король не дышит. Еще раз курдюк, еще раз. Неужели все? Неужели маг сам убил того, кого обещал вылечить?! Нет! Есть еще заклинание «горячее сердце». Очень сильное заклинание! Маг призывает все свои силы и произносит заклинание. Под сводами спальни ярко вспыхивает молния. Король вдруг начинает кашлять, изо рта вылетают хлопья пены. Маг чувствует, как по его щекам катятся слезы. Получилось! Король жив. А клещ... маг смотрит на спутанных сетью пленников. Клещ на груди женщины. Брюхо его уже не похоже на шар, скорее — на обвислую грудь старухи. Каким-то образом маг чувствует, что клещ на миг пожалел, что пришлось оставить тело короля, но лишь на миг, похоже, ему нравится сок этой женщины. Сок, пропитанный неумной гордынею, жадностью, похотью и прочими пороками, удивительным образом уживающихся в одном развратном теле. Ну и на здоровье!

А спальня короля уже полна людей с факелами. Принц Эммер стоит на коленях у кровати и обнимает отца. Он еще не знает, что все закончилось, и магу кажется, что принц очень зол на него, на мага. Он выкрикивает в его адрес угрозы. Маг чувствует, что очень устал. Силы оставляют его, он медленно опускается на пол, ложится на пол, поджимает ноги к животу, принимая позу эмбриона, и мгновенно засыпает...

Глава 12

ТЬФУ!

К сытой и богатой жизни привыкаешь быстро. Сытая и богатая жизнь — развращает! Сытая жизнь никак не ассоциируется с зубрежкой в ночь перед экзаменом, как было раньше, когда доцент Нистратов произнес свою знаменитую садистскую фразу: «Что ж, юноша, как говаривал Ленин, вам еще учиться, учиться и учиться... аж до осени», — и развернул мою зачетку, чтобы вклеить в нее неуд... Я ведь хорошо помню, как изменились его глаза. Только что в глазах доцента было абсолютное интеллектуальное превосходство интеллигента советской закалки с легкой примесью горького сожаления о потерянном постсоветском поколении лодырей и двоечников. О моем поколении. И тут доцент видит пачку американских денег. Хорошую пачку, я не поскупился и засунул в зачетку штуку баксов. Хотя за экзамен хватило бы и пары сотен. Но я хотел, чтобы наверняка! Чтобы он офигел! И он офигел! Сначала глаза округлились — удивление! Посмотрел на деньги, на меня (от меня-то он явно не ожидал), снова на деньги. Наконец осознал. И тут в глазах его проявилось то, что и сле-

довало ожидать — затаенная и порочная любовь интеллигента старой советской закалки к американским президентам на купюрах. Движением, достойным хорошего иллюзиониста, препода растворил взятку в ящичке стола и занес перо над зачеткой. И все-таки советская закладка взяла свое. «Хор» вместо «Отл». Мне это «Отл» и на хрен не нужно, мне и «Хор» вполне хватит, но за штуку баксов мог бы...

О, эта богатая жизнь! В моменты, подобные этому, прелести ее ощущаешь особо. Приятно, черт возьми, видеть, что твои однокурсники не разбрелись отдельными компашками отмечать сданный у заразы Нистратова экзамен, как раньше, а ждут на лавочках около главного корпуса возле автостоянки. Ждут меня, Мишу Попова. При этом старательно делают вид, что ждут не именно меня, а просто ждут, когда все сдадут экзамен, чтобы всем вместе скинуться, выбраться на природу и, так сказать, отпраздновать. У нас же очень дружная группа. С недавних пор. И однокурсницы уже не морщат брезгливо свои прелестные носики, глядя на мои затертые джинсы и стоптанные туфли, а обжигают страстными взглядами мой спортивный «мерин». Правда, джинсы у меня и сейчас затерты до небесной лазури, но очень, очень дорогие.

Не спеша подхожу к лавочке, девчонки облепляют меня со всех сторон, щебеча и поздравляя. Сдать у Нистратова с первого раза, да

еще на «хор» — чем не повод отметить! Знамо дело, кто бы сомневался. Ребята тоже здесь, уже раздавили пару пузырей недорогой бормотушки, вон, под лавкой тара пустая. Глаза уже с искорками, смотрят выжидательно, душа требует продолжения. Будет вам продолжение, не беспокойтесь. А кто это меня не поздравляет? Диреева с Галкиной сидят поодаль, обнявшись. Не, вы не подумайте, они не того... Нормальные девчонки. Просто зараза Нистратов их срезал, сказав на прощание свое обязательное: «Учиться, учиться и учиться, девоньки, вы же — будущие врачи. Увидимся осенью». И следующий семестр — без стипендии. Что ж, бывает, тяжело это, по себе знаю. А вот сюрприз! Королева курса Дина Карасевич тоже здесь? Снизошла наконец! Видно, прослышала про нашу последнюю оргию в лучшем загородном клубе. Или же просто — созрела.

— Что, ребята, гуляем?! Мы, кто сдал, с радости, ха-ха-ха, Диреева с Галкиной — с горя. Едем, как обычно, к дубкам?

Интересно, кто-нибудь скажет, что нужно остальных подождать? Ведь полгруппы еще потеет у заразы Нистратова. Ну хоть кто-то заикнется? Народ безмолвствует. Народ готов гулять со мной прямо сейчас хоть до утра. Даже несчастные Диреева с Галкиной, даже королева курса Карасевич.

Народ в нетерпении, народ ждет, народ безмолвно требует хлеба и зрелищ. Нельзя

долго испытывать терпение народа. Рука привычно лезет за лопатником. «Вить — на транспорт», — это с парой купюр Баранову. У него братан на маршрутке работает. Привезет куда надо и увезет, посчитав по головам и собрав самых нестойких по кустам. «Ларис — закусон», — это с парой купюр Ивановой. Самая домовитая у нас, купит все, что надо, и даже соль не забудет. «Коль — на шашлычок», — у Семина кореш на рынке работает, мясо рубит и сам же маринует. Такой шашлык мастырит — слюной подавишься от одного запаха. Там же, на рынке, и уголек прикупит. А «пойло» у меня в багажнике с прошлого раза осталось, слишком много взяли — не осилили.

Ну что, по тачкам? Кроме меня, свои тачки имеются у Баранова — старая «пятерка» — и у Карасевич. Но королева курса сегодня без своей белой «хундайки», сидит на лавочке, рассматривает игру лучиков в перстеньке. Протягиваю королеве руку, говорю какую-то банальщину. Королева принимает комплимент сообразно своему сану, царственно подает ладонь, поднимает упругую попку с лавочки, чтобы занять подобающий ей трон — переднее сиденье моего «мерина». Но какая королева без фрейлин? Делаю знак Диреевой с Галкиной, поедут с нами, хоть какая-то им компенсация за неуд от заразы Нистратова.

В дубках хорошо. В дубках у нас уже своя поляна, где все прибрано-убрано, песочек бе-

лый на бережку озера, дрова для костра заготовлены, мангал вычищен. А на том берегу шалашик, как у Ленина в Разливе, с очень мягким сеном. Какой-то шутник около шалашика гипсовый бюст вождя установил. И погодка сегодня, как по заказу: солнышко палит, водичка теплая. Солнышко и водичка — бесплатно, остальное — по установленной таксе. Дорого, но могу себе позволить.

Едва остановились на полянке, Карасевич первая вышла из машины, подошла к воде и смачно потянулась. Попробовала воду ладошкой, вернулась к «мерину», достала из сумочки купальник, сказала «отвернись» и, не особо смущаясь, переоделась. Я послушно отвернулся, но в зеркальце заднего вида все очень детально рассмотрел. Вот это формы! Аж дух захватывает! И купальник, надо сказать, ей очень идет, знать, послеэкзаменационный выезд на купание был запланирован заранее. Интересно, заплыв на тот бережок со мной в планы королевы входит? А чего тут думать? Сейчас и проверим, пока остальные на маршрутке сюда добираются, а двоечницы Диреева и Галкина по кустам прячутся — купальники переодевают.

Мы зашли в воду, Дина показала прекрасный стиль кроля, но плыть на тот берег пока не захотела. Особое ударение сделала на слове «пока». Или мне так показалось? Ничего, мы не гордые, подождем...

* * *

Веселье было в самом разгаре. У костра уже грома пустых бутылок, шашлык съеден, косточки обглоданы, из мощных динамиков «мерина» гремит танцевальная музыка. Диреева и Галкина пляшут, взбрыкивая ногами и матом понося заразу Нистратова. Пьяненький Баранов уже дважды падал на раскладной столик, он всегда падает, наверное, это станет традицией нашего курса. Как и очередное стояние Семина на коленях перед Ивановой с признанием в любви.

Королева сидит очень близко ко мне, благосклонно позволяет моей правой руке поглаживать ее талию и то, что пониже талии, порой выразительно поглядывает мне в глаза. От дорогих напитков ее лицо зарумянилось, глазки чуть окосели, но все равно хороша, чертовка! Нежные пальчики ее гладят мне запястье. Мог ли я мечтать об этих пальчиках еще год назад? Ну да, как свинопас из сказки про горшочек и принцессу. Что ж, и свинопасы порой достигают высот немалых. Думаю, нам пора осмотреть ленинский шалашик. На ушко предлагаю Дине освежиться в озерце. Предложение принято. Других желающих присоединиться к купанию останавливаю жестом — их величества желают уединиться.

Что ж, Дина оказалась девушкой современной, к предложению осмотреть ленинский шалашик изнутри отнеслась благосклонно,

правда, в соитии показалась несколько холодной, хотя, возможно, это последствие купания. И еще поинтересовалась на обратном пути, много ли юных дев приглашал я осматривать этот шалашик? Что?! Претензии?! Первая ссора влюбленных голубков?

Братец позвонил, когда народ начал играть в бутылочку на раздевание. Едва услышав его голос, я понял: что-то случилось. Осторожно освободился от объятий королевы курса и отошел в сторонку. Братец всхлипнул и сказал, что лежит в больнице.

Когда я сказал про братца и больницу, все вскочили на ноги, всем своим видом показывая, что готовы хоть сейчас мчаться и спасать моего единственного родственника. Если нужно — сдать кровь для переливания, а также кожу, костный мозг для пересадки, если понадобится — органы. Я предложил компании догуливать и поцеловал на прощание Дину. С собой ее решил не брать — не тот случай.

Гайцов мне по дороге, к счастью, не встретилось, через сорок минут я был на месте.

Интересно, почему наша медицина до сих пор считается бесплатной? Даже в «травме» с меня сразу стали вымогать. Хотя сам виноват — подъезжать к больнице «Скорой помощи» на такой тачке... Не надо дразнить гусей. Одарив купюрами различного достоинства всех встреченных на пути — от дежурного врача до поломойки, — я наконец оказался в палате братца.

Ну и рожа у тебя, Шарапов... Морда разбита, под глазом здоровенный фонарь, ноздри распухшего носа заткнуты ватными тампонами. Слава богу, кости целы, а я-то боялся, что разбился мой непутевый братец на «Харлее». Ведь не хотел покупать, да братец упросил. Разве откажешь? Родная ведь кровь. И поведал мне братец, что нет у него больше «Харлея», Муня отнял.

* * *

Про Муню надо сказать особо. Он появился в нашей школе в восьмом классе. Где-то в захолустном райцентре сгорел детдом, вот детдомовцев и перевели в городской интернат и расписали по школам. Двое попали в наш: Лена Синичкина — маленькая забитая сиротка — и Коля Мунин. Едва он вошел в класс, все заржали, ибо такую морду вряд ли где еще увидишь. Это потом боксер и депутат Валуев появился на телеэкранах, а до тех пор мы и не знали, с кем Муню сравнить. Но ржали мы недолго, уж слишком сурово новый одноклассник на нас глянул из-под надбровных дуг, да и росточком он удался — на голову меня выше. Только Сашка Захаров дольше всех закатывался и даже обозвал его питекантропом. Именно Сашку Муня и отлупил на первой же перемене. Отлупил он потом многих, в том числе и меня, но одноклассники ему быстро надоели, какой

интерес связываться с мелочью, и Коля принялся лупить выпускные классы.

Ну да, его вызывали к директору, он вечно состоял на учете в детской комнате милиции, его даже выгоняли из школы, правда, сразу принимали обратно, потому что сирот обижать нельзя, завели несколько дел и хотели посадить в колонию для несовершеннолетних. Муне все было нипочем. На переменах он курил в туалете, а после уроков с такой же шпаной тусовался у гастронома и сшибал у прохожих мелочь «на бормотушку». Естественно, уроков Муня никогда не учил, да и к доске его не вызывали. Потому что и говорил он по-уродски, то гундосит в нос — ничего не разберешь, то рычит.

Несмотря на это Колю все-таки довели до девятого класса (молодого историка, который только заикнулся на педсовете с предложением оставить Муню на второй год, училки чуть было не порвали в клочья) и определили в ПТУ. Там Муня отлупил самую борзую шпану, после чего сам ее возглавил. И мы уже обходили местный гастроном за километр, а если родители посылали за продуктами, предпочитали съездить пару остановок на автобусе в соседний продмаг, нежели встречаться с Муней.

Потом случилось то, что рано или поздно должно было случиться: Муню посадили. Через год он появился у гастронома снова, но уже в наколках. Следующий срок был побольше, и

статья суровее. Но ведь государство у нас гуманное, как не пожалеть сиротку? По словам братца, теперь Муня обретался с такой же уголовной шпаной на пустыре за ремзаводом, а когда я спросил, какого хрена братца туда занесло, тот потупился и признался, что «хотел «Харлея» в деле проверить». Вот и проверил.

Ладно, оставим эмоции в стороне, займемся восстановлением справедливости. По идее, можно было просто набрать номер замначальника нашего РОВДа, и доблестные менты сегодня же закроют Муню в СИЗО. И статью нарисуют — мало не покажется. Можно позвонить директору ЧОП «Медведь» Игорю Алексеевичу и парой слов обрисовать задачу. С недавних пор у нас с «Медведем» очень тесные и дружеские отношения, а ребята там крепкие и вооруженные. За решетку не посадят, но бока намнут, и пару месяцев он точно будет ссать кровью. Будь кто другой, я так бы и сделал. Но Муня...

К Муне у меня были личные счеты. Очень хотелось напомнить ему «школьные годы чудесные», синяки и многие километры пути в обход гастронома. Ну и за братца, конечно, пусть ответит.

Был ли у меня план, когда я ехал к ремзаводу? Да не было особо плана. Просто очень хотелось поглядеть в глаза Муне, когда мой ангел-хранитель схватит его за глотку. Я по-

гладил медальон на груди и еще сильнее нажал на педаль газа.

Искать Муню долго не пришлось. Сначала я услышал характерный рев мотоциклетного движка — «Харлей» хрен с чем спутаешь, потом увидел и всю компанию уголовных типов. Муня сидел на мотоцикле и накручивал ручку газа. Видно, глухой его рев ему очень нравился.

Я вышел из машины. Пара Муниных «шестерок» отделилась от компании и двинулась ко мне. Вряд ли чтобы просто поговорить, иначе зачем медальону у меня на груди так вибрировать? Опп показался, когда эта сладкая парочка подошла вплотную. Да, на Муню явно не тянут, но очень стараются на него походить — бритые черепа, походка косолапая — вразвалочку, мутный взгляд кровожадных дебилов. Правда, выражение глаз, едва мой зловещий ангел-хранитель на белый свет явился, поменялось. Ужас увидел я в глазах этих еще секунду назад уверенных в своем абсолютном превосходстве долбойоппов. В общем, обосрались ребята по полной программе. И очень правильно сделали, между прочим, потому что Опп мой суров, и единственный шанс отделаться при встрече с ним малой кровью — очень сильно испугаться и сделать ноги. Или же попытаться спрятать голову в песок, как экзотическая птица страус. Но отморозки просто испугались, и когда стальные лапы орка ухватили их за шеи и придали очень мощное ускорение

навстречу друг другу, лишь охнули в унисон. Бритые черепа ударились друг об друга с глухим стуком, когтистые лапы разжались, отморозки повалились в грязь.

А Опп, словно и не заметив инцидента, быстрыми шагами направился к Муне, оставшемуся в одиночестве, — видимо, смекнула мунинская братва, что здесь им не светит... Я вытащил из пачки сигарету и, торопясь, прикурил, стараясь не пропустить ни малейшей детали предстоящего действия. До сих пор Муня только бил. Теперь ему предстоит быть битым. Как ему это понравится? Или же вдарит сейчас по газам, и лови его, свищи его...

Но Муня отступать не собирался. Он спокойно слез с мотоцикла и медленно, вразвалочку двинулся навстречу Орру. Враги приблизились вплотную, остановились, внимательно разглядывая друг друга, вдруг громко зарычали (оба!), сделали шаг навстречу и... обнялись.

Такого я ну никак не ожидал! От удивления аж сигарету выронил. Мой верный телохранитель обнимался и терся щекой о щеку ужаса моих юношеских лет. Ничего не понимаю!

А Опп уже волок Муню ко мне:

— Хозяин! — сияя от счастья, прорычал орк. — Великое счастье Орра! Опп нашел брата Тарра!

Ничего еще не понимая, я переводил взгляд с орка на Муню. И вдруг заметил, что они похожи, очень похожи. Та же гориллообразная

фигура, те же мощные надбровные дуги, скулы, руки до колен... Только мой Орт покрупнее будет и зарос шерстью, а Муня выбрит, в грязных джинсах, сапогах кирзовых, в фуфайке и в наколках. Но на мордах у обоих — блаженство.

— Нас в детстве разлучили. — Орт словно торопился оправдаться передо мной. — Меня взяли в слуги к магам, а когда я вернулся в деревню, ее уже не было. Эльфы всех, подчистую... — Орт снова залился слезами и принялся обнимать своего блудного брата. — Я думал, совсем один остался. Оказывается, наша мама, раненная, смогла маленького Тарра за порталом спрятать, здесь его люди нашли, вскормили, воспитали...

Да уж, воспитали. Воспитаешь такого. Представляю, как удивились тетки в доме малютки, когда к ним принесли этакий подарочек. И это начало расти. Что ж, теперь все ясно. Брат нашел брата. Дамы, достаньте платочки и утрите слезы.

Я еще раз глянул, как два здоровенных мускулистых, клыкастых орка обнимаются, урча и покрывая друг друга поцелуями, повернулся и пошел к машине. Тьфу, какая гадость...

Эпилог

Лесной дед

— Не, я не понял, в натуре. Че творится?! Че никто не работает?!

От рева пассажира жирного черного «Лексуса» испуганно затихли даже вороны в кронах деревьев, теснившихся вокруг песчаного карьера. Слуга народа выходит из внедорожника и недобрым взглядом бычит на стройплощадку. Кулаки его сжимаются, лицо багровеет на глазах — народный избранник в прошлом занимался боксом и рэкетом, характером был крут, в поступках часто несдержан. По этой причине подчиненные стараются ему без особых причин на глаза не попадаться. Однако сегодня дорожные строители воспринимают явление «барина» совершенно спокойно: водилы продолжают забивать козла, мощными ударами костяшек сотрясая дощатый стол, бульдозерист лежит в импровизированном гамаке из рыболовной сети и читает Акунина в мягкой обложке, смуглые по жизни и от загара узбеки-разнорабочие валяются в травке и слушают сидишник, изрыгающий какой-то восточный фольклор. Начальство стройки, а прораб с мастером тоже тут, в открытую пьют

горькую на лавочке около строительного вагончика.

Слуга народа замечает главную жертву и кровожадно ухмыляется. Быстрым шагом направляется к выпивающим, нависает над мастером и даже протягивает руки к его шее, чтобы придушить на месте. Но вовремя вспоминает о своем статусе и берет за горло словесно:

— Слушай сюда, урод! У тебя одна минута, чтобы объяснить причину простоя. Иначе я тебя здесь же зарою и вот тем катком закатаю.

Мастер выслушивает ультиматум, смотрит в сторону импортного, выкрашенного в яркий желтый цвет катка, и лишь потом поднимает глаза на барина. Глаза совершенно пьяные, видимо, квасит с утра. Ни страха, ни привычного подобострастия во взгляде не было.

— А-а-ааа, Виктор Семеныч! А я с утра вам звоню, звоню. А вы все вне зоны, вне зоны... Сейчас все объясню. А сначала не хотите ли дерябнуть с нами? Петрович, наливай дорогому гостю...

Мастер подмигивает прорабу. Тот с опаской глядит на депутата, но все-таки разливает водку по стаканам, стараясь не булькать. Содержимое протянутого барину стакана немедленно выливается на голову мастеру. Мастер медленно обтекает, утирается, лезет во внутренний карман пиджака, достает листок с текстом и синей печатью, подает депутату.

— Вот, Виктор Семеныч, ознакомьтесь...

Народный избранник рассматривает документ, брезгливо оттопырив губу. Читать он со школы не любит, книг и прочей печатной продукции терпеть не может, разве что мужские журналы. И то, большей частью, картинки с голыми девицами посмотреть. Правда, на работе в областной Думе ему приносят целые кипы разных бумажек, которые приходится подписывать, но читать-то их он не обязан. А тут какое-то предписание: «На основании проверки... от такого-то числа, месяца, года... комиссия... установила факт незаконной вырубki в государственном заповеднике... немедленно прекратить, вернуть в первоначальное состояние»... Депутат ничего не понимает, пробует перечитать еще раз, не справляется, с раздражением сует листок за спину, в руки юриста. Нынче депутат без юриста никуда! Время такое! И в табло нынче вот так просто никому не засветишь, сразу в суд побегут, совсем людишки страх потеряли.

Юрист, тот толк в бумагах знает и бумагу с синей печатью уважает. Хватает документ, водружает на глаза очки (за что и имеет обидное прозвище Очкарик), подносит бумагу к самому носу.

— Виктор Семеныч, это от природоохранной прокуратуры. Предписание. Требуют немедленно остановить строительство в запо-

веднике и восстановить вырубленный лес за свой счет.

— Че за хрень?! — снова начинает багроветь депутат.

— Ничего не понимаю, — признается Очкарик. — Мы же, в смысле вы, все вроде утрясли. И с прокурорскими тоже. Вы же все разрешения, согласования...

— Откуда бумага? — берет быка за рога депутат.

— Лесник утром принес, — объясняет мастер.

— Какой такой лесник?!

— Местный. Лохматов фамилия, — пояснил мастер. — А еще акт составил и гидрант с генератором опечатал. Пломбой. Сказал, сорвем пломбу — срок. А еще у нас...

— Смотри, — депутат не дает мастеру договорить, берет из рук юриста документ и сминая его в огромной лапище. — Понял?! Так же я твоего лесника. Ты вроде как не понял, на кого работаешь, кому дорогу строишь?! Я — Сенькин, понял? Я Сашку Быкова в спортшколе по рингу, как пацана, гонял, понял?! Я дверь в губернаторский кабинет ногой открываю! Понял?! Работать! Бегом!

Депутат бросает документ на землю и быстрым шагом направляется к генератору рвать пломбу. Мастер с прорабом все-таки выпивают украдкой и бегут за барином. Юрист поднимает смятый листок, аккуратно его расправ-

ляет и помещает в папку. Уважение к документам у него в крови.

По дороге к генератору депутат переворачивает гамак с любителем Акунина, сверзая его на землю, пинает ногой сидишник и гавкает на узбеков, отчего те вскакивают на ноги и вытягиваются по стойке «смирно» со своими лопатами. Так же решительно депутат сметает домино со стола перед водилами и указывает пальцем на четыре самосвала, выстроенные в ряд на краю площадки. Водилы на рассыпавшиеся костяшки домино смотрят с сожалением, но к технике идти не торопятся, пытаясь что-то объяснить. Депутат хватается за голову и бежит к машинам. Все четыре «КамаЗа» к работе явно не готовы. Самосвалы стоят на дисках, кто-то старательно проколол все колеса. Все сорок!

— Сторожей! — визжит депутат. — Сторожей сюда!

Визжит так громко, что из второго «Лексуса», сопровождавшего «барский», немедленно выходят крепкие парни характерной наружности. Только вместо спортивных костюмов на них нынче черные костюмы и даже галстуки. Что поделаешь, иные времена...

Начинается следствие. Ночной сторож почему-то только один, да и он обнаружен утром в кустах. Мужик явно не в себе: у него трясутся руки, блуждает взгляд. При обнаружении пытался кусаться, оттого связан бельевой

веревкой. На вопросы не отвечает: либо игнорирует, либо нервно смеется. Головной убор отсутствует, волосы дыбом. Черная форма охранника с шевроном «ЧОП Орел» сильно испачкана и в некоторых местах порвана. Словно владельцу пришлось пробираться сквозь очень густые заросли. И пахнет от него...

— Он что, обосрался? — спрашивает депутат, брезгливо морща нос.

— Обосрешься тут, — внезапно отвечает сторож, глядя куда-то в лес. — Я от нечистой силы охранять не нанимался.

Большого от охранника добиться не удалось. Депутат смачно выругался.

* * *

К обеду ущерб, нанесенный строителям неустановленными злоумышленниками, примерно подсчитан. Помимо второго, пропавшего, охранника и проколотых шин самосвалов, оказалось, что изрезаны рукав гидранта и гидравлические шланги экскаватора, на топливном баке последнего грубо выцарапан явно фаллический символ. Разбиты все четыре прожектора для ночной смены, хотя установлены они были на решетчатых вышках довольно высоко. Также побито несколько стекол в строительных вагончиках, а в кабине новенького японского бульдозера кто-то нагадил. В общем, смена решительно сорвана.

Депутат дает выход чувствам. Он стоит на краю карьера и, глядя в сторону леса, обещает «не установленным пока злоумышленникам» такие кары, пытки и мучения, что услышь все это сочинители самых кровавых американских ужасиков — с зависти подавились бы.

От раскатистого рева лесные пичужки затихли окончательно.

Наконец депутат иссякает, возвращается в карьер, садится за стол. Он уже собран и деловит, берет телефон, и хотя сотовая связь здесь не берет, его спутниковый работает надежно. Депутат набирает номер и тут же сбрасывает. С ментами пока решил не связываться — братва не поймет. Набирает другой номер, дожидается соединения и отдает распоряжение. Коротко и быстро, как в боксе.

Мастер уныло выслушивает доклад геодезиста, отпускает его движением ладони, лезет в сейф за запиской. Без стакана сейчас никак! Потому что даже разгром, устроенный в карьере — цветочки. Участок недавно уложенной и даже заасфальтированной дороги примерно в полкилометра, еще вчера прямой и ровный, сегодня был больше похож на американские горки. А в некоторых местах насыпь и вовсе проваливалась в непонятно откуда взявшееся болото. Невозможно! Но факт!

Мастер берет чекушку, под чекушкой — листок бумаги. Серой, оберточной. На бумаге каракули, иначе и не скажешь. Словно дошкольник упражнялся писать углем из костра.

«Дерево Не рубит. Земля Не возит. Плохо будет». Этот листок мастер нашел в первый день, когда начали вырубki в заповедной зоне. Лежал на пеньке от заваленной сосны, аккуратно придавленный камушком. И очень он мастеру не понравился. Если бы «зеленые» с их пикетами и плакатами, мастер даже не напрягся бы, Виктор Семенович такие вопросы на раз решает. Ребята у него крепкие, дело свое знают, глядишь, и нету больше пикета: гринписовцы хреновы — кто в кутузке, кто в больничке. А корреспондент из районной газетки трет ушибленный нос и уныло смотрит на разбитый фотоаппарат — дорогостоящую собственность редакции. Хотя мастер таких методов и не одобряет, сам натерпелся в лихие девяностые. Но вот эти каракули... Странные, пугающе странные... Даже буква Е в другую сторону повернута. Не к добру.

Мастер аккуратно выпивает и смотрит на схему строительства, прикрепленную к стене. Дорога резкой линией пересекает территорию заповедника и упирается в реку. Там у депутата «заимка». По бумагам — кордон лесника, на деле — охотничья усадьба с шикарным зимним домом. И пристань с яхтой и катерами. Вот и плавал бы на свою заимку на катере. Так ведь нет, подавай ему дорогу через весь заповедник. И ведь строится за бюджетный счет. Будто у заповедника других проблем не хватает, кроме этой асфальтовой дороги...

Воровато оглянувшись, мастер вынимает из-под стола что-то завернутое в ватманский лист. В стенгазету, а это была стенгазета, сохранившаяся еще с прошлого строительства, завернута стрела. Сама настоящая стрела с острым наконечником и оперением, сделанным из перьев какой-то диковинной птицы. Ее принес утром один из узбеков. Сказал, что нашел под разбитым прожектором. Видимо, этой самой стрелой его и раскокали.

Мастер слышит шум за окном, прячет стрелу за стол, а записку обратно в сейф, торопливо выпивает остатки, бросает пустую чекушку в ведро, приглаживает еще пахнущие водкой волосы на затылке, устраивает пустую папку под мышкой и с деловитым видом выходит на крыльцо. Ага, второго охранника нашли, вот и послушаем.

Выясняется, что охранника еще утром отловили в соседнем селе. Он пробовал вломиться в закрытую на ночь церковь. Церковь в селе нынче охраняется почище, чем сельповский магазин, потому как в стадии реставрации, и в ней хранятся ценные стройматериалы. Охранник явно не в себе, постоянно бормочет молитвы, хотя ни одной до конца не знает.

Пару раз помянул лешего и кикимор. Еще — маленьких зеленых человечков. Увидев приближающегося к нему депутата, истошно завизжал: «Изыди, сатана!» и попытался скрыться в лесу, но был пойман и связан.

Директор заповедника имел вид совершенно бледный. Как человек сугубо верующий, он в очередной раз крестится в сторону леса и клянется, что ничего о ночных событиях в карьере не знает. Что против дороги через заповедник ничего не имел и не имеет, напротив, считает ее здесь очень нужной. И потом, как сугубо православный человек, разве же может он вредить своему благодетелю?! Ведь и домик двухэтажный ему благодаря хлопотам Виктора Семеновича Сенькина за бюджетный счет построили, и новенькая «Шеви-Нива» из того же источника, и снегоходов новых пара. Но Виктор Семенович Сенькин ему не верит. Допрашивает, как партизана, кто мог такое сделать? Какой урод, какой самоубийца покусился на строительный объект, который ведется для самого Сенькина?! Таких наездов он, Сенькин не прощает.

Впрочем, «не прощать» пока некого. Прочесывание леса вокруг стройки ничего не дало, как и опрос мужиков в ближайших населенных пунктах. Мужики, как правило, пьяны уже с утра, и у каждого на вчерашний день — алиби, подтвержденное минимум двумя свидетелями. Потому как традиции здесь чтут и соображают по старинке на троих. Но ведь кто-то же испортил технику?! Может, пацаны шалили? И обнаруженные следы маленькие — вполне похожи на детские. Но с детьми в со-

седних селах еще хуже, чем с трезвыми мужиками. Нету их. А если и были, давно в город переехали, школу-то последнюю в Гуньках лет пять, как закрыли.

Под окнами вагончика снова какой-то шум. Охранники депутата и подъехавшая из города братва, вооруженная помповухами, возвращаются с прочесывания местности. Идут не с пустыми руками — ведут с собой деда, совсем старого и седого. Старик был в широких портах и длинной рубаше, на ногах лапотки, в руках корзина с боровиками. Во время сбора грибов его и задержали. Но предъявить ему есть что: на строительство дед смотрит неодобрительно, на депутата — без всякого почтения.

Депутат недоволен. Вряд ли этот старый пень смог испортить технику. Но знать что-то может. Должен!

— Слышь, дед, — говорит депутат. — У меня времени с тобой рассусоливать нету. У меня время — деньги. Я Сенькин, понял? Час тебе времени, чтобы те, кто тут куролесил, были здесь. А не то я тебя...

Депутат сжимает кулаки, багровеет лицом и с силой бьет носком дорогой туфли по дедовой корзине. Крепкие боровички и красношляпые подосиновики рассыпаются по траве.

— Час времени тебе, понял? Ферштейн?!

— Натюрлих! — неожиданно отзывается дед, с сожалением глядя на грибы. — Значит, ты, мил человек, здесь главным и будешь?

Час — это много! Щедрый ты, спасибо. Час так час. Только часов-то у меня нету, как быть?

— А я тебе подскажу. — Депутат смотрит на свой золотой «Ролекс». — Сейчас девятнадцать сорок пять...

— Вот и славно, — говорит дедок, подбирает с земли крепкий боровичок, гладит его по шляпке и блаженно улыбается.

Внезапно лицо депутата меняется, на нем явно читается удивление. Депутат оглядывается по сторонам и вдруг, резко сорвавшись с места, бежит в сторону дощатого нужника.

Его доблестная охрана — все четверо сначала недоуменно смотрят вслед барину, а потом вдруг одновременно хватаются за животы и бросаются его догонять. Когда они добегают до сортира, из-за дверки с выпиленным сердечком уже раздаются характерные звуки мощных испражнений. Охранники в панике мечутся перед туалетом и, на ходу расстегивая брючные ремни, исчезают в кустах. Следом за ними в заросли бросается братва.

— На здоровье, — говорит дедок, подбирает корзинку и удаляется в чащу, на прощание сделав офигевшим строителям ручкой.

* * *

Доктор пребывает в явном замешательстве. За всю свою долгую практику он такого не видел. И даже не слышал. А практика у него о-го-го! И отделение лучшее в области! Мин-

здрав его ценит. Губернатор грамотой почетной одарил, лично руку жал. А вот что сказать этому больному, доктор не знает. И ведь не простой больной-то... Депутат народный! Такого попробуй не вылечи!

Больной очень нервничает и выжидательно смотрит то на доктора, то на часы. На часах 9.44. Время московское. Доктор очень надеется, что лекарство поможет. Ну, не может не помочь этот фирменный немецкий препарат! Хотя не в нем тут дело. Тут явно что-то другое...

Часы на столе тихо пискнули, минутная стрелка указала девятку, депутат Сенькин заскулил, обозначил лицом страдание, вскочил со стула и быстро исчез за дверью туалета. Персонального туалета в кабинете заведующего инфекционным отделением.

Доктор поморщился от запаха, помахал перед носом ладошкой, достал из стола баллончик с аэрозолем, попшикал. Грустно констатировал, что в туалете придется делать серьезную санобработку. Сам виноват, надо было осматривать больного в приемной. Хотя такие к общим приемным не привыкли.

Через пять минут в санузле зажурчало. Депутат вернулся из туалета, тяжело опустился в кресло. Смахнул слезу с глаз, сказал доверительно:

— Опять! Еле успел. Я уже и трусов не надеваю.

— Может, еще раз уголь попробуем? — без особого оптимизма предложил доктор.

— Я тонну угля сожрал, — махнул рукой депутат. — Не помогает. Три дня только уголь и жру. И рис на воде. А все равно дрищу. Каждый час. Доктор, что со мной?

Доктор поежился, словно озноб прохватил. Мелькнула мыслишка: «Не подцепить бы заразу», хотя уже понимал: не зараза это и, слава богу, не холера. Тут что-то другое, нервное. Доктор снова пошелестел бумагами, принесенными из лаборатории.

— Судя по анализам, у вас сильное отравление грибами.

— Я их в рот не беру. С детства ненавижу! — решительно заявил Сенькин. — Не мог я грибами...

Доктор и сам понимает, что не мог, но вот же лабораторное заключение: черным по белому...

— Сейчас как себя чувствуете? Позывов нет?

— Доктор, ну я ж тебе... вам сто раз говорил. Все нормально у меня, а вот как только на часах без пятнадцати, так хоть воем вой. Тянет на очко, и все тут! И так круглые сутки! Это ведь ни поспать, ни пожрать. Жена к матери уехала. В Думе со мной рядом сидеть не хотят, дизентерии боятся... Братва опять же недовольна, базарят, я накосячил, а сратья им. Да и в памперсах ходить — запахло...

Депутат продолжал жаловаться, едва не плача, сулил за исцеление золотые горы и «решение всех вопросов», но доктор его уже не слушал и что-то быстро писал на листке бумаги.

— Это че, рецепт? — депутат с удивлением рассматривал каракули. (И почему у всех врачей такой отвратительный почерк!)

— Нет, это адрес. Тут под Зареченском бабка живет, травами, заговорами лечит. Ей лет сто уже, если не больше. Меня в детстве от заикания вылечила, моей старшей дочке цыпки свела. Попробуйте к ней обратиться. Если жива, конечно. А современная медицина здесь бессильна...

* * *

Звонко звякнул колокольчик, хлопнула дверь, заскрипели доски под домоткаными половицами. От вошедшего пахнуло холодом и свежим перегаром. Хозяин отложил берестяной свиток, снял очки, с интересом посмотрел на большую коробку в руках гостя.

— Здравьжелаю, Аристарх Михалыч,— сказал гость и широко перекрестился на образа в углу. Осмотрелся, устроил коробку на лавке, над которой висели фотографии в рамках. На одной из них хозяин обнимался с писателем Паустовским, на другой с натуралистом Песковым, с третьей улыбался первый в мире космонавт в кожаном летном шлеме, с дву-

стволкой за плечом и парой уток на поясе. И тоже в обнимку с хозяином. В центре экспозиции висело цветное фото в богатой раме. Хозяин с рогатиной в руках позировал в зимнем лесу на фоне туши огромного медведя, рядом закуривал сигарету «Новость» солидный мужчина с очень густыми бровями и в богатой меховой шапке. И тут же совсем скромная черно-белая фотокарточка — хозяин на фоне заваленного сохатого дает прикурить папироску последнему русскому самодержцу в фуражке. И, кажется, что с тех пор внешне хозяин совершенно не изменился. Та же седая борода, тот же лукавый, с прищуром, взгляд, да и порты на нем вроде те же самые.

Остальные стены избы тоже не пустовали. Одну украшали охотничьи трофеи: волчьи и кабаньи головы, здоровенная медвежья шкура, чучело рыси. Венчала все это голова лося с огромными рогами. На другой стене изделия народных промыслов: вышитые рушники, плетеные лапотки и корзинки, резные ложки-поварешки, на полках стояли горшки, крынки, берестяные кораба, прочая сувенирная дребедень. Кроме полок и лавок из мебели имелась старинная горка красного дерева. За треснутым стеклом виднелась посуда, в том числе сервиз «Мадонна» производства ГДР. Кровати не наблюдалось, зато большая русская печь, занимавшая добрую треть горницы, была не

просто побелена, а выложена изразцами с диковинными зверями и птицами.

— Хорошо ли почивали? — поинтересовался гость.

— Спасибо. И вам того же, — степенно ответил дедок.

Церемониал приветствия был закончен, гость присел к столу, не торопясь достал кисет, стал сворачивать козью ножку. Прикурил от керосиновой лампы, начал издалека:

— Думаю, зима в этом годе лютая будет. Снежная и морозная.

— Судя по рябине, так и будет. Уж больно красна.

— А ноноча-то погоды радуют.

— Хорошая осень, грибов много, ягод, — кивнул дедок на корзину грибов у стола, сам краем глаза поглядывая на принесенную коробку.

— Кстати, про грибы, — сказал гость как бы между прочим. — От дороги-то той и следа не осталось. Все убрали, заровняли, землицы жирной привезли да елочками засадили. Чин по чину.

— Да ты что? — фальшиво удивился дед.

— Чесслово. Вот, от природолюбков новых презент вам.

Гость встал и ловко распаковал коробку.

— Что за невидаль такая, — всплеснул руками дед, разглядывая большой черный телевизор.

— Да ладно, Михалыч, кончай придуриваться, без туриста я ноне, — сказал Лохматый, прилаживая к телевизору крепления. — Куда вешать, где у тебя антенна?

— Вон, за прялкой.

— Тута его повешу, ага? Вот у меня и шуруповерт с собой. Щас я его, быстренько. С печки как раз хорошо видно будет. Так что дело сделано, можешь сымать заклятие, — сказал гость как бы между прочим..

— Ишь ты, сымать, быстрый какой, — посуловел дед. — А он, между прочим, мне угрожал. И корзину ногой...

Дед посмотрел на телевизор и тут же смягчился:

— Как они там? Срутся?

— Точно по расписанию, — сказал лесник и сначала тихонько прыснул в кулак, а потом не выдержал и заржал в голос, едва не уронив телевизор. Отсмеявшись, все-таки укрепил его на стене и продолжил:

— Охрана его через каждые три часа, как по расписанию. А сам — ровно через час. Хотя часы сверяй. Я с ихним юристом говорю, а он сам в машине сидит и в окошко смотрит. То на меня, то на часы. Машина большая такая, с фургоном. Так он в нее биотуалет передвижной поставил, чтобы, значит, успевать. И глаза такие жалобные... Говорят, он всех докторов обошел — не помогло. Потом к знахаркам, те сглаз-то узнали, а снять не могут. А тут я с деловым предложением. В общем, договорились.

Здорово ты его, дедушка, надолго запомнит. Ну че, снимешь сглаз-то?

— Даже и не знаю, что сказать. — Дед почесал бороду. — Знаешь, как он меня разозлил!

— Они тебе еще снегоход новый с генератором пришлют, — быстро сказал лесник.

— А бензин? — нахмурился дед.

— Обещали завозить раз в неделю. Так что зимой будешь со светом.

— Свет, это хорошо! — дед одобрительно кивнул. — Без света ноне никуда. Хотя снегоход лучше сначала в деле проверить, а то пришлют какую рухлядь... Ну да ладнова, что-то доверчив я стал в последнее время, давай сюды твоего депутата.

Лохматый быстро залез за пазуху и вытащил глянцевый портрет народного избранника. Видимо, буклет с последних выборов. Кандидат в депутаты Сенькин в цивильном костюме и галстук гордо восседал на фоне триколора.

— Эка важный какой, — оценил дед, выбрал из корзины черный груздь и начал на него что-то нашептывать. Потом громко сказал:

Гриб-дристун, погоду чутка.
Гриб-дристун, прости дурака.

И смачно на портрет плюнул.

— Все вроде, — сказал дедок, возвращая буклет Лохматому. — Только передай, чтобы сразу на жратву не набрасывался — наголо-

дался ведь, теперь отыгаться решит. А то был случай в девятьсот одиннадцатом, я тогда урядника наказал, так он после дристуна целого поросенка в одну харю слопал, да щей кастрюлю, да каши чугунок — заворот кишок, так и помер без покаяния.

Дед хихикнул, взял пульт, нажал кнопку и с минуту наслаждался открывшимся зрелищем. Показывали что-то из старого советского цирка.

— Эка красотища какая!

— Такое дело стоит и отметить, — предложил Лохматый, хлопнул себя по голове, вскочил, выбежал из избы и скоро вернулся с большим красивым пакетом: — Да, чуть не забыл. Тут подарочки, ну, кикиморкам вашим. Парфюм, шампунь, помада, все, как любят. Очень они хорошо на Ивану Купалу поработали, не скоро теперь охотнички в заповедник пожалуют. Двоих в дурку свезли, третий — в затяжном запое. А это для внучков ваших. Ох и здорово они на карьере-то. Хорошие ребятки, с выдумкой. Как с колесами-то придумали! Кстати, где они, чего-то не видно?

— Глаза разуй, уважаемый, — сказал дед и кивнул в сторону окна — вона, упражняются.

Под древним дубом два парнишки лет десяти-одиннадцати в зеленых плащах с накидками упражнялись в стрельбе из лука по пластиковым бутылкам. Судя по острым ушкам, полукровки.

— Эки красавцы, — умилился лесник и тут же насторожился. — Слышь, Михалыч, а че это они у тебя не растут совсем? Им понашенскому уж под полтинник будет, а они с виду совсем пацаны.

— Ниче, — успокоил дед, с любовью глядя на внуков. — Всему свое время. Одни сразу в рост идут, дылдами вымахивают, а толку? А эти — умнички, слава те господи. Не зря говорят — мал, да удал.

Лесник вслед за дедом перекрестился на образа и заглянул на дно пакета:

— Это еще от господина Сенькина с извинениями. Часики. А это вам лично, от господина Боба. С благодарностью.

Дед с уважением рассмотрел большую бутылку с красивой этикеткой, но распечатывать не стал — поставил на полку горки. Оттуда же извлек старинного вида штоф, разлил янтарного цвета напиток по стаканам и проворчал:

— Ежели честно, я этих висок-коньяков не очень, вот медовушка — другое дело. Это нового замесу. А ежели еще под клюковку! Щас сам оценишь.

Выпили, закусили, дедок снова разлил по стаканам и с большим чувством глянул на солидно поблескивающий «Ролекс» на запястье, потом на телевизор. Цирк кончился, показывали новости.

— А что нового в мире творится? Не нужна ли ешшо какая помощь?

— Как же не нужна, дедушка, — сказал Лохматый, опорожнил стакан и всем своим видом изобразил полный восторг. — Химики опять чуют.

— Что за химики? — спросил дед, подвигая к Лохматому горшочек с клюквой.

— Да завод наш. «Хим дым», ты должен помнить. Всегда от него вонища была, особо когда ветер северный. А обанкротился — люди вздохнули. Но тут такое дело, выкупили его москвичи, обещали новое оборудование завезти, экологичное, а оно опять завоняло. Природу губят, народ травят, рыба на Барычевых прудах кверху брюхом всплыла. И ничего сделать с ними не можем, на все законы плюют. Может, поможешь?

— Как не помочь, — кивнул дед. — Природу надо любить, народ ценить, а законы — уважать. Привези-ка ты мне их портреты, паря, я им раков в штаны запущу. Вот вычитал надясь в книге новое заклинание, хочу в деле проверить. С раками в портах как-то сразу природу любить захочешь. На то она и природа, мать наша...

Оглавление

Пролог. БОБ, КРАПИВА И ЛОХМАТЫЙ	7
Глава 1. СДЕЛКА	53
Глава 2. ГАДЮШНИК	102
Глава 3. СТАРИК С ШАРМАНКОЙ И ДРАКОНОМ	114
Глава 4. ГАДЮШНИК С АРОМАТОМ «РОКФОРА»	146
Глава 5. КОРОЛЕВСКИЕ ХВОРИ	164
Глава 6. ГАДЮШНИК. ОСТОРОЖНО — ЗМЕИ!	179
Глава 7. КЛЕЩ	187
Глава 8. ГАДЮШНИК. ОБЫСК С АРОМАТОМ CANNABIS. .	197
Глава 9. ВТОРОЕ ПРИШЕСТВИЕ МЕНЯ	218
Глава 10. ТОРГ	236
Глава 11. КОЛЛЕГИ	280
Глава 12. КЛЕЩЕБОЙ	306
Глава 12. ТЬФУ!	315
Эпилог. ЛЕСНОЙ ДЕД	328

Литературно-художественное издание

НАРОДНАЯ ФАНТАСТИКА

Манов Юрий Львович

ЭЛЬФЫ СРЕДНЕЙ ПОЛОСЫ

Ответственный редактор *И. Минаков*

Редактор *Т. Соловьева*

Художественный редактор *С. Курбатов*

Технический редактор *О. Куликова*

Компьютерная верстка *Л. Панина*

Корректор *М. Фирстова*

ООО «Издательство «Эксмо»

123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: «ЭКМО» АҚБ Баспасы, 123308, Мәскеу, Ресей, Зорге көшесі, 1 үй.

Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»

Қазақстан Республикасында дистрибутор және өнім бойынша

арыз-талаларды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шекталмаған.

Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно
законодательству РФ о техническом регулировании можно
получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей

Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 24.09.2013. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Гарамонд». Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48.

Тираж 10 000 экз. Заказ № 2682.

Отпечатано в филиале «Тверской полиграфический
комбинат детской литературы» ОАО «Издательство
«Высшая школа». 170040, г. Тверь, пр-т 50 лет Октября, д. 46.
Тел.: +7 (4822) 44-85-98. Факс: +7 (4822) 44-61-51

ISBN 978-5-699-68047-4

9 785699 680474 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.*

international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**

E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля букашками-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. tdo-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

Всё самое
интересное
в ФАНТАСТИКЕ
и МИСТИКЕ
в группе:

http://vk.com/m_y_f

Эльфийка усмехнулась, повернулась к сидящим на траве Витьке и Пашке, взялась за конец веревки, резко дернула:

– Эй, рабы, чего расселись?! В сказку попали? Встали и пошли!

Когда пленники с явной неохотой поднялись, эльфийка достала нож, легонько ткнула Витьку в упитанную голую ягодницу, прикрикнула, совсем как лошадь: «Но-о». Процессия двинулась в чашу по уже знакомой тропке, Боб хотел что-то сказать Лохматому, но, видно, раздумал, махнул рукой и замкнул колонну.

Лохматый глянул вслед уходящим, быстро наполнил пластиковый стаканчик из трофейной бутылки с виски и залпом выпил. Скривился, глянул на почти нетронутых зайцев и занюхал рукавом. Вытащил из-за пазухи монету, осмотрел ее со всех сторон, еще раз попробовал на зуб. Широко улыбнулся, почесал в бритом затылке и, крикнув куда-то в сторону: «Так я вас провожу», – трусцой побежал по тропинке.

ISBN 978-5-699-68047-4

ЭКСМО